

158 535 5.
сб. №1

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ПЕДАГОГИКѢ

Неперіодическое изданіе, выходящее
подъ редакціей Г. Г. ЗОРГЕНФРЕЯ.

СБОРНИКЪ № 1.

Самоуправленіе въ школахъ.

Изд-ство „Образованіе“ СПб.
1912.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЗИКѢ.

Непериодическое издание, выходящее подъ ред. заслужен. проф. Н. П. Боргмана.

Издание сборниковъ «Новыя идеи въ физикѢ» имѣетъ цѣлью ознакомленіе русскихъ читателей съ различными, существующими въ настоящее время, воззрѣніями по наиболее важнымъ вопросамъ физики. Каждый отдельный сборникъ будетъ посвященъ выясненію одного или двухъ основныхъ вопросовъ и будетъ заключать въ себѣ статьи, наиболее доступныя для лицъ, не обладающихъ большими знаніями по математикѢ, въ которыхъ авторы разсматриваютъ эти вопросы съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Сборникъ № 1. Строеііе вещества. — Ж. Перренъ. Броуновское движеніе и молекулы. — Э. Рёттерфордъ. Современное состояніе атомической теоріи въ физикѢ. — П. Боргманъ. Возникновеніе электронной теоріи вещества. — Л. Кельвинъ. Эпипусъ атомизированный. — Л. Кельвинъ. 3 мелкихъ статьи, относящіяся къ модели радиоактивныхъ атомовъ. — Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Распредѣленіе корііісей въ атомѢ. Второе дополненное изданіе. ЦѢна 80 коп.

Сборникъ № 2. Эфиръ и матерія. — П. Ленардъ. Эфиръ и матерія. — Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Взаимоотношеніе между матеріей и эфиромъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области электричества. — М. П. Якобсонъ. Опредѣленіе отношенія массы къ вѣсу въ случаѣ радиоактивнаго вещества (извлеч. изъ статьи Л. Саутернеса). — Н. Кемпбелль. Эфиръ. — М. Планкъ. Положеніе новѣйшей физики по отношенію къ механическому міровоззрѣнію. Ц. 80 к.

Сборникъ № 3. Принципъ относительности. — В. Бурсіанъ. Опытныя изслѣдованія по вопросу о вліяніи движенія вещества на эфиръ. — І. Классенъ. Принципъ относительности въ современной физикѢ. — А. Эйнштейнъ. Принципъ относительности и его слѣдствіе въ современной физикѢ. — Дж. Льюисъ и Рич. Толъманъ. Принципъ относительности и не-ньютоновская механика. Ф. Франкъ. Принципъ относительности и изображеніе физическихъ явленій въ четырехъмѣрномъ пространствѢ. Ц. 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книги признаны подлежащими внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Сборникъ № 4. Дѣйствія свѣта. — † П. Н. Лебедевъ. О давленіи свѣта. — П. П. Лазаревъ. О связи оптическихъ свойствъ вещества и фотохимическаго эффекта. — Б. С. Швецовъ. Флюоресценція и фосфоресценція. — А. Ф. Гоффъ. Фотоэлектрическія явленія. (Печатается).

Сборникъ № 5. Природа свѣта. — П. С. Эренфестъ. Групповая скорость свѣта. — Ф. Ф. Соколовъ. Природа бѣлаго свѣта. Д. С. Рождественскій. Дисперсія свѣта. — А. Эйнштейнъ. О развитіи нашихъ воззрѣній на сущность и строеііе лучеспусканія. — Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Теорія структуры электрическаго поля и ея приложеніе къ Рѣнтгеновскимъ лучамъ и свѣту. ЦѢна 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМИИ.

Непериодическое издание, выходящее подъ ред. профессора Л. А. Чугаева.

Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы. — В. А. Яковлевъ. Вантъ-Гоффъ. — Л. А. Чугаевъ. Вантъ-Гоффъ и судьбы стереохиміи. — Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ. О значеніи работъ Вантъ-Гоффа для минералогіи и геологіи. — В. А. Кистяковский. Осмотическое давленіе по работамъ Вантъ-Гоффа. — А. А. Байковъ. Принципъ подвижнаго равновѣсія. — С. Арреніусъ. Свободная энергія. — Л. А. Чугаевъ. Структурно-стереохимическія представленія въ области неорганической химіи. ЦѢна 80 коп.

Готовятся къ печати слѣдующіе сборники, посвященные вопросамъ приложенія термодинамики къ химіи, радиоактивныхъ веществъ, валентности и химическаго строеііа и химіи высокихъ химическихъ температуръ.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ПЕДАГОГИКѢ

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей

Г. Г. Зоргенфрея.

СБОРНИКЪ № 1.

САМОУПРАВЛЕНІЕ ВЪ ШКОЛАХЪ.

Книгоиздательство „ОБРАЗОВАНИЕ“, СПБ.

1912.

Предисловіе.

Задача нашихъ сборниковъ — знакомить широкіе слои русскаго интеллигентнаго общества съ новыми проблемами въ педагогикѣ. Матеріаломъ явятся переводныя, компилятивныя и оригинальныя статьи, въ которыхъ не будетъ навязываться читателю одинъ опредѣленный взглядъ, а, по возможности, будетъ освѣщаться вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. При выборѣ матеріала, конечно, приходится считаться и съ тѣмъ, что уже имѣется на русскомъ языкѣ.

Г. Зоренфрей.

15 Апрѣля, 1912.
СПБ.

Оглавленіе.

Самоуправленіе въ школахъ.

СТР.

I. Требованіе воспитательной школы.

1. Зачѣмъ намъ воспитательная школа?	1
2. Взаимное довѣріе, какъ основа воспитанія	3
3. Задача школьнаго воспитанія	11

II. Средства и пути.

1. Самоопредѣленіе и самодѣятельность въ предѣлахъ преподаванія	17
2. Школьная жизнь, какъ исходный пунктъ для образованія характера	26
3. Духъ класса	36
4. Американскій школьный городъ	39
5. Какъ надо смотрѣть на школьный городъ и чему мы можемъ научиться отъ него?	45

III. Мои собственные опыты надъ самоуправленіемъ.

1. Упражненія въ самообладаніи, какъ предварительная ступень	53
2. Проведеніе системы	59
3. Значеніе для воспитанія гражданскаго	72
4. Возраженія и условія	80

IV. Самоуправленіе въ средней школѣ.

1. Докладъ Штейнеке	91
2. Докладъ Зибурга	127.
3. Къ вопросу о самоуправленіи въ сред. школѣ	159

Предисловіе.

По предложенію начальства Цюрихскаго Школьнаго Совѣта я разработалъ рефератъ о „самоуправленіи учениковъ“, который въ отпечатанномъ видѣ былъ разосланъ всѣмъ подписчикамъ „Листка учебнаго вѣдомства“ (учителямъ и учебному начальству), а въ засѣданіи Цюрихскаго Совѣта 26 сентября 1911 года послужилъ предметомъ преній.

Многія свѣдущія лица предлагали мнѣ сдѣлать эти очерки доступными для болѣе широкаго круга читателей. Я рѣшился послѣдовать этому приглашенію, тѣмъ болѣе, что трудъ мой встрѣтилъ неожиданное сочувствіе среди цюрихскихъ учителей. По желанію издателя я значительно расширилъ рефератъ; само собою разумѣется, что это вызвало нѣкоторую переработку его.

Къ идеѣ самоуправления (selfgovernment) въ общемъ все еще относятся съ недовѣріемъ. Ужъ не имъ ли, подъ которымъ мы хотѣли бы его провести, даетъ поводъ къ предубѣжденію? Въ самомъ дѣлѣ со стороны легко можетъ показаться, что дѣло идетъ о томъ, чтобы устранить учителей, а поддержаніе порядка предоставить исключительно на усмотрѣніе и отвѣтственность учениковъ. Но, конечно, это не такъ; о самоуправленіи въ собственномъ смыслѣ слова тутъ не можетъ быть и рѣчи. Поэтому выраженіе самоуправленіе, которое можетъ указывать только на школьную дисциплину, по-

коящуюся на одномъ только демократическомъ основаніи, выбрано до нѣкоторой степени неудачно; но такъ какъ въ специальной литературѣ это выраженіе вошло уже въ общее употребленіе, то и намъ здѣсь приходится примѣнять его.

Пусть эта работа послужитъ къ тому, чтобы исправить ошибочныя мнѣнія и завербовать новыхъ друзей идеи самоуправленія, которое я узналъ и привыкъ цѣнить, какъ превосходное средство для развитія чувства солидарности и для проложенія путей къ самовоспитанію.

Помѣщенные въ текстъ примѣры изъ практики имѣютъ второстепенное значеніе; они служатъ только къ тому, чтобы лучше освѣтить главное—тракуемый здѣсь принципъ. И все-таки, несмотря на то, что какъ разъ эти примѣры могли бы вызвать справедливую критику, я не могъ отъ нихъ отказаться. Мы охотно и плодотворно задумываемся надъ тѣмъ, что предъ нами въ конкретномъ видѣ; а общія теоріи, которыя къ тому же каждый обыкновенно понимаетъ по своему, оставляютъ насъ равнодушными.

Иог. Генпъ.

Цюрихъ, октябрь 1910.

Иоганнъ Генпъ.

I. Требованіе воспитательной школы.

1. Зачѣмъ намъ воспитательная школа?

Мы стоимъ посреди преобразовательнаго движенія, посреди борьбы, имѣющей цѣлью дать нашей школѣ болѣе раціональную организацію, болѣе современное и подходящее къ дѣтской природѣ содержаніе. Прежде всего требуются чисто внѣшнія преобразованія (учебный планъ, расписаніе уроковъ, уменьшеніе состава классовъ). Если бы только недостатокъ денегъ не составлялъ такого сильнаго тормоза! Но школа нуждается еще и во внутреннемъ преобразованіи и развитіи, и это рѣшительно важнѣе.

Уже болѣе поколѣнія сошло въ могилу съ тѣхъ поръ, какъ введено всеобщее обученіе, а народная школа получила ту организацію, которую она въ общихъ чертахъ сохраняетъ еще и теперь. До того времени молодежь росла почти исключительно возлѣ родителей. Средоточіемъ человѣческой дѣятельности были: въ городѣ ремесленные мастерскія, а въ деревнѣ—тихіе крестьянскіе дома. Тамъ можно было рядомъ съ школой занять дѣтей самымъ разнообразнымъ интереснымъ и здоровымъ трудомъ. За работой самымъ естественнымъ образомъ передавались отъ родителей дѣтямъ знанія, наблюденія, привычки и взгляды на жизнь, въ чемъ и заключалась вся суть воспитанія.

Сельская община тоже была могучимъ и цѣннымъ

факторомъ воспитанія. Въ чисто крестьянскихъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе не скучено въ слишкомъ большія группы, она и теперь еще имѣетъ значеніе. Старъ и младъ отлично тамъ знаютъ другъ друга; и семейная хроника каждаго болѣе или менѣе извѣстна. Общественное мнѣніе деревни зорко слѣдитъ за всѣмъ, часто предохраняетъ отъ нравственнаго паденія и не терпитъ „паршивой овцы“.

Въ наше время проблема воспитанія уже не такъ проста. Большинство городовъ и много деревень стали промышленными центрами. Отъ такой перемѣны прежде всего потеряла свое воспитательное значеніе семья. Отецъ работаетъ здѣсь, мать—тамъ. Изъ 44 мальчиковъ послѣдняго моего класса только 14 были такъ счастливы, что у нихъ мать не уходила на заработки и могла посвятить все свое время и силы своимъ дѣтямъ; у 7 только были отцы, которые зарабатывали свой хлѣбъ въ семьѣ (большей частью беря работу на домъ). Нужно-ли послѣ этого удивляться, что у большинства дѣти проводятъ свободное время на улицѣ, безъ всякаго присмотра и портятся? Кто можетъ подавить вліяніе магазинныхъ оконъ, грязной литературы, сенсационной прессы, автоматическихъ буфетовъ, кафешантанныхъ театровъ и дурного товарищества, а съ момента профессиональной работы и трактировъ?

Измѣнившіяся со временемъ отношенія сказываются также и на школѣ. Дисциплинарныя и воспитательныя задачи народной школы стали теперь, какъ это свидѣтельствуютъ всѣ старѣйшіе учителя, куда шире и труднѣе, особенно въ промышленныхъ мѣстностяхъ. Много, что было первѣйшей задачей родителей, какъ напр., приученіе къ порядку, вѣрность въ мелочахъ, приличіе, услужливость, точность, правдивость,—все это большинству дѣтей прививается только въ школьное время съ большимъ терпѣніемъ и затратой силъ и времени. По-

этому, если будущее создать болѣе естественный и здоровый социальный строй, то никто не будетъ такъ радъ этому, какъ учителя.

А покуда намъ приходится считаться съ дѣйствительностью, которая вынуждаетъ насъ для воспитанія дѣтей дѣлать больше, чѣмъ до сихъ поръ. Общество и государство, повидимому, считаютъ это вполне естественнымъ, и къ прежнимъ воспитательнымъ задачамъ школы постоянно прибавляютъ новыя. То вмѣняютъ учителямъ въ обязанность внушать молодежи осторожность по отношенію къ трамваю, проводамъ высокаго напряженія или инымъ путямъ сообщенія; то учителя обязаны содѣйствовать борьбѣ противъ туберкулеза, алкоголя или порчи зубовъ; то школа раскрывай двери ручному труду, задачамъ охраны родины, а то даже изволь рѣшать половой вопросъ!

Мы можемъ относиться къ этимъ требованіямъ, какъ намъ угодно, и школа можетъ быть и не быть въ состояніи оправдать возлагаемыя тутъ на нее надежды,—независимо отъ всего этого ясно одно: чѣмъ менѣе является зрѣлой по отношенію къ своимъ воспитательнымъ обязанностямъ семья, тѣмъ болѣе такихъ обязанностей падаетъ на школу, тѣмъ добросовѣстнѣе должны взяться за воспитаніе характера мы, учителя! Пусть намъ не все дано совершить, мы все-таки попытаемся сдѣлать то, что возможно въ рамкахъ нашей работы.

2. Взаимное довѣріе, какъ основа воспитанія.

Кто хочетъ воспитывать, тотъ непоколебимо долженъ быть убѣжденъ въ возможности успѣшнаго воспитанія. Призваніе педагога только тогда можетъ удовлетворять насъ, когда мы одушевлены твердой увѣренностью, что наша работа будетъ плодотворна, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Эта увѣренность тѣмъ больше говоритъ

за себя, что и великіе умы человѣчества, — Платонъ, Кантъ и другіе, — трудились надъ облагороженіемъ человѣческаго рода, одушевленные той же увѣренностью.

Затѣмъ надо, чтобы воспитатель и воспитанникъ понимали другъ друга. Въ этомъ отношеніи многое въ нашихъ школахъ еще требуетъ улучшенія. Развѣ не стоитъ призадуматься надъ тѣмъ, какъ мало работаютъ ученики по собственному влеченію или убѣжденію, какъ много въ ихъ трудѣ вынужденнаго, вымученнаго? Развѣ не часто прибѣгаютъ дѣти къ хитрости и лжи изъ страха передъ учителемъ? Станутъ они готовить уроки, если ихъ не наказывать за лѣность? Станутъ они дѣлать гимнастическія упражненія безъ понужденія? Станутъ они писать чисто, если изъ-за этого не сбавлять имъ отмѣтку? Но какъ же тогда учителю пріобрѣсти самое интимное и глубокое вліяніе на ученика, коль скоро взаимныя отношенія у нихъ далеко не дружественны? Вѣдь только тотъ вліяетъ на молодежь, кто пользуется ея довѣріемъ и самъ ей платитъ тѣмъ же. Въ родительскомъ домѣ — мы разумѣемъ нормальныя отношенія — взаимное довѣріе является чѣмъ-то само собою понятнымъ: вѣдь ребенокъ вращается въ семью безсознательно и безотчетно. Въ школѣ совсѣмъ иначе. Въ школьномъ возрастѣ дѣти уже обладаютъ извѣстной способностью сужденія, и не безъ нѣкотораго раздумья вступаютъ они въ активное или пассивное общеніе съ своими новыми воспитателями. Довѣріе дѣтей во все не достается намъ, учителямъ, само [собою: [мы должны его завоевывать.

Многимъ учителямъ приходится попадать въ положеніе Гельмгольца. Говорятъ, что послѣдній при своихъ акустическихъ изслѣдованіяхъ выработалъ такое умѣнье различать обертоны, которые своимъ числомъ, высотой и силой обуславливаютъ у различныхъ инструментовъ особый тембръ основного звука, выработалъ такое совершенство слуха, что онъ болѣе не могъ посѣщать концерты:

путаница и нагроможденіе этихъ звуковъ портили всякое наслажденіе для его черезчуръ чувствительнаго уха. Такъ и намъ, педагогамъ, надо остерегаться, чтобы вѣчно не слышать только мѣшающихъ обертоновъ, и не позволять имъ покрывать хорошей основной тонъ.

Бываютъ учителя, которые никогда не могутъ простить ребенку, если онъ въ чемъ-нибудь провинился. Постоянно они встрѣчаютъ его съ недоувѣріемъ; за всякой дѣтской рѣзвостью чудится имъ злое; всякій невинный смѣхъ возбуждаетъ ихъ подозрѣнія; быть можетъ, они даже записываютъ въ книжку проступки своихъ воспитанниковъ. Но въ правѣ ли мы всегда предполагать только дурныя намѣренія у нехорошихъ дѣтей? Знаемъ ли мы, что мы заглушаемъ въ нихъ чувство чести, безпрестанно ставя имъ на видъ ихъ дурное поведеніе? Не искажаемъ ли мы дѣйствительность, когда бранимъ нашихъ учениковъ, всѣхъ безъ разбора — шайкою?

Кто такъ поступаетъ, тотъ злоупотребляетъ силою по отношенію къ слабому. У ребенка нѣтъ никакого адвоката, который могъ бы защитить его право. Ему остается только съ проклятіемъ швырнуть въ уголъ рюкзакъ и книги, когда къ этому представится возможность. Въ подходящую минуту можно, конечно, властнымъ словомъ предупредить беспорядокъ или грубость; но отъ постоянного порицанія и ворчанія, отъ непрерывнаго присмотра и опеканія ни одинъ человѣкъ не станетъ лучше¹⁾, наоборотъ, скорѣй даже остановится въ развитіи самыхъ цѣнныхъ способностей.

Мнѣ помнится, какъ въ одномъ курсѣ объ уходѣ за молодежью (Цюрихъ 1908) лекторъ при общемъ одобреніи провозгласилъ: „Шалуны — славные ребята; они разобьютъ сосѣду стекло, но они же спасутъ упавшее въ воду дитя!“ Если онъ этимъ хотѣлъ сказать, что иногда

¹⁾ Ср. Schweiz. Lehrerzeitung 1908, стр. 255 и слѣд.

въ самыхъ необузданныхъ, самыхъ предприимчивыхъ натурахъ много остается неиспользованной силы, которую только надо было направить въ хорошую сторону,—то въ этомъ онъ безусловно правъ. Такіе ученики рѣдко выходятъ изъ школы съ хорошими аттестатами. Пожалуй даже мы оттого бываемъ часто недовольны ими, что сами мы не настолько выше ихъ, чтобы они охотно подчинялись нашему вліянію. Эленъ Кей, вѣроятно, не совсемъ неправа, когда говоритъ: „Самый тихій, самый послушный ребенокъ—въ школѣ самый лучший ученикъ, а самыя безличныя и безцвѣтныя дѣти всегда ставятся въ примѣръ; такъ уже въ школѣ искажаются понятія цѣнности“. „Если относиться къ людямъ такъ, какъ они есть, это значитъ дѣлать ихъ хуже; если же обращаться съ ними какъ будто они то, чѣмъ должны быть, это значитъ вести ихъ туда, куда слѣдуетъ“ (Гете). Такъ и къ малодоступнымъ натурамъ будетъ относиться съ доброжелательностью, любовью, а вовсе не съ равнодушіемъ или явнымъ порицаніемъ и холодностью. Кто не увѣренъ въ нашей любви и участіи, тотъ пропуститъ наши совѣты мимо ушей.

Уже Лютеръ говорилъ, что надо такъ наказывать, чтобы возлѣ розги было яблоко. Конечно, даже наказаніе должно быть актомъ любви. Послѣ очищающей грозы должно засіяť солнце; только тогда все случившееся принесетъ пользу. Ни одинъ ученикъ не долженъ терять увѣренности, что воспитатель смотритъ дальше минутнаго прискорбнаго заблужденія и, несмотря на все, надѣется еще на что-то въ немъ такое, что способно къ развитію и достойно уваженія.

Вотъ, напримѣръ, блѣдный, выросшій въ неблагопріятной обстановкѣ школьникъ. Духомъ и тѣломъ онъ очень слабъ, единственно въ чистописаніи оказываетъ онъ замѣтные успѣхи. Я такъ и отмѣчаю это въ свѣдѣтельствѣ для отмѣтокъ. Что же тогда дѣлаетъ малышъ? Онъ

пристаетъ ко мнѣ съ просьбой: „Дайте мнѣ бумаги и дайте мнѣ что-нибудь по чистописанію; мнѣ хотѣлось бы выучиться красиво писать“. Мнѣ, конечно, не важно, чтобы онъ еще красивѣе сталъ писать. Гораздо важнѣе, что онъ даритъ меня довѣріемъ и надѣется на мою справедливость. Къ этой успѣшной работѣ мнѣ остается только приложить рычагъ. Какъ только мы станемъ считать ребенка способнымъ къ хорошему, онъ тотчасъ будетъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ, стараться заслужить наше довѣріе.

Это довѣріе, конечно, ни въ коемъ случаѣ не должно быть слѣпымъ, безразличнымъ и не должно также вырождаться въ исканіе популярности или фамиллярности. Ребенокъ долженъ знать, что учитель зорко смотритъ за нимъ, и настолько зорко, что готовъ даже признать простыя усилія стремиться къ добру. Въѣ насъ, взрослыхъ ничто такъ не поощряетъ, какъ довѣріе. Тѣмъ сильнѣе огорчается и парализуетъ ученика непризнаніе его добрыхъ намѣреній.

Наша профессія требуетъ, чтобы мы жили для дѣтей, какъ это дѣлалъ Песталоцци. Молодежь должна видѣть въ насъ не только наставниковъ и учителей, но также друзей и просто людей. Мы не смѣемъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока въ каждомъ ребенкѣ, даже самомъ распущенномъ, не найдемъ такое мѣстечко, гдѣ бы могло найти откликъ доброе, ласковое слово. Любовь, она и въ учительѣ должна быть движущей силой!

Какъ разъ у городского учителя, особенно у начинающаго, проскальзываетъ иногда такое чувство, будто онъ долженъ исполнять преимущественно полицейскія обязанности, повелѣвать, предупреждать, ограждать, охранять, употреблять рѣзкія слова, окрикивать, фильтровать, устранять, пресѣкать, подавлять, искоренять, гнать и попускать. Просто бѣжать хочется. А въѣ мы желали бы вести къ добру, утѣшать, ободрять, признавать, сѣять,

поливать, прививать, поощрять, строить, облагораживать, образовывать, развивать.

Конечно, мало такихъ учителей, которымъ удастся заставить всѣхъ учениковъ видѣть въ своемъ учителѣ друга, желающаго имъ только добра. Возьмемъ, пожалуй, порядочнаго мальчика. Его поведеніе не оставляетъ желать лучшаго, не удастся только установить взаимнаго расположенія, настоящаго довѣрія другъ къ другу. Я увѣренъ, что при должномъ поощреніи—или и безъ этого—изъ него выйдетъ славный малый. И вотъ я чувствую, что принесу только вредъ, когда вздумаю чрезмѣрнымъ усердіемъ, навязанной помощью, а то и наказаніями достигнуть того, чего такъ не добился. Если въ такихъ случаяхъ доброта не помогаетъ, то простымъ принужденіемъ выиграешь еще меньше. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ наша настойчивость можетъ даже повести къ тому, что воспитанникъ совсѣмъ перестанетъ задумываться надъ самимъ собой и изъ-за нашей некорректности перестаетъ замѣчать собственные ошибки.

Недавно одинъ товарищъ сообщилъ мнѣ такое наблюденіе. Дѣвочка, въ которой онъ уже отчаялся, перемѣнила мѣсто жительства. Черезъ нѣкоторое время онъ узналъ, что съ перемѣной обстановки его прежняя воспитанница измѣнилась къ лучшему. Новому учителю удалось найти ключъ, которымъ онъ открылъ дремавшія до той поры силы. Также и наоборотъ, каждому учителю, конечно, приходилось дѣлать отрадныя наблюденія надъ учениками, которые поступали къ нему въ классъ съ дурною репутаціей. Еслибъ не другія послѣдствія, я бы предложилъ въ такихъ случаяхъ, когда учитель и ученикъ не могутъ установить взаимнаго пониманія, переводить послѣдняго въ другой классъ.

И наша природа ставитъ намъ извѣстныя границы. Мы не можемъ выбирать симпатичныхъ для насъ учениковъ; въ классъ попадаютъ самыя разнообразныя натуры,

и поэтому мы не можемъ быть все для всѣхъ. Отсюда и выходитъ, что даже и у справедливыхъ людей бываютъ совершенно различные отзывы объ одномъ и томъ же учителѣ.

Если-бы только и большой составъ классовъ не мѣшалъ намъ устанавливать болѣе естественныя отношенія къ ученикамъ и воспитывать всякаго сообразно съ его индивидуальностью! Мы, конечно, знаемъ, что твердое дерево требуетъ иного обращенія, нежели мягкое; бываютъ растенія, которыя пробуждаются отъ перваго яснаго весенняго дня, тогда какъ для расцвѣта другихъ нужна вся сила июльскаго солнца; что бываютъ дѣти—тепличныя растенія, которыя гибнутъ отъ холоднаго вѣтра, и сильныя натуры, которыя только и крѣпнутъ подъ открытымъ небомъ въ вѣтеръ и непогоду. Мнѣ лично кажется однако весьма затруднительнымъ допускать въ отдѣльныхъ случаяхъ особыя отношенія и притомъ избѣгать упрека въ пристрастіи. Тутъ нужно такое искусство, что и за всю жизнь не научишься. Наше школьное воспитаніе—массовое воспитаніе; поэтому ради послѣдовательности мы часто не можемъ отдѣлаться отъ той шаблонной справедливости, которая мѣритъ на одинъ аршинъ различныя вещи.

При всемъ томъ одинъ изъ высшихъ принциповъ долженъ у насъ гласить: соблюдай строжайшую справедливость! Иначе мы никогда не добьемся, чтобы ученики питали къ намъ полное довѣріе. Именно мальчики ни въ чемъ такъ не чувствительны, какъ въ вопросахъ права и справедливости. Вотъ примѣръ изъ практики.

Мои пятиклассники получили отмѣтки за первую четверть. Вполнѣ точной оцѣнки учениковъ не могло еще быть, такъ какъ я знакомъ былъ съ своими мальчуганами всего только четверть года. На слѣдующее утро я хотѣлъ начать урокъ, и вдругъ вижу, что Т. Д. горько плачетъ. Мнѣ тотчасъ стало ясно, что онъ увѣренъ, что къ нему были несправедливы. На мой вопросъ онъ от-

вѣщаетъ: „У моего сосѣда по геометріи $3\frac{1}{2}$, а у меня только тройка, между тѣмъ я заслуживаю лучшей отмѣтки, чѣмъ онъ“. Я никакъ не могъ припомнить, чѣмъ онъ лучше сосѣда. Съ другой стороны я сказалъ себѣ: въ общемъ это слабый ученикъ; однако нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы я подъ впечатлѣніемъ посредственныхъ успѣховъ его по другимъ предметамъ, именно языкамъ, немножко низко оцѣнилъ его по геометріи. Я успокоилъ его, замѣтивъ ему, что если-бы онъ выказалъ значительное преимущество передъ сосѣдомъ, то я и самъ бы замѣтилъ это. „Не теряй мужества! За признаніемъ дѣло не станетъ, если ты будешь настойчивъ!“ Въ теченіе года обнаружилось, что былъ правъ онъ, а не я. Когда мы задолго передъ экзаменомъ занимались повтореніемъ, я задалъ двумъ ученикамъ рѣшить на классной доскѣ такую задачу: построить треугольникъ, у котораго сторона — 60 сантиметровъ, а прилежащіе углы — 40 и 70 градусовъ. При этомъ я спросилъ остальныхъ учениковъ: какой это будетъ треугольникъ? Д. одинъ сумѣлъ мнѣ сразу отвѣтить и доказать, что получится равнобедренный остроугольный треугольникъ. Хорошая отмѣтка за вторую четверть побудила его весь годъ лѣзть изъ кожи. Мое довѣріе усилило его увѣренность въ своихъ силахъ. И онъ не забылъ отблагодарить меня: это было видно въ томъ усердіи, съ какимъ онъ стремился оказать примѣрные успѣхи по другимъ предметамъ. Очевидно, уже въ первую четверть учебного года онъ чувствовалъ, что можетъ кое-чѣмъ выдвинуться по геометріи. Отклони я его жалобу, какъ неосновательную, быть-можетъ, его способности и теперь лежали бы втунѣ.

О чемъ люди рассказываютъ, когда зайдетъ разговоръ объ ихъ школьной жизни? О невинныхъ и иныхъ шалостяхъ, а часто и о мнимыхъ обидахъ и несправедливостяхъ. Чѣмъ непогрѣшимѣе и неприступнѣе мы будемъ

держатъ себя, тѣмъ больше шансовъ, что насъ ждетъ такая критика. Ученикъ тоже долженъ имѣть свое мнѣніе и возможность его высказывать, даже если оно и противоположнаго характера; только оно у него должно быть обоснованнымъ. Неуступчивость же — слабое средство для поддержанія авторитета. И учитель можетъ ошибаться. Поэтому намъ нужно учиться свободно признаваться въ допущенной несправедливости. Одна единственная несправедливость, которой, учитель, можетъ-быть, и вовсе не сознавалъ, можетъ повести къ тому, что кто-нибудь много лѣтъ будетъ съ ненавистью вспоминать о своемъ давнишнемъ воспитателѣ. Откровенное объясненіе можетъ творить чудеса. Тутъ научаются взаимному пониманію, учитель знакомится съ дѣтскими, незрѣлыми взглядами учениковъ, а они — съ болѣе высокой точкой зрѣнія взрослого. Если при этомъ и выйдетъ иногда какая-нибудь неловкость, зато никогда не пропадетъ основное настроеніе взаимнаго довѣрія.

Какъ много вообще пользы можетъ принести довѣріе къ хорошимъ сторонамъ въ ребенкѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Линдсей, дѣтскій судья въ Денверѣ, С.-А. С. Ш. Каждый воспитатель съ большой пользой прочтетъ его книжечку „Задача дѣтскаго суда“¹⁾. Подобно Линдсею всѣ учителя должны бы имѣть нѣчто, что заставляетъ ученика обнаруживать лучшую сторону своей души. Подобно ему вездѣ надо бы отношенія между воспитателемъ и воспитанникомъ строить на почвѣ взаимной любви. Гдѣ это такъ, тамъ послушаніе, тамъ и довѣріе.

3. Задача школьнаго воспитанія.

Педагогика не знаетъ болѣе высокой и достойной стремленія цѣли, какъ вести молодыхъ людей къ сво-

¹⁾ „Die Aufgabe des Jugendgerichtes“, нѣмецк. переводъ д-ра А. Пауль, изд. Э. Зальцеръ, въ Гейльброннѣ.

бодѣ, развивать въ нихъ личность. Правда, школьное воспитаніе подчинено прежде всего цѣлямъ регламентированнаго преподаванія; но оно должно быть такъ устроено, чтобы изъ него возникало самовоспитаніе. Вся наша педагогическая работа должна быть одушевлена стремленіемъ дать воспитаннику возможность найти самого себя, „выбирая добро и отвергая зло“ (Рейнъ). Но какъ добиться добровольнаго подчиненія? Какъ это устроить, чтобы воспитанникъ уразумѣлъ необходимость самовоспитанія? Какъ создать влеченіе къ истинѣ, къ внутреннему совершенствованію? Все это вопросы, на которые такъ трудно отвѣтить, что они будутъ волновать умы до тѣхъ поръ, пока вообще будутъ говорить о воспитаніи. Тѣмъ не менѣе каждый воспитатель долженъ задумываться надъ этими конечными цѣлями своей работы, такъ какъ собственный опытъ показываетъ, что изъ насъ можетъ создать истиннаго человѣка только та работа, которую мы сами выполняемъ надъ нашимъ „я“, а не извнѣ идущее воспитаніе.

Воспитаніе къ свободѣ, т. е. къ установленію самому себѣ законовъ, никогда еще не было такъ необходимо, какъ теперь. Чтобы идти прямой дорогой, на это теперь, надо безусловно куда больше силы воли, чѣмъ прежде. Въ господствѣ надъ природой мы ушли замѣчательно далеко; наука и техника создаютъ намъ неслыханныя раньше удобства. Но развѣ увеличились и силы разума самоограниченія? Развѣ необузданная алчность не охватываетъ все болѣе широкіе круги? Новое время, конечно, увеличило нашу внѣшнюю мощь, но оно оказалось не въ силахъ дать намъ внутренней свободы. Мы устранили много учреждений, для многихъ служившихъ прежде важной опорой, не позаботившись ихъ чѣмъ-либо замѣнить. Церковь и государство лишились большей части своей опекающей силы, исчезли и другія старыя преграды (вспомнимъ, напр., школьное дѣло).

Поскольку это закрыло путь большому произволу, мы радуемся такой перемѣнѣ. Горько однако признаться, что стремленіе современной культуры подвергать сомнѣнію и устранять всякую традицію и авторитетъ внесло въ школьную молодежь какой-то новый духъ. Напрасно стараніе нынѣ создать изъ ребенка существо тихое и скромное. Молодое поколѣніе хочетъ какъ можно раньше сбросить всякую опеку. Идеи самоопредѣленія проникли до младшихъ ступеней школы. Да и со стороны семьи теперь рѣдко внушаютъ ребенку, что онъ самъ виноватъ въ конфликтѣ со школой, что для него же будетъ лучше, если онъ научится сдерживать себя и переносить.

Мы хорошо сдѣлаемъ, если обратимъ вниманіе на эти знаменія времени. Коль скоро въ нашихъ прежнихъ дисциплинарныхъ средствахъ нѣтъ больше силъ, коль скоро патріархальныя формы распатаны, то значитъ надо ковать новое оружіе, лучше отвѣчающее современному духу. Во всякомъ случаѣ нѣтъ смысла сентиментально обращаться взоры назадъ, къ утраченному.

Прежде всего мы должны сознать, что стремленіе къ самостоятельности, особенно у мальчика, является естественной необходимостью. Мы не смѣемъ подавлять здоровое по существу своему стремленіе къ свободѣ; наша задача только въ томъ, чтобы направить его на истинный путь. Если мы его вообще не станемъ признавать, то воспитанники почувствуютъ себя непонятыми, замкнутся въ себя, и наши добрыя намѣренія потерпятъ крушеніе.

Если мы будемъ руководиться отмѣченнымъ взглядомъ, то не станемъ обращаться въ школѣ съ дѣтьми какъ съ подчиненными, для которыхъ первый долгъ — слѣпое повиновеніе. Скорѣе мы будемъ видѣть въ нихъ молодыхъ людей, которые черезъ двѣнадцать, десять, восемь, а то и менѣе лѣтъ должны стать взрослыми, способными, разсудительными, самостоятельными, любящими

трудъ людьми, и которые нуждаются въ нашей помощи на пути къ этой высокой цѣли.

Къ сожалѣнію, всѣмъ попыткамъ дать мѣсто развитію индивидуальности, здоровому самоопредѣленію и свободѣ движеній мѣшаетъ всегда большое число учениковъ нашихъ классовъ, являющееся почти непреодолимымъ препятствіемъ. Дайте намъ небольшіе классы, и смолкнетъ большая часть требованій реформы!

Но намъ нужно углубляться и въ самихъ себя. Намъ, учителямъ, очень полезно отъ времени до времени давать себѣ отчетъ, къ чему собственно ведетъ наша работа, и находятся ли наши школьныя мѣропріятія въ согласіи съ намѣченной цѣлью.

Мы привыкли видѣть, чтобы работа исполнялась только по указкѣ, и трусливо устранимъ учениковъ отъ всякаго самостоятельнаго участія въ поддержаніи порядка; мы не умѣемъ воспитывать молодыхъ людей къ тому, чтобы они сами вырабатывали для себя законы и дисциплину; и поэтому намъ приходится слишкомъ часто прибѣгать къ некрасивому, самовластному принужденію.

Многіе учителя интересуются проблемой воспитанія гораздо меньше, нежели проблемой преподаванія, ибо имъ очень и очень часто приходится испытывать, что ихъ работу оцѣниваютъ только количествомъ знанія, которое могутъ показать ихъ ученики. И тогда все ихъ вниманіе устремляется къ тому, чтобы не осрамиться на экзаменѣ, и дѣятельность, которую слѣдовало бы посвятить воспитанію, остается въ пренебреженіи.

Такое стремленіе къ желанію показать себя легко приводитъ къ тому, что о достоинствѣ дисциплинарныхъ мѣръ судятъ только по скорости, съ какою онѣ устанавливаютъ внѣшній покой.

Ради безупречнаго въ любую минуту показного порядка запрещаютъ всякое свободное движеніе, а послушаніе смѣшиваютъ съ отказомъ отъ собственной воли.

Конечно, въ извѣстномъ возрастѣ умѣстно и механическое, авторитетное приученіе. Воспитаніе свободы возможно только тогда, когда уже рѣшенъ вопросъ о послушаніи. Пока дѣтямъ недостаетъ разсудительности, они слѣпо должны подчиняться волѣ и разуму своихъ воспитателей, даже если бы для проведенія такого режима потребовалась неумолимая строгость.

Однако дисциплинарныя мѣры, чрезвычайно пригодныя въ младшихъ классахъ, часто переносятся на высшія ступени школы и даже старшихъ учениковъ водятъ на помочахъ, точно это какія-то неразумныя, сами ступить не умѣющія, созданія. Въ такихъ случаяхъ принужденіе легко вызываетъ тайное сопротивленіе; и порядокъ держится только, пока на лицо его блюститель, преподаватель. Слепое полицейское подчиненіе не можетъ однако имѣть ничего общаго ни съ чѣмъ, возвышающимъ душу и побуждающимъ къ самовоспитанію.

По мѣрѣ того, какъ въ мужающемъ юношѣ растетъ стремленіе освободиться отъ всякаго стѣсненія, мы должны мѣнять тактику нашего вліянія. Мы должны придать нашимъ отношеніямъ такой характеръ, чтобы быть для юноши скорѣе старшимъ другомъ и помощникомъ, готовымъ дать отеческій совѣтъ. Мы должны ему дать понять, что простое „слѣдованіе“ (Folgen) нашимъ указаніямъ — этимъ нѣмецкимъ словомъ отлично выражается низшая ступень повиновенія — должно вырасти до самосознанія, самопровѣрки и самопонуженія, слѣпое послушаніе должно стать зрячимъ.

По мѣрѣ того, какъ растетъ его вмѣняемость, онъ долженъ приучаться къ личной отвѣтственности. Его поступки все болѣе и болѣе должны отвѣчать его собственной волѣ, должны быть имъ самымъ обдуманы и становиться разумными. Для воспитателя это значитъ: всякій разъ, какъ твой воспитанникъ достигнетъ слѣдующей, болѣе высокой ступени развитія, ты долженъ отка-

заться отъ извѣстной доли своего господства надъ нимъ! Это, пожалуй, очень не понравится тому, кто съ чувствомъ нѣкотораго удовольствія разыгрываетъ роль неограниченнаго властителя въ маленькомъ царствѣ школьнаго класса. Однако рѣшающимъ является не то, что намъ правится, а то, что полезно для ввѣренныхъ намъ дѣтей. Сдѣлать воспитанника независимымъ отъ насъ — вотъ наша цѣль. Воспитаніе — это путь къ самостоятельности, путь къ свободѣ. Поддержка, оказываемая воспитателемъ мужающему юношѣ, должна превращаться въ лучшую внутреннюю опору въ немъ самомъ ¹⁾.

Чѣмъ старше и разумнѣе становятся воспитанники, тѣмъ болѣе должна быть у нихъ развита самостоятельность. Однако они не только должны дѣлаться независимыми отъ воспитателя; показать имъ, что прежде всего господство надъ самимъ означаетъ истинную свободу, и затѣмъ научить ихъ побуждать самихъ себя, — вотъ великая задача воспитанія.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другихъ средствъ устранить всѣ тѣ „затрудненія и конфликты“, которые возникаютъ между воспитателемъ и воспитанникомъ, когда послѣдній начинаетъ дѣлаться мужчиной. Д-ръ Месмеръ ²⁾ также очень и очень настаиваетъ на томъ, что самостоятельность есть цѣль, которую воспитаніе всегда должно имѣть въ виду. Школьное воспитаніе, по его мнѣнію, имѣетъ лишь преходящій характеръ; на него всегда надо смотрѣть, какъ на временную подпорку, которая должна упасть.

Какъ разъ самые энергичные и выдающіеся изъ современныхъ педагоговъ готовы пойти навстрѣчу стремленію къ самоопредѣленію и открыть широкій просторъ развитію личности. Итакъ, мы уже можемъ поставить вопросъ, не подлежитъ ли пересмотру наше понятіе объ

¹⁾ Ср. Генрихъ Лотцкій: „Душа твоего ребенка“. Пер. съ нѣм. Е. Максимовичъ. Подъ ред. и съ пред. П. И. Ковалевскаго. 1912 г.

²⁾ Messmer: „Grundzüge einer allgemeinen Pädagogik und moralischen Erziehung“. 3 Bde.

учительскомъ авторитетѣ, а дисциплина — преобразованію въ духѣ болѣе современномъ, у насъ вѣдь осталось именно „въ области воспитанія, домашняго и школьнаго, отъ старой абсолютистической системы больше, чѣмъ это можетъ мириться съ духомъ новаго времени“ ¹⁾.

II. Средства и пути.

1. Самоопредѣленіе и самостоятельность въ предѣлахъ преподаванія.

„Еще больше обращайтесь вниманія на стремленіе дѣтей къ дѣятельности!“ — взываютъ къ намъ. Это требованіе не ново, однако никогда не трудились надъ его осуществленіемъ такъ энергично, какъ въ наше время. Особенно въ преподавательской практикѣ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, сознаютъ, что на ребенка надо смотрѣть какъ на дѣятельное, активное существо, и что въ силу этого учитель ничего не долженъ дѣлать за учениковъ тамъ, гдѣ они сами могутъ что-нибудь выполнить.

Поэтому мы приносимъ радость дѣтямъ, когда предоставляемъ имъ елико возможно больше самостоятельности. „Всякое ученіе гроша не стоитъ, если теряется бодрость и радость“ (Песталоцци). А гдѣ ученикамъ нѣтъ случая примѣнять на дѣлѣ собственную волю, гдѣ никогда не считаются съ ихъ желаніями и гдѣ слишкомъ часто урѣзываютъ ихъ право самоопредѣленія, тамъ исчезаетъ радостное настроеніе, да и правдивость и настоящая свобода не могутъ процвѣтать.

Какъ часто и къ намъ примѣнимо ²⁾: „Школа не желаетъ никакой свободы. Ей нужно, чтобы ребенокъ только то говорилъ, только то писалъ, только то дѣлалъ

¹⁾ Paulsen: „Moderne Erziehung und geschlechtliche Sittlichkeit“. Seite 20.

²⁾ Scharrelmann: „Goldene Heimat“. Seite 12.

и только то воспринимать, что въ силу своего болѣе глубокаго пониманія считаетъ нужнымъ взрослый, т. е. учитель. Она боязливо хочетъ уберечь ребенка отъ всякихъ ошибокъ и заблужденій въ мысляхъ, рѣчи и поступкахъ. Вслѣдствіе этого, она стремится установить контроль и надзоръ за всѣми проявленіями мыслей и чувствъ ребенка; но, окружая дитя постояннымъ принужденіемъ, она развиваетъ въ немъ упрямство, по крайней мѣрѣ, постоянно вызываетъ пассивное сопротивленіе, и такимъ образомъ возникаютъ безчисленные конфликты между учителемъ и ученикомъ и тысячи маленькихъ разногласій, которыя унижаютъ наше преподаваніе. Нужно ли послѣ этого удивляться, если молодежь подростаетъ въ ложномъ убѣжденіи, будто съ школьнымъ воспитаніемъ неперемѣнно связаны гнетъ, травля, побои?

Нашъ учебный планъ и наше учебное начальство даютъ безусловно широкій просторъ для созданія свободной, естественной и соответствующей дѣтской природѣ школы (мой опытъ, относящійся сюда, касается цюрихской начальной школы).

Это можно пояснить нѣсколькими примѣрами. (Впрочемъ, всякій, кто у себя, въ своей обстановкѣ задумается надъ этою проблемою, замѣтитъ тѣ пункты, гдѣ онъ можетъ улучшить въ указанномъ направленіи свой старый способъ преподаванія).

Вотъ, на примѣръ, послѣ урока исторіи подходитъ ученикъ съ вопросомъ: „А вы намъ этого не прочтете (Присоединеніе Цюриха къ Швейцарскому союзу по книгѣ „Freundliche Stimmen an Kinderherzen“, выпускъ 155-ый)?“ Это прекрасный поводъ использовать самостоятельность при изученіи фактическаго матеріала. Я ему предлагаю: „Сдѣлай это самъ! Я дамъ тебѣ время отлично подготовиться къ слѣдующему уроку“.

У меня въ ящикѣ лежитъ цѣлая коллекція открытокъ и картинокъ (изъ разныхъ журналовъ), которыя со-

браны учениками, чтобы оживить реаліи.—Надо всячески создавать удобные случаи, чтобы сдѣлать изъ учениковъ сотрудниковъ.

На старшихъ ступеняхъ идея самостоятельности учениковъ при изученіи реалій можетъ быть проведена гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ начальной школѣ. Въ самомъ дѣлѣ, на урокахъ исторіи развѣ всегда только одинъ учитель долженъ рассказывать? Если у меня есть хорошая книга, дающая характерныя картины изъ исторіи, отчего мнѣ не поручить какому-либо ученику приготовить рефератъ, и затѣмъ поупражнять классъ въ отвѣтахъ на основаніи прослушаннаго реферата ихъ товарища? ¹⁾ Матеріалъ для такихъ упражненій находится во множествѣ дѣтскихъ журналовъ; для географіи хорошо имѣть подъ рукой путешествія и т. п., на примѣръ, А. Баумгартнера „Воспоминанія объ Америкѣ“.

Мысль Шпрага ²⁾ также легко осуществима и въ семинаріи. Когда меня въ свое время—это было въ концѣ прошлаго столѣтія—въ первомъ классѣ семинаріи нашъ учитель географіи подзадоривалъ приготовить къ слѣдующему уроку рефератъ о моемъ родномъ кантонѣ Шафгаузенѣ, то мысль, чтобы самъ ученикъ читалъ рефератъ, была такъ нова, что всѣ мои товарищи по классу вмѣстѣ со мной приняли это предложеніе за шутку, и я не сталъ готовиться. Въ какой мѣрѣ можно семинаристовъ дѣлать сотрудниками преподавателя, лучше всего показываетъ въ своихъ книгахъ д-ръ Месмеръ.

Въ обученіи ручному труду (да и въ другихъ предметахъ) можно съ пользой занять учениковъ, предоставивъ имъ самимъ разобрать и оцѣнить исполненныя работы.

¹⁾ Въ петербургскихъ гимназіяхъ рефератный способъ изученія какого-нибудь отдѣла или предмета приобрѣлъ полныя права гражданства. Ред.

²⁾ Dr. Schrag: „Die Schule von Waldheim“, стр. 9.

При этомъ можно направлять ихъ вниманіе на существенное, исправлять ихъ сужденія и подогрѣвать ихъ усердіе.

Въ арифметикѣ надо приучать учениковъ самихъ преодолевать трудности. Вотъ, на примѣръ, рѣшаютъ задачи. Подходитъ ученикъ: Господинъ учитель, у меня не выходитъ задача! — „Ничего, выйдетъ—гласить отвѣтъ—пойди на мѣсто и обдумай еще разъ всю задачу!“ Въ рѣдкихъ случаяхъ послѣ этого потребуется еще помощь. Если же придется учителю вмѣшаться, то онъ указываетъ трудности и даетъ наставленіе, какъ ихъ въ слѣдующій разъ одолѣть (общая формула и т. п.). Есть еще и такой выходъ: посылаютъ кого-либо изъ лучшихъ учениковъ къ классной доскѣ и предлагаютъ попробовать записать тамъ трудное рѣшеніе. Если другіе догнали его, то читаютъ задачу по книгѣ и вслухъ обсуждаютъ ее, затѣмъ подвергаютъ разбору рѣшенное на доскѣ. Предоставленіе учениковъ ихъ собственнымъ силамъ не исключаетъ возможности позволить слабымъ ученикамъ сразу заявлять, какъ только они встрѣтятъ затрудненіе. Только условіе: никоимъ образомъ никогда не стыдить за то, что они просятъ объяснить неясное или непонятное. Только такъ ученикъ пойметъ: „Я учусь не для учителя, а для себя; я самъ виноватъ, если учитель идетъ впередъ, когда я еще не понялъ пройденнаго“.

Естественное право ученика во всякое время обращаться къ учителю и по всѣмъ прочимъ своимъ дѣламъ. Я не знаю ничего, что въ большей мѣрѣ, чѣмъ это право, могло бы сдѣлать дружескимъ наше отношеніе къ ученику и позволило бы въ большей мѣрѣ приобрести влияніе на него. Разумѣется, мы должны уметь различать, откровенно ли дитя посвящаетъ насъ въ свои интересы, и вполнѣ ли его слова соответствуютъ дѣйствительности. Безъ разочарованій здѣсь, конечно, никогда не обойдется.

Преподаваніе языковъ страдаетъ, быть-можетъ чаще

всего оттого, что ученикъ слишкомъ пассивенъ, слишкомъ много повторяетъ чужія слова. Его рѣчь должна больше выражать то, что въ немъ происходитъ и его занимаетъ¹⁾. Въ виду этого Толстой въ своей пробной школѣ ввелъ полную свободу рѣчи и неограниченное право обращаться съ вопросами²⁾. Если только очень немногимъ дано подражать такимъ художественнымъ натурамъ, какъ Шаррельманъ, Гансбергъ, Б. Отто, Толстой и др., то намъ можно все-таки учиться у нихъ. Какъ основательны бываютъ, напр., ученическіе вопросы, въ этомъ каждый можетъ убѣдиться въ любой день. Если послѣ обсуждения статьи „Исторія наперстка“ одинъ изъ умнѣйшихъ мальчиковъ спрашиваетъ: „А глазки у наперстка дѣлаютъ для украшенія?“, то это показываетъ, что взрослому кажется само собой понятнымъ многое такое, что для дѣтей не такъ просто. Поэтому послѣдніе должны имѣть право прерывать преподаваніе на непонятномъ мѣстѣ; они должны привыкнуть тотчасъ же заявлять, если у нихъ возникаетъ противорѣчіе, если слово учителя вызываетъ въ ихъ памяти согласное или противное наблюденіе. Во всякомъ случаѣ ученики только тогда привыкнуть спрашивать о причинахъ явленій и о цѣли тѣхъ или иныхъ учреждений, когда мы сами всегда будемъ неутомимо ставить имъ вопросы „зачѣмъ? почему?“.

Насколько дѣтскіе вопросы могутъ оживлять преподаваніе, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ послѣднюю зиму общій интересъ къ кометамъ далъ удобный поводъ заняться статьею о звѣздахъ въ хрестоматіи для 6-го класса. Вотъ какіе тогда между прочимъ возникли вопросы: отчего звѣзды падаютъ на землю? отчего же не падаетъ съ неба радуга? Живутъ ли на звѣздахъ люди?

¹⁾ Ср. Münch: „Zukunftspädagogik“, стр. 152. русс. пер. „Будущая школа“ пер. Кондратьева.

²⁾ Толстой: „Педагогическія сочиненія“.

Откуда знаютъ названія звѣздъ? Почему луна похожа на человѣческое лицо? Можетъ ли солнце освѣщать луну и тогда, когда она прячется за тучи? Откуда знаютъ, что земля вертится? Правда ли, что въ маѣ погибнетъ земля? Не опасно ли для земли, если она столкнется съ кометой? Откуда знаютъ астрономы, что комета Юганнисбергера — новая звѣзда? и т. д. Не на всѣ вопросы могъ я отвѣтить; во многомъ я долженъ былъ указать ученикамъ на старшіе классы, гдѣ имъ будетъ дано, соотвѣтственно ихъ болѣе зрѣлому уму, лучшее и подробное объясненіе.

Когда эта жажда спрашиванія находитъ настоящую пищу, то легче всего поддерживается охота къ ученію, размышленію и изслѣдованію. Поэтому я думаю, что насажденіе подобной жажды отвѣтовъ на всякіе вопросы составляетъ тоже одну изъ задачъ подготовки къ старшимъ классамъ.

Учениковъ легко пріохотить (именно, если преподаваніе ведется такъ, что побуждаетъ къ этому) къ тому, чтобы они дѣлали сообщенія о своихъ собственныхъ наблюденіяхъ надъ природой, объ экскурсіяхъ по городу и обращались иногда за объясненіями. Равнымъ образомъ они всегда рады, когда учитель объявляетъ, что къ слѣдующему уроку каждый долженъ имѣть что-нибудь для разсказа. Они охотно сообщаютъ пережитое ими самими, или, особенно зимою, когда на сцену выступаютъ дѣтскія бібліотеки, рассказываютъ коротенькія повѣсти (преимущественно сказочки или отрывки изъ болѣе длинныхъ разсказовъ). Всякій готовится серьезно, чтобы его слушали внимательно, потому что критика товарищей строже, чѣмъ критика учителя. Развѣ такимъ путемъ дѣти не учатся родному языку? Развѣ можно придумать лучшее упражненіе въ связномъ изложеніи? Развѣ тутъ не приходится дѣтямъ трудиться надъ объединеніемъ важнаго, вычеркиваніемъ второстепеннаго, т. е. производить работу мысли? Однимъ словомъ, развѣ я здѣсь не достигаю тѣхъ же,

если не большихъ результатовъ, чѣмъ на обыкновенномъ урокѣ языка?

И что дурного, если дѣти иногда прочтутъ стихотвореніе, котораго нѣтъ въ учебникѣ, которое они вычитали сами, или, быть-можетъ, выбрали съ помощью матери?

При обученіи чтенію дѣло не сводится къ одному только усвоенію знаній и упражненію въ грамматикѣ; ребенокъ долженъ также учиться опредѣленно относиться къ содержанію. Какъ много областей откроется ему потомъ при помощи печати и книгъ! А учился ли онъ когда-нибудь обрабатывать новый матеріалъ? Но мы и въ этомъ дадимъ ему наилучшую подготовку, если непрестанно будемъ давать ему поводъ высказаться и самостоятельно и связно пересказать прочитанное.

Если какой-либо ученикъ мастеръ толково и вкратцѣ излагать разныя событія изъ своей жизни, то намъ нечего жалѣть времени на развитіе этой способности. Подобное усердіе и умѣнье въ одной области — навѣрно плодотворно повліяетъ и на всю остальную жизнь въ школѣ. Любитъ какой-либо ученикъ рисовать: мы его будемъ поощрять, выдавая даромъ бумагу. Онъ радъ будетъ трудиться, сверхъ обязательныхъ уроковъ, въ той области, гдѣ ему улыбается роль знатока. Такой славный рисовальщикъ или усердная сочинительца могутъ иной разъ увлечь и товарищей къ добровольной работѣ.

Когда такой ученикъ подходитъ къ тебѣ съ сіяющимъ лицомъ и показываетъ что-нибудь, родившееся изъ его собственной инициативы, то не скупись признаніемъ! Подумай только, какъ онъ старался и какъ онъ далекъ отъ сознанія несовершенствъ своей работы!

Дай ему пережить радость успѣха, давай ему почаще возможность вкусить счастье чувствовать себя „молодцомъ“! Быть можетъ самое лучшее въ его картинѣ — хорошее намѣреніе. Конечно, онъ долженъ знать, что можно нарисовать и еще лучше, чѣмъ онъ, но только

не подавляй его воодушевленія безжалостной критикой знатока, не напускай на себя важнаго вида специалиста. Взгляни, съ какимъ сердечнымъ довѣріемъ смотритъ на тебя молодой художникъ! Ему хочется, чтобъ на его работу взглянули серьезно, а у тебя она вызываетъ только улыбку? Какъ неловко, какъ безтактно часто мы себя держимъ! За такой макулатурой часто кроется какой-либо задатокъ, въ родѣ незамѣтной почки, въ которой живетъ сила, способная при должномъ уходѣ развить ее въ роскошный цвѣтокъ. И вотъ твоя холодность дѣйствуетъ на подобіе мороза. Мальчуганъ бросаетъ свои опыты, и то, что робко выглядывало на свѣтъ Божій,—умираетъ.

Только—условіе: не надо требовать больше, чѣмъ могутъ дать дѣти, не требовать того, чего у нихъ нѣтъ; ибо

„Не можемъ дѣтей мы по прихоти нашей создать;
Какими ихъ далъ Богъ, такими и будемъ любить;
Ихъ надо въ свободѣ лелѣять и въ правдѣ вскормить.
Однимъ—та, другимъ же иная совсѣмъ благодать“.

[Гете].

Намъ дано только развивать готовые задатки. Создавать же новыя способности выше нашихъ силъ.

Итакъ, если мы будемъ, съ одной стороны, давать себѣ отчетъ въ природныхъ способностяхъ ребенка, то, съ другой стороны, получимъ полную возможность отъ поры до времени требовать ихъ примѣненія, вплоть до напряженія послѣдней жилочки. Особенно городская молодежь совсѣмъ не знаетъ постоянства; она легко теряетъ изъ виду ранѣ поставленную цѣль; быстрая смѣна гораздо болѣе по вкусу ей. Поэтому мы будемъ приучать воспитанниковъ къ устойчивымъ стремленіямъ; каждый день будемъ ихъ удерживать за серьезной работой, покажемъ имъ, что безъ страданія, безъ самоопредѣленія никто еще не дѣлался настоящимъ мужчиной¹⁾.

¹⁾ Срв.: Паульсенъ: *ibid*, стр. 89 и слѣд.

Тѣхъ, кто поспособнѣе, будемъ вдохновлять сдѣлать что-либо помимо обязательной работы; будемъ вызывать въ нихъ увѣренность, что они многое могутъ сдѣлать, что имъ не слѣдуетъ избѣгать трудностей; ибо „если слабому гранитная скала—непреодолимое препятствіе на его пути, то сильному это только ступень, которая поднимаетъ его еще выше“. (Льюисъ).

Но мы не имѣемъ права навязывать всѣмъ одинъ шаблонъ. Какъ противно было бы такое однообразіе! Мы обязаны до извѣстной степени считаться съ различіемъ дарованій и давать нѣкоторый просторъ для оригинальности, индивидуальности. Наша школа слишкомъ однообразна; она слишкомъ часто апеллируетъ къ подражательной наклонности; между тѣмъ лица съ творческими задатками имѣютъ не меньше права на вниманіе, чѣмъ надѣленные репродуктивными способностями.

Пусть, держась такого взгляда, мы и придемъ иной разъ къ чему-либо, не предусмотрѣнному въ учебныхъ планахъ: это ничего не значить. Дѣло въ томъ, что нужно „будить и укрѣплять сознаніе учениковъ, будить ихъ жажду знанія и знакомить ихъ съ умственными рычагами и примѣненіемъ ихъ въ какой-либо области человеческой дѣятельности. Гдѣ и надъ какимъ матеріаломъ совершается такая работа, это безразлично для успѣховъ воспитанія“¹⁾. Конечно, не слѣдуетъ эти слова понимать буквально, до крайности; однако въ нихъ много правды. Не „что“ и „много ли“, но какъ училъ ученикъ является рѣшающимъ моментомъ въ послѣдующей жизни.

Итакъ, пойдемте ежедневно въ школу съ намѣреніемъ принести съ собой какъ можно больше счастья и радости, а не быть рабами учебнаго плана. Будемъ стараться, чтобы ученики и потомъ вспоминали школу, какъ счастливую пору своей жизни. Недавно въ „Швей-

¹⁾ Gurlitt: „Die Schule“, стр. 36.

царскомъ листѣ объ охранѣ здоровья и защитѣ дѣтей“ стояла замѣтка, какъ изъ всѣхъ студентовъ въ Берлинѣ, коимъ была предложена анкета, лишь двое швейцарцевъ засвидѣтельствовали, что съ удовольствіемъ вспоминаютъ свое школьное время. Это грустный знакъ для школы. Зато два швейцарца меня радуютъ.

2. Школьная жизнь, какъ исходный пунктъ для образованія характера.

Воспитываютъ не долгія разслѣдованія, не строгія нотации и выговоры, не внушительныя предостереженія и не та манера запугиванія, которой хотѣлось бы заранѣе сдѣлать невозможными всякіе проступки. Песталоцци указываетъ намъ иной путь. Въ одной главѣ его книги „Лингардъ и Гертруда“ прекрасно описано, какъ Гертруда въ субботу вечеромъ собираетъ вокругъ себя своихъ дѣтей, чтобы дать имъ поводъ вникнуть сердцемъ во всѣ ихъ важныя и поучительныя ошибки и проступки, случившіеся за недѣлю, и отсюда направить ихъ къ Богу и его заповѣдямъ. Только такое естественное, свободное и непринужденное отношеніе, какъ его рисуетъ Песталоцци, образуетъ настоящую основу для плодотворнаго воспитанія.

Нельзя ли и въ школѣ создать нѣчто подобное? Вспомнимъ только время нашего юношества. Что сильнѣе запечатлѣлось въ нашей памяти изъ всего, что мы видѣли и слышали въ классѣ? Какъ разъ тѣ, проникнутыя особымъ настроеніемъ минуты, когда учитель дѣлился съ нами, своими учениками, занимавшими его мыслями, или вызваннымъ настоящей обстановкой наблюденіемъ. Какъ электрическая волна передавалось дѣтямъ движеніе души учителя; контактъ отъ человѣка къ человѣку былъ установленъ. Съ обѣихъ сторонъ забывалась всякая школьная процедура; и что тогда учитель, пользуясь подходя-

щимъ настроеніемъ учениковъ, говорилъ намъ, то становилось такимъ переживаніемъ, которое вліяло на послѣдующую нашу жизнь.

Никогда нельзя забывать, что преподаваніе и воспитаніе не одно и то же! Только то, что захватываетъ всего человѣка, окажетъ прочное вліяніе на его поведение, а вовсе не то, что говоритъ лишь его уму! Какъ часто школьное преподаваніе ограничивается простымъ подчеркиваніемъ идеаловъ и цѣлей на выдающихся людяхъ и событіяхъ! Ученикъ однако долженъ знать путь къ этому идеалу со всѣми его терніями, а учитель долженъ у молодого юноши привести въ движеніе самыя сокровенныя силы, чтобы онъ научился побѣждать тѣ трудности, на которыя онъ наткнется, когда захочетъ свое поведение привести въ согласіе съ воспринятымъ ученіемъ.

Такъ давайте и въ школѣ, подобно Гертрудѣ, оглядываться назадъ, спокойно и серьезно заводить съ дѣтьми рѣчь о ихъ повседневныхъ событіяхъ. Размѣняемъ на мелкую монету великія истины и принципы жизни, заѣщанные намъ въ краткихъ сентенціяхъ опытомъ тысячелѣтій, приведемъ ихъ въ связь съ разнообразными переживаніями нашихъ учениковъ. Научимъ ихъ всѣ свои поступки и отвѣты мѣрить тѣми нормами, которыя мы познаемъ на урокахъ Закона Божія, исторіи и языковъ; поможемъ имъ въ открытой, серьезной бесѣдѣ—а когда нужно, такъ и съ глазу на глазъ—понять послѣдствія своего поведения для нихъ самихъ и для ихъ ближнихъ! Переведемъ имъ на языкъ силы и свободы такія требованія, какъ постоянство въ работѣ, вѣрность въ маломъ и т. п.! Покажемъ мальчику, какая это трусость позволить товарищамъ соблазнить себя къ непослушанію или неумѣстнымъ выходкамъ, противъ своего собственнаго убѣжденія, и какое мужество—одушевляетъ того, кто, разъ онъ призналъ что-либо хорошимъ и справедливымъ, от-

стайвается это, несмотря ни на какія насмѣшки! Покажемъ ему, что въ его стремленіи къ независимости, къ силѣ воли и мужеству, ничто ему такъ не поможетъ, какъ побѣда въ мелочахъ! ¹⁾

Вотъ съ какой высокой точки зрѣнія должны мы говорить о маленькихъ событіяхъ дѣтской жизни. Я подчеркиваю: съ высокой точки зрѣнія! Наше вліяніе часто рушится отъ того, что къ нашей воспитательной работѣ присасывается жало педантизма, шаблонной регламентации и полицейскаго принужденія.

Я, конечно, понимаю, что одними своими силами школа никогда не достигнетъ цѣли этихъ стремленій; она является только однимъ изъ факторовъ воспитанія, и далеко не рѣшающимъ. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что ея воспитательное значеніе еще будетъ выше, если учитель, въ своихъ заботахъ о выработкѣ у воспитанниковъ воли и характера, больше будетъ исходить изъ круга мыслей и опыта ребенка. Для бесѣдъ въ этомъ родѣ могутъ дать поводъ самые ничтожные случаи ²⁾.

У меня былъ урокъ ручного труда. Я роздалъ ученикамъ начатые въ прошлый урокъ ящички, они кончили ихъ. На слѣдующее утро до меня доходитъ, что С. недоволенъ, что онъ даже говорилъ: „Это несправедливо, мнѣ не достался мой ящикъ; это уже не первый разъ; я началъ разъ портретъ, а другой его окончилъ и присвоилъ себѣ“. Я подозвалъ С. и Ш., обладателя спорнаго ящика. Тутъ и выяснилось дѣло. Восемь дней тому назадъ Ш. не было въ классѣ, а С. былъ и сработалъ

¹⁾ Большой заслугой д-ра Фр. В. Ферстера является то, что онъ въ своихъ книгахъ „Jugendlehre“ и „Schule und Charakter“ сдѣлалъ весьма цѣнныя предложенія для преобразования школьнаго воспитанія въ этомъ духѣ.

²⁾ Конечно, при такой бесѣдѣ учитель долженъ быть одинъ со своими учениками. Присутствіе постороннихъ лицъ низведетъ все это къ фальшивой рисовкѣ, и то, что должно идти отъ сердца къ сердцу, останется безъ всякаго дѣйствія.

половину ящичка, но въ концѣ урока забылъ написать на немъ свою фамилію. Вчера они оба помѣнялись ролями: С. отсутствовалъ, а Ш. появился снова. Я не обратилъ на это вниманія въ моментъ раздачи работъ, и оставшійся у меня ящикъ С., не помѣченный ничѣмъ именемъ, просто отдалъ стоявшему тутъ Ш. Онъ, ни слова не сказавъ, взялъ и оставилъ у себя. С. такимъ образомъ лишился своей работы. Такъ какъ съ нимъ это уже не первый разъ случилось, я понималъ его обиду. Ученики обвиняли меня въ несправедливости, поэтому я разбираю это дѣло при всемъ классѣ. Открытыми преніями учениковъ было установлено, что притязанія С. основательны на ящикъ. Но такъ какъ и Ш. надъ нимъ работалъ, имъ предложено было помириться. „Однако неучтиво, даже трусливо,—услышалъ онъ отъ своихъ товарищей — браниться за спиной“. Ученики находили, что недовольный долженъ былъ явиться ко мнѣ, тогда онъ не судилъ бы несправедливо. Принимая во вниманіе обстоятельство, Ш. отказался отъ ящичка въ пользу С.

Другой разъ дѣло было на масляницѣ. Начальство распорядилось, что въ такой-то день должны быть занятія. И вотъ изъ глубины класса послышалось слѣдующее замѣчаніе: ну, учитель можетъ дѣлать, все, что хочетъ.

Они подразумевали, что я могъ бы, еслибъ захотѣлъ, отпустить ихъ послѣ 12 часовъ. Я охотно выслушиваю такіе откровенныя заявленія, лишь бы соблюдалась приличная форма, потому что они даютъ поводъ исправлять дѣтскіе предрасудки, ошибочныя мнѣнія. Я объяснилъ имъ, что въ настоящее время они бы радовались; но что черезъ 20 лѣтъ они будутъ судить иначе; они скажутъ: „Да, нашъ учитель при всякомъ удобномъ случаѣ насъ освобождалъ отъ занятій, и отлынивалъ отъ работы“. И у меня есть начальство и предписанія, которымъ я подчиняюсь; но прежде всего я отвѣтственъ передъ своею совѣстью.

С. является въ классъ аккуратно на двѣ—на три минуты послѣ звонка. Онъ слышитъ, какъ сосѣди хихикаютъ и шепчутъ: „соня“. Что мнѣ дѣлать? Долженъ ли я его просто наказать? Этимъ ему не поможешь, ибо я знаю, что для мальчика нѣтъ болѣе жестокаго наказанія, какъ быть посмѣшищемъ передъ товарищами; но и это не принесло пользы. Мнѣ пришлось бы повторять наказаніе, усиливать. Наконецъ, — хотя бы право и было на моей сторонѣ, — это подѣйствовало бы на него ожесточающимъ, удручающимъ образомъ. Онъ съ горечью потомъ вспоминалъ бы о своемъ воспитателѣ, который не умѣлъ ему помочь ничѣмъ, кромѣ страхомъ и принужденіемъ. Поэтому я отзываю его въ сторону и объясняю, какъ онъ мѣшаетъ преподаванію своимъ постояннымъ опаздываніемъ, а отъ товарищей дождался прозвища „соня“; что для него дѣло не столько въ томъ, чтобы рано вставать, сколько въ его безалаберности, съ которой онъ долженъ порвать; что порядокъ и точность значатъ полжизни. Конечно, онъ и самъ хочетъ, чтобы этотъ стыдъ прекратился. Я хочу ему помочь. Пусть онъ до 12 часовъ обдумаетъ, какими средствами онъ могъ бы самъ себя обуздать. Онъ мнѣ тогда сказалъ, чтобы я его задерживалъ на лишній урокъ, во время занятій съ параллельнымъ классомъ (четыре раза по часу въ недѣлю у меня бываетъ только полъ-класса). Я согласился, хотя и не ожидалъ такого предложенія; при этомъ я сразу выразилъ надежду, что мнѣ никогда не придется примѣнять предложеннаго средства. На слѣдующее утро онъ явился на нѣсколько минутъ раньше звонка. И теперь еще я вижу его сіяющее лицо, которое говорило мнѣ, что въ немъ пробудилось чувство чести и сила самообладанія. Это помогло ему отдѣлаться отъ дурной привычки.

Черезъ недѣлю я объявилъ ему, что доволенъ имъ и вполне увѣренъ, что отнынѣ онъ удержится безъ гро-

зящаго наказанія. Весна съ ея раннимъ началомъ занятій (7 часовъ) принесла ему суровое испытаніе; онъ его выдержалъ, хотя и не блестяще.

Уважаемый читатель можетъ думать такъ или иначе, только я хотѣлъ этимъ послѣднимъ примѣромъ показать, что надо избѣгать грубой силы и внѣшняго принужденія, какъ не вызывающихъ моральнаго поведенія поступка, и давать дѣтямъ болѣе педагогической помощи.

Намъ надо бесѣдовать съ дѣтьми и словомъ и дѣломъ доказывать, что и они и мы преслѣдуемъ одну и ту же цѣль. Они мало-по-малу поймутъ наши намѣренія; хоть и медленно, они все-таки со временемъ научатся самъ присматриваться къ своему повседневному поведенію въ школѣ и дома; чужой, извнѣ, отъ воспитателя идущій контроль разовьется въ самоконтроль.

Послушаемъ также указанія пастора д-ра Пфистера. Онъ подчеркиваетъ, что всякое этическое побужденіе должно приводить къ извѣстному, хоть малому, дѣланію. „Какъ опасно, — говоритъ онъ ¹⁾, — постоянно слушать нравственные требованія во имя Бога, безъ того чтобы тотчасъ же примѣнять ихъ на дѣлѣ. Ничто такъ не деморализируетъ, какъ слушаніе христіанскихъ проповѣдей, за которымъ не слѣдуетъ никакого христіанскаго поступка.

Мы привыкаемъ къ сильнымъ проповѣдямъ, мы то-немъ — въ морѣ хорошихъ намѣреній, мы дѣлаемся благочестивы — въ мысляхъ... Будемъ лучше остерегаться слишкомъ часто натягивать лукъ попусту, когда не приходится стрѣлять. Будемъ остерегаться большого разбѣга, когда не придется дѣлать большого прыжка. Всякая моральная эмоція, зарываемая въ песокъ, есть кража нравственной энергіи. Я отнюдь не думаю, чтобы нужно было всякую проповѣдь моментально переводить въ дѣло. Впрочемъ, идеаломъ это безусловно является. Однако до-

¹⁾ Pfister: „Religionspädagogisches Neuland“ стр. 10.

вольно часто изъ нравственнаго побужденія должно исходить хотя и очень скромное дѣяніе и при этомъ какъ можно скорѣе. Случится ребенку хоть въ одномъ рядѣ случаевъ полученные импульсы превратить въ продуктивную работу, въ этические поступки, тогда онъ почувствуетъ, что и другія эмоціи говорятъ ему о самыхъ священныхъ, самыхъ важныхъ его обязанностяхъ“.

Это слова, которыя имѣютъ значеніе и для учителя. Тотъ еще не педагогъ, кто ограничивается тѣмъ, что проповѣдуетъ мораль, кто довольствуется тѣмъ, что ему отвѣчаютъ ее. Кто хочетъ добиться болѣе глубокаго и прочнаго вліянія, тотъ будетъ думать, какъ бы все это провести въ жизнь, чтобы изъ знанія вытекало умѣнье.

Пфистеръ дѣлаетъ цѣлый рядъ практическихъ предложеній. Подъ его вліяніемъ я усиленно, на примѣръ, сталъ обращать вниманіе на вопросъ о карманныхъ деньгахъ учениковъ. Наша городская молодежь имѣетъ въ своемъ распоряженіи порядочно денегъ. Одинъ изъ моихъ учениковъ показывалъ мнѣ свою сберегательную книжку: въ теченіе трехъ лѣтъ онъ внесъ 132 франка собственнаго заработка. Другой пріобрѣлъ разсылной службой въ конторѣ своего отца, по словамъ послѣдняго, за одинъ годъ еще большую сумму. Такимъ дѣтямъ, которыя очень многочисленны въ торговыхъ кварталахъ города, деньги даютъ извѣстную силу. Кто ихъ учитъ разумному употребленію этихъ денегъ? Конечно, родительскій домъ прежде всего долженъ былъ бы приучать дѣтей къ разумному употребленію денегъ. Однако я наблюдалъ, что много моихъ учениковъ не имѣли дома копилки и не пользовались хорошо организованной школьной кассой. Родители отбираютъ у нихъ все деньги, и они поэтому утаиваютъ порядочную часть своихъ маленькихъ доходовъ. А кондитерскія и всякаго рода автоматы отнимаютъ у нихъ и это. Мальчики покупаютъ еще фейерверкъ, порохъ, даже патроны и огнестрѣльное

оружіе. Эта картина, вырѣзанная изъ современной общественной жизни, нарисованная на основаніи точныхъ данныхъ опыта, лишній разъ доказываетъ, во-первыхъ, что нынѣшняя молодежь, въ противоположность прежней, часто имѣетъ въ своемъ распоряженіи такіа вещи, которыя предъявляютъ къ ихъ силѣ воли и нравственной энергіи самыя высокія требованія, а, во-вторыхъ, что родители часто слишкомъ мало понимаютъ свои задачи или даже ничего не вѣдаютъ, что ихъ дѣти на улицѣ творятъ.

Что же школа должна или можетъ дѣлать въ этомъ случаѣ? Не много; но и оставаться простой зрительницей она тоже не смѣетъ. Я поступалъ слѣдующимъ образомъ. Одинъ мальчуганъ былъ, на примѣръ, замѣченъ въ тотъ моментъ, когда онъ на урокъ сунулъ въ ротъ паточный леденецъ. На прошлой недѣлѣ другой уличенъ былъ въ кражѣ со взломомъ; раньше онъ плутовскимъ образомъ доставалъ себѣ деньги, которыя тратилъ, вмѣстѣ съ единомышленниками изъ товарищей, на билеты для прогулочныхъ поѣздокъ, на закуски, сласти и т. п. Будъ онъ старше, ему пришлось бы познакомиться съ тюрьмой. Я разбиралъ оба случая передъ всѣмъ классомъ. Случай со взломомъ былъ извѣстенъ всѣмъ товарищамъ, и я могъ это сдѣлать, не поступаясь педагогическими требованіями. (Конечно, позже было также и объясненіе съ глазу на глазъ).

Я обрисовалъ моимъ ученикамъ ходъ развитія этого мальчика, какъ онъ мало-по-малу опустился до рабства страсти лакомиться и, чтобы можно было еще больше предаваться своимъ маленькимъ удовольствіямъ, сдѣлался взломщикомъ. Я объяснилъ также, что многіе виноваты въ томъ, что случилось. Кто всегда хвастаетъ передъ товарищами своими карманными деньгами и показываетъ имъ дурной примѣръ лакомства, тотъ дразнитъ бѣдныхъ, побуждаетъ ихъ тянуться за нимъ. Кто, даже хоть и въ

шутку, подзадориваетъ другихъ „стибритъ“ что-нибудь (украсть), тотъ дѣлается соучастникомъ, когда тѣ исполняютъ дурные совѣты. Я уговаривалъ ихъ сдерживать себя, когда имъ захочется транжирить деньги; совѣтовалъ имъ или покупать на эти деньги сберегательныя марки (школьной сберегательной кассы; само собою разумѣется, что въ свою очередь надо часто обращать ихъ вниманіе на цѣль кассы и поощрять вклады), или же вносить ихъ въ копилку, которую я имъ устрою. Только тотъ будетъ свободнымъ человѣкомъ, кто не дастъ притомъ тираннизировать себя. Кто еще мальчикомъ поддается всякому соблазну, тотъ и послѣ покажетъ мало стойкости, и т. д. Какъ только въ кассѣ составитъ извѣстная сумма, классъ можетъ рѣшить, какъ поступить съ деньгами. (Сборъ въ пользу учрежденія въ память Песталоцци въ Нейгофѣ не заставилъ насъ долго искать подходящаго примѣненія).

Мы не можемъ ограничиваться поощреніемъ сбереженій, развитіемъ чувства хозяйственности. Какъ-разъ разсужденія о деньгахъ даютъ поводъ присоединить упражненія въ самоодолѣніи и альтруизмѣ. Такъ, недавно мой нынѣшній классъ (спеціальный классъ) устроилъ маленькій сборъ, чтобы больной ученикъ нашей школы доставить радость поднесеніемъ цвѣтовъ. На урокъ родного языка было написано подходящее письмо. Лучшая работа была присоединена къ букету въ качествѣ привѣтствія отъ класса. Деньги на это пошли только самолично сбереженные. Мальчики, которые приняли участіе и въ сборѣ, добровольно передали дѣвочкамъ дальнѣйшее исполненіе принятаго рѣшенія. У послѣднихъ послѣ 12-ти былъ урокъ руководѣнія. Онѣ рѣшили выбрать изъ своей среды, какъ онѣ потомъ, на слѣдующее утро разсказывали мнѣ, шесть дѣвочекъ, которыя до самой перемѣны будутъ прилежныя и скромныя, чтобы онѣ купили горшокъ цвѣтовъ и отнесли больной. Такъ и сдѣ-

лалъ. Къ вечеру больной воспаленіемъ легкихъ Мартѣ былъ доставленъ горшокъ цвѣтущей гвоздики.

Во всякомъ случаѣ нельзя слишкомъ много надѣяться на то вліяніе, которое мы можемъ оказывать на жизнь учениковъ внѣ школы. Уже одинъ опытъ внутри школьных стѣнъ часто даетъ намъ понять скорѣе безсиліе, нежели силу воспитателя. Что жизнь ребенка служить неисчерпаемымъ источникомъ примѣненія нашей педагогической работы, можетъ показать еще слѣдующій примѣръ:

По поводу одного типичнаго случая распущенности я предложилъ моимъ мальчуганамъ указать случаи для упражненія въ самообладаніи, какіе могутъ представиться на улицѣ и дома. Вотъ, что они между прочимъ упомянули.

Когда идешь съ пятакомъ въ кошелькъ мимо продавца каштановъ, и они такъ вкусно пахнутъ, то почти невозможно не купить ихъ.

Когда проснешься утромъ, то приходится взять себя въ руки и оставить постель, иначе придешь въ школу слишкомъ поздно ¹⁾.

Мама печетъ пирожное; когда она за чѣмъ-нибудь выйдетъ изъ кухни, меня беретъ искушеніе обмокнуть палецъ въ тѣсто.

Я не долженъ роптать, когда мама не пускаетъ меня на улицу поиграть съ товарищами.

Надо владѣть собой, и на Рождествѣ не сразу съѣдать все сласти.

Одинъ серьезно, безъ фразы сказалъ слѣдующее: Когда я на улицѣ, и вдругъ позоветъ меня мать—я рѣшилъ всякій разъ сейчасъ же послушаться.

Когда приходишь изъ школы, не надо спрашивать у матери, что къ обѣду, или даже приподнимать крышку съ кастрюли.

¹⁾ Этотъ разговоръ случился въ концѣ ноября, какъ-разъ когда начало занятій было перенесено съ 8 на половину 9-го; эта перемѣна всякій разъ ведетъ—по крайней мѣрѣ по моему наблюденію—къ тому, что ученики еще больше опаздываютъ.

Мой учитель музыки каждый разъ задаетъ мнѣ къ слѣдующему уроку. Но во время упражненій мнѣ всегда хочется перелистывать ноты и играть что-либо другое. И тогда я ничего не знаю къ слѣдующему уроку.

Послѣдній примѣръ тогда же послужилъ поводомъ къ подробному разсужденію о послѣдствіяхъ (потеря времени, денегъ, тунеядство и т. д.), которыя проистекаютъ изъ недостатка самообладанія.

3. Духъ класса.

Задачей всякаго учителя является изучать взаимное вліяніе, которое оказываютъ дѣти другъ на друга, и которое мы не можемъ достаточно учесть; надо искать его причины и дѣйствіе. Всякій воспитатель долженъ былъ бы кое-что понимать въ психологій толпы. Многіе слишкомъ мало принимаютъ во вниманіе, что передъ ними не только отдѣльные ученики, но также и классъ, который, какъ цѣлое, въ свою очередь является индивидуумомъ съ особыми свойствами.

Школьное воспитаніе есть массовое воспитаніе; наши классы походятъ скорѣе на миниатюрныя государства, чѣмъ на семью. Нынѣ вездѣ, гдѣ люди подчинены общему руководству, образуется своеобразный коллективный духъ, который дѣлается тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ однороднѣе масса, чѣмъ болѣе сходится она въ возрастѣ и воззрѣніяхъ на жизнь.

Поэтому въ фабричной жизни, въ казармахъ, а особенно въ школьныхъ классахъ и заведеніяхъ, какъ-разъ самая благоприятная почва для образованія общественнаго духа. Одинаковыя цѣли, одинаковыя переживанія и ежедневное общеніе другъ съ другомъ въ играхъ и работѣ всего прочнѣе связываютъ молодыхъ людей. Чѣмъ выше школьная ступень, тѣмъ яснѣе выраженъ характеръ воли у массы, тѣмъ рѣзче разница между ея цѣ-

лями и цѣлями того авторитета, который воплощается въ учителяхъ. Каждому воспитателю извѣстно, что мальчики во многихъ случаяхъ больше смотрятъ на общественное мнѣніе въ классѣ, нежели на сужденіе учителя. Какъ только мальчики достигнутъ извѣстнаго возраста, они ставятъ на первый планъ уваженіе со стороны товарищей. Стоитъ кому-нибудь потерять довѣріе своихъ товарищей по играмъ, или онъ даже исключенъ изъ ихъ общества, то это дѣйствуетъ на него сильнѣе, чѣмъ самое строгое наказаніе учителя. Онъ изъ всѣхъ силъ будетъ исполнять точно установленный большинствомъ порядокъ, чтобы снова попасть въ кругъ товарищей, безъ которыхъ онъ жить не можетъ.

Какъ рано духъ класса можетъ уже проявлять самостоятельность въ хорошемъ смыслѣ слова, видно изъ прекраснаго примѣра, помѣщеннаго въ послѣднемъ „Новогоднемъ Листкѣ“, издаваемомъ въ пользу сиротскаго дома въ Цюрихѣ. Вотъ что рассказываетъ д-ръ Ф. Мейеръ въ своихъ юношескихъ (1833—1842) воспоминаніяхъ о гимназистахъ, по своему возрасту подходившихъ къ нынѣшнимъ нашимъ второклассникамъ:

„У насъ былъ товарищъ, хорошо развитой физически и умственно, во многихъ отношеніяхъ симпатичный, но иногда дѣлавшійся очень грубымъ: тогда онъ находилъ особое удовольствіе въ томъ, чтобы пугать и мучить слабыхъ. Особенно доставалось одному ученику, къ которому мы всѣ были очень расположены: физической силой онъ не могъ съ нимъ помѣряться и становился мишенью его издѣвательствъ. Изъ насъ тоже никто въ отдѣльности не могъ съ нимъ равняться, да онъ не особенно и боялся хорошей встрепки, а намъ не хотѣлось больше терпѣть его тиранній. Однажды, когда Б. не былъ въ классѣ, мы приняли рѣшеніе больше съ нимъ не разговаривать и немедленно стали приводить въ исполненіе такое постановленіе. Вотъ онъ появляется въ классѣ,

обращается къ кому-то—никакого отвѣта. Онъ къ другому, тотъ отворачивается. Онъ проситъ перо, карандашъ—и его словно нѣтъ: никто не видитъ, не слышитъ. Такъ длилось не долго: необузданный мальчуганъ притихъ и обратился—къ тому товарищу, который все-таки былъ ему близокъ, съ просьбой объяснить такое поведение класса и указать, какъ ему снова вернуться въ кругъ товарищей. Послѣ этого совѣщанія рѣшено, что Б. долженъ попросить прощенья у маленькаго Г. и впредь воздерживаться отъ всякаго насилія надъ нимъ или надъ другими; дать онъ такое обѣщаніе и исполнить его, тогда получить прощенье. И вотъ, до тѣхъ поръ neodолжимый Б., съ большою радостью подчинился этимъ условіямъ и больше уже никогда не пробовалъ вызвать не-расположеніе класса“.

Сколько бѣды можетъ причинить этотъ духъ класса, когда тонъ ему задаютъ дурные элементы, видно изъ слѣдующаго случая. Одинъ мой сослуживецъ, котораго я высоко цѣню, шелъ однажды въ классъ послѣ какого-то небольшого совѣщанія въ учительской. По дорогѣ ему докладываютъ, что его ученики пустили фейерверкъ: подожгли лягушку и „швермеръ“ (змѣйка). Запахъ пороха подтверждаетъ сообщеніе. Горѣлыя спички на полу образуютъ дальнѣйшія вещественныя доказательства. Всѣ заявляютъ, что не дѣлали и не видѣли, какъ зажигали фейерверкъ. Такъ и осталось; послѣ уроковъ новыя разслѣдованія не дали ничего. Черезъ недѣлю предали дѣло забвенію.

Тутъ стоитъ сила противъ силы: съ одной стороны—учитель, съ другой—классъ. Если подобные случаи повторяются, то авторитетъ учителя долженъ пострадать. Дурной ученикъ становится смѣлѣе, потому что „нельзя же выдавать“, и хороший ученикъ находится подъ его тиранией. Нѣкоторымъ ученикамъ, получившимъ хорошее домашнее воспитаніе, конечно, не по себѣ. Они чувствуютъ

нарушеніе долга и неправду при замалчиваніи проступка. Они страдаютъ подъ гнетомъ своихъ менѣе совѣстливыхъ товарищей. Но выступить противъ нихъ они не смѣютъ (проблема, которая и потомъ въ жизни повторяется въ тысячѣ варіацій). Въ результатъ должно возникнуть мнѣніе: все позволено, только не попадайся!

Итакъ, классный духъ обладаетъ огромной силой. Неужели нельзя, по образцу перваго примѣра, направить ее къ добру? Что, если бы удалось такъ организовать общественное мнѣніе класса, чтобы оно препятствовало дурнымъ элементамъ играть руководящую роль? Что, если бы при помощи хорошихъ элементовъ можно было бы классный духъ заставить служить нашимъ высшимъ цѣлямъ? Дѣйствительно, ничѣмъ такъ не измѣряется достоинство нашей педагогической работы, какъ характеромъ, которымъ выражается классный духъ. Гдѣ большинство учениковъ одушевлено всегда иными стремленіями, чѣмъ учитель, тамъ вообще и рѣчи быть не можетъ о какомъ-либо успѣшномъ воспитаніи.

Изъ Америки идетъ нынѣ пропаганда идеи школьнаго города, идеи, которая ставитъ цѣлью утилизировать общественное мнѣніе класса на пользу порядка и добрыхъ нравовъ, привлечь ученика къ работѣ бокъ о бокъ съ учителемъ на пользу школьной общины и подготовить его къ вступленію въ гражданское общество.

Со всѣхъ сторонъ мы слышимъ призывъ, что наша школа еще болѣе, чѣмъ теперь, должна стать школой воспитательной. Поэтому нашъ долгъ—испытать предложенія и средства, которыя, судя по опыту другихъ, могутъ повысить воспитательное значеніе школы.

4. Кое-что о школьномъ городѣ.

Идею, которая лежитъ въ основѣ School-city-system, пытался осуществить уже Валентинъ Троцендорфъ въ своемъ учебномъ заведеніи. Этотъ современникъ Рефор-

маціи впервые узналъ и организовалъ ту воспитательную силу, которую оказываютъ другъ на друга молодые люди, когда живутъ вмѣстѣ. Онъ въ широкихъ размѣрахъ и съ успѣхомъ пытался сдѣлать воспитанниковъ отвѣтственными за порядокъ въ домѣ. Такъ—называемые экономы слѣдили за чистотой въ классахъ. Они отвѣчали также за то, чтобы все шло въ порядкѣ во время вставанія и чтобы всѣ носили чистое платье. Эфоры поддерживали приличіе во время ѣды. Квесторы завѣдывали работами питомцевъ. Школьный магистратъ могъ даже судить и наказывать провинившихся учениковъ ¹⁾.

Нѣчто подобное находимъ мы у швейцарца Планты въ основанномъ имъ въ 1761 г. пансіонѣ близъ Кура. По древне-римскому образцу онъ устроилъ нѣчто въ родѣ школьной республики и привлекъ воспитанниковъ къ участию въ управленіи и завѣдываніи учебнымъ заведеніемъ. Онъ былъ воспитателемъ многихъ выдающихся людей государства, каковы Цезарь Лагарпъ, бургомистръ Цюриха Рейнгардсъ и т. д. Когда Планта, всего еще 45 лѣтъ отъ роду, умеръ, то, къ сожалѣнію, прекратило свое существованіе и его учебное заведеніе ²⁾.

Неблагопріятныя условія того времени на континентѣ не давали никакой почвы для развитія такихъ демократическихъ идей. Зато въ свободной Англіи и въ Америкѣ идея самоуправленія (selfgovernment) получила дальнѣйшее развитіе. Въ обѣихъ странахъ, по традиціи, какъ домашнее, такъ и общественное воспитаніе юношества ведется въ болѣе свободномъ направленіи, чѣмъ у насъ. И мы находимъ тамъ много интернатовъ, которые имѣютъ большое сходство съ учебными заведеніями Троцендорфа и Планты, а также и нашими пансіонами внѣ города.

Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а именно, на

¹⁾ Rein: „Encykl. Handbuch der Pädagogik“.

²⁾ Christoffel: „R. Martin Planta, der Vorläufer Pestalozzis und Fellenbergs“.

американской почвѣ, были сдѣланы первыя попытки систематически провести самоуправленіе. Такимъ путемъ воспитанники должны были дѣлаться отвѣтственными за хорошій порядокъ въ учебномъ заведеніи; этимъ надѣялись лучше всего обуздать неподатливые элементы и сломить ихъ оппозиціонныя стремленія. Когда эта система воспитанія оправдалась въ интернатахъ, то въ формѣ школьных городовъ (school-city) ее ввели и въ общественныхъ училищахъ.

Если потомъ школьные города получили быстрое распространеніе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, то изъ этого ясно, что идея самоуправленія особенно глубоко коренится въ самой американской народной жизни. Дѣятельность должностныхъ лицъ, какъ и жизнь гражданина, тамъ не такъ сильно регламентирована разными распоряженіями и законами, какъ у насъ. Самопомощь является по ту сторону океана большимъ козыремъ во всѣхъ областяхъ жизни; личной волѣ тамъ широкій просторъ.

Поэтому народный характеръ отразился и на школѣ, которая тамъ меньше заботится о сообщеніи юношамъ знаній, но зато хочетъ показать, какъ этимъ юношамъ потомъ въ жизни самимъ себѣ помогать и извращиваться. Такимъ образомъ выходитъ, что фребелевскія идеи, представляющія ребенка способнымъ къ самостоятельной дѣятельности и развитію, даже творчеству, въ Сѣверо-Американскихъ Соед. Шт. нашли куда болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ у насъ. Кромѣ того, союзы и клубы играютъ тамъ гораздо большую роль, чѣмъ у насъ. Тамъ, кажется, никто не удивляется, когда даже въ исправительныхъ и карательныхъ учрежденіяхъ встрѣчаются ученическія организаціи съ ограниченнымъ самоуправленіемъ и коллективной отвѣтственностью ¹⁾.

¹⁾ Dr. P. Herr: „Das amerikanische Besserungssystem“.

Отсюда намъ вполне понятно, почему американская молодежь относится съ такимъ большимъ интересомъ къ самоуправленію. Послѣдній поддерживается еще и тѣмъ, что въ официальной школѣ, согласно съ демократической основой нашей великой сестры—республики, дисциплина проводится на почвѣ гораздо большей свободы. Американская педагогика „лучше всякой другой сумѣла проникнуться такой любовью къ ребенку, такимъ уваженіемъ къ его складывающейся еще личности, такой заботой о ея развитіи въ сознаніи свободы и ответственности, какія съ самаго начала обезпечили Л. К. Гену¹⁾ его педагогическій успѣхъ.

Въ американцѣ живетъ непоколебимый оптимизмъ и сильная вѣра въ новыя идеи и въ будущее. Онъ менѣе чувствуетъ себя связаннымъ съ почтеннымъ прошлымъ. Для новаго тамъ шире дорога, и американскій учитель не долго задумывается, принимаясь за новшества (часто, можетъ-быть, и въ ущербъ тому хорошему, которое заключается въ традиціонномъ).

Поэтому, когда учитель Вильсонъ Л. Гилль сталъ въ 1897 г. вводить въ официальной народной школѣ настоящую систему самоуправленія, онъ нашелъ уже готовую почву и организовалъ учениковъ въ маленькія демократіи. Примѣромъ послужило американское городское самоуправленіе, откуда и названіе—школьные города. На нихъ смотрятъ не только, какъ на средство предотвратить анархію до извѣстной степени распушенной школьной молодежи въ городахъ; самая главная цѣль ихъ—посредствомъ упражненія и наглядно, на примѣрахъ, воспитать въ ученикѣ истиннаго гражданина.

Посмотримъ, какъ устраивается школьный городъ. Директоръ собираетъ учениковъ всего учебнаго заведенія въ актовъ залъ, объясняетъ, въ чемъ дѣло, и предста-

¹⁾ Н. Lietz: „Das zehnte Jahr im deutschen Landeserziehungsheim“, 2-ая часть.

вляетъ имъ мистера Гилла, организатора школьныхъ городовъ. Гилль обращается къ ученикамъ съ рѣчью, въ которой убѣждаетъ ихъ сдѣлаться истинными и достойными гражданами Америки, напоминаетъ имъ, какіе бываютъ способы правленія, и указываетъ также, во что можетъ выродиться демократія, и спрашиваетъ, хотятъ ли они стать такими же доблестными гражданами, какъ тѣ, которые сумѣли сдѣлать американскую свободу блестящимъ примѣромъ для другихъ народовъ. Затѣмъ онъ предлагаетъ имъ подписать петицію къ начальству школы и просить о введеніи самоуправления; далѣе идетъ маленькая школьная конституція (School republic laws) и взаимная порука (pledge) съ общаніемъ какъ можно лучше исполнять обязанности, возникающія изъ даруемыхъ имъ правъ.

Затѣмъ устанавливаются „власти“: губернаторъ, секретаря, казначей и должностныя лица, входящія въ составъ правленія. Каждый классъ образуетъ округъ съ особыми подчиненными должностными лицами и посылаетъ двухъ уполномоченныхъ въ законодательный парламентъ, въ которомъ засѣдаютъ также и учителя. Учениками теперь поддерживается внѣшній порядокъ (отсутствіе, опаздываніе, поведеніе, чистота рукъ, лица и одежды, порядокъ въ классной комнатѣ, по дорогѣ въ школу и на дворѣ и т. д.). Если кто-либо нарушаетъ правила, то полиція (ученическая) привлекаетъ виновнаго къ ответственности передъ судомъ, тоже состоящимъ изъ учениковъ и учителей. Высшей мѣрой наказанія является исключеніе изъ гражданской общины. Съ такимъ осужденнымъ до истеченія срока наказанія никто не смѣетъ разговаривать и играть.

Всѣ извѣстія указываютъ, что на самыя ответственныя мѣста всегда избираются самыя лучшіе ученики. Каждый мѣсяцъ производятся новыя выборы. Само собой разумѣется, что начальники учебныхъ заведеній обла-

даютъ абсолютнымъ veto противъ мѣропріятій, исходящихъ съ стороны учениковъ.

Всякій разъ какъ дѣло касается закрытаго учебнаго заведенія или же средняго и приближающаго къ нему низшаго, картина школьнаго города сильно мѣняется. Для начальной школы Гиллъ принимаетъ форму, конечно, болѣе простую, чѣмъ та, которая здѣсь описана. Но чѣмъ старше ученики, тѣмъ больше онъ стремится къ политическому идеалу въ его отечествѣ: управлять при помощи народа и для народа.

Чисто американскимъ духомъ вѣетъ, когда въ специальной литературѣ нашихъ коллегъ въ Новомъ Свѣтѣ мы находимъ упоминанія, иллюстрирующія жизнь школьныхъ городовъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Его Высокородіе, г. бургомистръ, пожалованъ знаками такого-то ордена!“ „М-ръ Гиллъ приводитъ къ присягѣ должностныхъ лицъ новообразованнаго школьнаго города“, „Новоизбранный бургомистръ со ступеней лѣстницы держитъ рѣчь къ ученикамъ“ и т. д.

Что дѣло живетъ и процвѣтаетъ—это ясно видно по извѣстіямъ. Еще больше это подтверждается тѣмъ фактомъ, что широкая гласность привлекаетъ къ идеямъ Гилла самое дѣятельное вниманіе. Правительственные учрежденія, ученые и государственные дѣятели вплоть до самого президента Союза съ горячимъ участіемъ относятся къ проведению этого плана. То тутъ, то тамъ начальство призываетъ Гилла устраивать школьный городъ; онъ даже получаетъ отъ союзнаго правительства предложеніе отправиться на Кубу и Филиппины, чтобы и тамъ заложить среди молодежи основы гражданскаго воспитанія, соотвѣтствующаго достоинству великой республики. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ образовалась патріотическая лига, имѣющая цѣлью содѣйствовать идеямъ Гилла и распространять ихъ ¹⁾.

¹⁾ При описаніи американскаго школьнаго города я слѣдовалъ

Затѣмъ я пользовался книгой: „Школьный городъ, самоуправленіе и гражданственность въ школахъ“,—лекція одного американца, который выросъ въ Германіи, а теперь уже нѣсколько десятковъ лѣтъ живетъ въ С. А. С. III. и горячей рекомендаціей гиллевской системы пожелалъ оказать услугу своей прежней родинѣ.

Независимо отъ Гилла дѣлались, конечно, и другіе опыты съ цѣлью подобнымъ же образомъ сдѣлать плодотворнымъ принципъ самодѣятельности, наложившій отнынѣ свою печать на современную педагогику. Такъ, Иог. Лангерманнъ, помощникъ учителя въ Берлинѣ, въ связи съ работой въ дѣтскомъ саду достигъ приблизительно тѣхъ же результатовъ, какіе сообщаютъ относительно американской School-city-system ¹⁾. Точно также въ Базелѣ К. Бурггардтъ уже въ концѣ послѣдняго столѣтія старался проводить социальное воспитаніе и образованіе, устраивая въ классахъ богато организованную общественную жизнь ²⁾.

Но только съ тѣхъ поръ, когда школьный городъ нашелъ въ лицѣ д-ра Фр. В. Ферстера столь ревностнаго защитника, идея самоуправленія учениковъ получила и на нѣмецкой почвѣ болѣе широкое распространеніе ³⁾.

5. Какъ смотрѣть на школьный городъ, и чему мы можемъ отъ него научиться?

Цѣль у него, очевидно, хорошая. Но не слишкомъ ли много значенія американцы приписываютъ внѣшней сто-

сообщеніямъ, любезно присланнымъ мнѣ президентомъ вышеупомянутой лиги. См. также его книгу: Gill „System of moral and civic training“.

¹⁾ Langermann: „Der Erziehungsstaat nach Stein-Fichteschen Grundsätzen in einer Hilfsschule durchgeführt“.

²⁾ Ср. его статьи въ газетѣ Швейцарскій Учитель за 1908—1910 г.г. и отдѣльно изданную имъ 1900 г. книжечку: „Schule und Gemeinssinn“.

³⁾ Ферстеръ: „Школа и характеръ“, переводъ Г. Г. Зоргенфрея, Спб. 1909.

ронѣ дѣла, при всемъ ихъ стараніи воспитать благона-
мѣренныхъ и образованныхъ гражданъ? Конечно, и это
содѣйствуетъ обращенію юношей въ убѣжденныхъ амери-
канцевъ, что очень важно въ виду сильной иммиграціи.
Но развѣ ученики получаютъ правильную подготовку къ
жизни, если въ школѣ стараются какъ можно точнѣе
копировать окружающую дѣйствительность? Въ самомъ
дѣлѣ, развѣ интересы гражданина оттого пробуждаются,
что подражаешь государственнымъ учрежденіямъ вплоть
до отдѣльных мелочей? Я очень сомнѣваюсь, не лучше
ли было бы, если бы мы остановились на болѣе соотвѣтству-
ющей дѣтскому возрасту организаціи? Ученикъ еще слиш-
комъ мало знаетъ о жизни и тѣхъ силахъ, изъ которыхъ
кристаллизуются формы государственнаго устройства. Ре-
бенокъ является только еще „человѣкомъ“, и отнюдь не
представителемъ той или иной профессіи, а поэтому онъ
будетъ чисто механически копировать публичные власти,
законы и т. п.“.

Да и учитель долженъ прежде всего ставить вопросы
идеальнаго характера и потомъ уже переходить къ во-
просамъ практической жизни. Поэтому я предпочелъ бы
руководиться точкой зрѣнія нашего соотечественника, ци-
тированного уже д-ра Месмера, который пишетъ, что
ученику въ идеальной школьной жизни надо показывать
тотъ примѣръ, по которому онъ долженъ преобразовать
общественную жизнь. Когда онъ будетъ взрослымъ, само-
стоятельнымъ, тогда онъ приложитъ все къ тому, чтобы
расчистить путь своему идеалу.

Въ № 2 „Воспитателя“ за 1910 г. — одинъ коллега изъ
кантона Ваадт тоже публикуетъ устройство школь-
наго города, которое онъ ввелъ въ своей школѣ. Его система,
опираясь на примѣръ Америки, возлагаетъ на учениковъ, на-
ряду съ поддержаніемъ порядка въ школьномъ зданіи, также
и надзоръ на дворѣ и на улицѣ. Къ какой-либо совсѣмъ
маленькой общинѣ это, пожалуй, подходит; но въ бо-

лѣе крупныхъ городахъ такой шагъ, мнѣ кажется, легко
дискредитируетъ даже то хорошее, что заключается въ си-
стемѣ. По мѣрѣ того, какъ школьный городъ стремится
распространить свое вліяніе за предѣлами школы, онъ
долженъ утрачивать и силу своего вліянія и — свою правду.

Я вообще считаю не педагогичнымъ сразу вводить
готовое управленіе со всѣмъ аппаратомъ „властей“. Да и
слишкомъ рано это на ступени народной школы. Въ
Америкѣ, можетъ-быть, это кое-какъ устроивается, такъ
какъ тамъ молодежь болѣе зрѣла для такихъ идей. „Под-
чиненіе какому-либо готовому плану убиваетъ въ школѣ
всякую естественность, всякую инициативу и оригиналь-
ность“. При нашихъ же отношеніяхъ будетъ гораздо
лучше рѣшиться сначала на опыты въ четырехъ стѣ-
нахъ школы и начинать съ малаго.

Да и всѣ вообще, кто хочетъ вводить реформы, мнѣ
кажется, находятся въ подобномъ положеніи. Никто не
можетъ безнаказанно порвать съ прежнимъ и сразу всту-
пить на совершенно новые пути. Кто, увлекшись пере-
довыми бойцами на педагогическомъ поприщѣ, захочетъ
заняться „преобразованіями“, не долженъ забывать, что
и Гиллъ, Шаррельманъ и кто бы тамъ ни былъ, не
были сначала тѣмъ, чѣмъ они намъ представляются въ
ихъ книгахъ. Они не сразу дошли до того, что такъ
сжато выражено на немногихъ страницахъ ихъ писаній.
Долгое размышленіе о состояніи современнаго общества,
о цѣли воспитанія, о природѣ ребенка и т. п. побудило
ихъ вступить на новый путь. Шагъ за шагомъ шли они
впередъ и затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ накопили
опыты, съ которыми выступили передъ обществомъ. По
моему, это надо замѣтить; это очень важно. Реформы
въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ состоятъ не въ томъ,
чтобы начитаться какъ можно больше проектовъ пре-
образованій и затѣмъ прямо, безъ всякой переработки,
пересаживать на нашу почву чужіе опыты. А когда на-

чинаютъ понемногу, можетъ-быть, съ какого-нибудь отдѣльнаго предмета, то со временемъ сроднятся съ духомъ новыхъ мыслей. Начинаешь замѣчать, что подходить къ особымъ обстоятельствамъ и къ личному характеру—изъ своей шкуры не вылезешь—и тогда можно постепенно подвигаться впередъ. Жизнеспособная новизна рождается не изъ того, что притекаетъ къ человеку извнѣ, какъ нѣчто чужое, а изъ того, что онъ самъ пережилъ, выстрадалъ и завоевывалъ¹.

Частые выборы и все, что связано съ устройствомъ школьнаго города, повидимому, иногда сильно отвлекаютъ учениковъ отъ прочаго ученія. Не лучше ли перенести центръ тяжести въ отдѣльные классы? Соединеніе всѣхъ классовъ въ одно школьное государство, обнимающее весь школьный домъ, требуетъ все-таки такой затраты времени, что успѣхъ занятій никоимъ образомъ не можетъ мириться съ этимъ.

Указанные недостатки, наши иначе сложившіяся условія жизни и здѣшнее устройство школы, сильно уклоняющееся отъ американскаго, не позволяютъ намъ прямо, безъ дальнихъ разсужденій копировать американскій школьный городъ. Но мы можемъ использовать хорошую мысль, лежащую въ его основѣ такъ, что отдѣльные классы превратятся въ маленькія общины, которыя будутъ привлекать учениковъ къ участию въ поддержаніи порядка, приучать къ отвѣтственности и насаждать среди нихъ социальное чувство.

Конечно, больше всего оправдывается самоуправленіе въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Надѣюсь, что я, въ силу моего опыта, какъ бывшаго воспитанника и затѣмъ учителя въ закрытомъ учебномъ заведеніи, смѣю утверждать, что закрытое воспитаніе лишь тогда даетъ хорошіе результаты, когда ученики проникнуты духомъ взаимной отвѣтственности и самодисциплины. Но тамъ, гдѣ сквозь школьныя стѣны не просачивается нѣкоторая сво-

бода, гдѣ нѣтъ налицо нормальныхъ личныхъ отношеній между ученикомъ и воспитателемъ, гдѣ вмѣсто этого господствуетъ принужденіе и вѣчное надзирательство, и гдѣ посредствомъ запугиванія заранѣе хотятъ сдѣлать невозможной всякую ошибку, тамъ въ учрежденіи хорошій духъ не можетъ пустить корни и не можетъ превратиться въ традицію. Только тамъ, гдѣ достигнуто добровольное послушаніе, достигается полный успѣхъ, выходящій за предѣлы школы и учебнаго времени.

Директоръ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ въ Траксельвальдѣ, г-нъ Ф. Гроссенъ, любезно сообщилъ мнѣ о своихъ опытахъ надъ самоуправленіемъ, которые онъ производилъ „съ большимъ успѣхомъ“ съ 1892 г., т. е. со времени открытія приюта. Онъ подчеркиваетъ, какъ любовью, довѣріемъ и предоставленіемъ воспитанникамъ отвѣтственныхъ должностей онъ достигаетъ хорошей дисциплины и порядка. Какъ разъ такіе мальчики, которымъ было довѣрено что-либо отвѣтственное, вели себя превосходно и становились дѣльными юношами. Многіе изъ нихъ потомъ радовали его и дальнѣйшей своей карьерой въ жизни, поднимаясь до видныхъ мѣстъ (напр., фабричнаго инспектора или директора завода). Д-ръ Бекъ, уголовный статистикъ въ Бернѣ, отмѣчающій ничтожный процентъ рецидивовъ, и извѣстія ежедневной печати („Bund“, „Berner Tagblatt“ и др.), всѣ они констатируютъ хорошіе результаты этой системы.

Одинъ коллега изъ провинціального закрытаго учебнаго заведенія однажды во время разсужденія о трактуемыхъ здѣсь вопросахъ замѣтилъ, что пансіонское воспитаніе во многомъ (напр. относительно грѣховъ молодости) бываетъ совершенно безуспѣшно, если не находить поддержки въ воспитанникахъ, если ему не удастся привлечь старшихъ къ руководству надъ младшими¹).

¹) Какое глубокое воспитательное вліяніе мальчики могутъ оказывать другъ на друга, показываетъ книга: „Tom Browns School“

То же самое до известной степени относится и къ школь. Ученики гораздо скорѣе учителя раскрываютъ начало какой-либо гадости (грязнаго чтенія, воровства и т. п.). Если хорошій духъ господствуетъ въ классѣ, то по крайней мѣрѣ зло не можетъ пойти далеко.

Въ какомъ смыслѣ самоуправленіе также въ семинаріи и другихъ среднихъ школахъ можетъ давать хорошіе результаты, показываетъ одно извѣстіе относительно опыта въ образцовой школѣ (реальномъ училищѣ во Франкфуртѣ на М.¹⁾ Директоръ этого училища, д-ръ Вальтеръ, уже десять лѣтъ приучаетъ учениковъ послѣдняго класса помогать въ школьномъ надзорѣ и своимъ вліяніемъ воспитывать младшихъ товарищей. Статья говоритъ преимущественно словами самихъ учениковъ, изъ нея видно, насколько серьезно они смотрятъ на дѣло и какъ со временемъ они сумѣли найти для него и форму и уваженіе.

Каждый классъ выбираетъ три довѣренныхъ лица. Послѣдніе несутъ отвѣтственность за порядокъ, тишину и поведеніе въ классѣ. Затѣмъ они являются посредствующимъ звеномъ между классомъ и учителями и въ приличной формѣ сообщаютъ начальству училища о желаніяхъ учениковъ.

Высшій надзоръ за классомъ предоставленъ ученикамъ выпускного класса. Они должны выступать противъ

days", by Th. Hughes; нѣм. переводъ въ обработкѣ д-ра Вагнера, изд. Пертеса въ Готѣ. Томъ учился въ пансіонѣ Рёгби близъ Бирмингама при директорѣ Т. Арнольдѣ (1795—1842), который однажды сказалъ: „Если я могу положиться на мой шестой (старшій) классъ, то нѣтъ такого мѣста въ Англіи, на которое я пожелаю бы промѣнять свое. А если онъ меня не поддерживаетъ, тогда я долженъ уйти“. „Они должны видѣть свою задачу не въ томъ только, чтобы поддерживать порядокъ да исполнять дежурства, а въ томъ, чтобы вмѣстѣ со своимъ директоромъ и своими учителями дѣлать одно общее дѣло, въ союзѣ съ ними поддерживать духъ учебнаго заведенія и плодотворность его системы воспитанія.

¹⁾ „Monatschrift für höhere Schulen“, отдѣльный оттискъ, за 9-й годъ.

всякихъ непристойностей, какія только будутъ допущены ихъ товарищами внутри или внѣ стѣнъ школы. При этомъ они должны сдерживать другихъ не повелительнымъ тономъ, а скорѣе дружескими указаніями и воспитывать ихъ собственнымъ примѣромъ. Только въ случаяхъ самаго упорнаго противодѣйствія могутъ они обращаться за помощью къ учителю или директору. Тѣ же старшеклассники помогаютъ въ надзорѣ на дворѣ и въ школѣ. Они отвѣчаютъ также за порядокъ въ гимнастическомъ залѣ, въ кабинетѣ географическихъ и историч. картъ и въ велосипедной комнатѣ, въ которой болѣе 50 далеко живущихъ учениковъ устанавливаютъ свои велосипеды. Далѣе, они заботятся о томъ, чтобы все шло въ порядкѣ въ „молочной“ комнатѣ, гдѣ во время перемѣны ученикамъ отпускается по дешевой цѣнѣ молоко. Отдѣленіе добровольныхъ гимнастовъ и отдѣленіе гребного спорта тоже находятся въ завѣдываніи абитуриентовъ. Далѣе они помогаютъ точно провести 45-ти минутный урокъ. Наконецъ, на нихъ возложены хлопоты регламентаціи посѣщенія учениками оперныхъ и драматическихъ спектаклей, обмѣнъ французскими и англійскими книгами для домашняго чтенія, устройство школьныхъ празднествъ, экскурсій, школьныхъ концертовъ и спектаклей.

Легко понять, какое огромное значеніе имѣетъ для учебнаго заведенія, когда въ немъ существуетъ традиція, по которой старшіе подаютъ хорошій примѣръ младшимъ и оказываютъ на нихъ хорошее вліяніе. Тамъ, гдѣ молодежь сама стремится къ тому, чтобы внутри маленькой школьной общины господствовали порядокъ, воспитанность, тамъ еще съ младшихъ классовъ дѣлаются очень чутки къ тому, что хорошо и что нѣтъ, и развивается извѣстное чувство общественности, которое и въ жизни будетъ содѣйствовать счастью и здоровью общества. Когда молодежи тѣмъ или инымъ образомъ идутъ на встрѣчу, то въ самомъ началѣ пресѣкается путь

тому опасному, революціонному духу, который даетъ себя знать уже на старшихъ ступеняхъ народной школы.

Директоръ Вальтеръ пишетъ: „Мы чрезвычайно довольны результатами этого нововведенія... Въ старшихъ ученикахъ пробуждается чувство ответственности, вызывается живой интересъ къ престижу школы внутри и внѣ ея. Хотя всегда должны царить хорошія товарищескія отношенія, старшіе пріобрѣтаютъ тактъ и умѣнье, никого не обижая, безъ высокомерія—наводить среди младшихъ порядокъ и настаивать на исполненіи такихъ распоряженій; да и у младшихъ учениковъ непременно получается такое впечатлѣніе, что участіе старшихъ въ наблюденіи за порядкомъ, воспитанностью и добрыми нравами имѣетъ значеніе для всей школы, и что каждый отдѣльный ученикъ, составляя часть одного великаго цѣлаго, долженъ умѣть подчиняться... Ученики въ общемъ даже идутъ настолько далеко, что вмѣстѣ выступаютъ противъ нарушителя общаго мира, или, по крайней мѣрѣ, не поддерживаютъ такого ученика, какъ это иногда бывало раньше... Окончившіе школу часто ставятъ на видъ ту большую пользу для жизни, которую они получили отъ этого преобразованія школы, и благодарятъ за такое „приданое“ отъ школы, которое съ воспитательной стороны образуетъ существенное дополненіе къ тому знанію, „которое они выносятъ изъ школы“. Дополненіемъ можетъ служить письмо одного бывшаго „перваго префекта“ (старшій наблюдатель изъ учениковъ). Онъ утверждаетъ, что система самоуправленія сильно двинула впередъ его собственное самовоспитаніе. Чувство внутренней связи и взаимнаго тяготѣнія между руководителями и подчиненными, по его словамъ, совершенно устраняло изъ школьной жизни все, что вызываетъ чувства гнета и оппозиціи.

Мои собственные опыты убѣждаютъ меня въ томъ, что есть возможность то благо, которое заключается въ

школьномъ городѣ, перенести въ подходящей къ нашимъ отношеніямъ формѣ и на наши народныя школы, даже болѣе того, именно посредствомъ самоуправленія можно повысить воспитательное значеніе нашихъ школъ.

Поэтому да будетъ мнѣ позволено сообщить кое-что относительно опытовъ въ моемъ классѣ.

III. Собственные опыты надъ самоуправленіемъ¹⁾.

1. Упражненія въ самообладаніи, какъ предварительная ступень.

Весною 1906 г. попалъ я въ Цюрихъ. Я дважды велъ классъ, каждый разъ около 44 мальчиковъ изъ нидердорфскаго и гросмюнстерскаго кварталовъ, отъ V-го класса до перехода ихъ въ слѣдующую школу. Тогда я первый разъ въ моей жизни вполнѣ ясно созналъ, что самая важная работа учителя должна лежать въ области воспитанія. Повинуясь болѣе нуждѣ²⁾, нежели собственному влеченію, я прибѣгъ къ самоуправленію, какъ къ воспитательному средству. Уже одинъ возрастъ моихъ учениковъ вынуждалъ меня начинать съ малаго. И въ то время какъ я, параллельно умственному и нравственному росту класса, понемногу старался расширить и усовершенствовать начатое, въ обоихъ классахъ до самаго конца оставался живой интересъ. Успѣхъ вполнѣ удовлетворилъ меня и въ томъ и въ другомъ случаѣ.

Набросанныя въ дальнѣйшемъ изложеніи упражненія въ гимнастикѣ воли должно понимать, какъ подготовку къ

¹⁾ Первыми побужденіями я обязанъ стать д-ра Фр. В. Ферстера „Демократія и школьная дисциплина“, въ швейцарскомъ Ежегодникѣ за 1906 г.

²⁾ Подробнѣе см. въ 1-омъ выпускѣ Швейцарскаго Педагогическаго журнала за 1908 г.

собственному самоуправленію. Къ тому же они служатъ ученикамъ средствомъ сознательно отнестись къ силамъ своей собственной воли.

Какой-нибудь поводъ допустимъ, далъ замѣтить, что только присутствіе учителя поддерживаетъ дисциплину. Тогда нужно вмѣшаться и объяснить, что только та дисциплина является истинной, которая дѣйствуетъ и въ отсутствіе учителя. Самое большое значеніе имѣетъ самодисциплина, только она свидѣтельствуетъ о силѣ. Ребята, — такъ продолжаетъ учитель, — ваша цѣль сдѣлаться разъ твердыми и крѣпкими мужчинами. Не ради учителя ходите вы въ школу, а ради васъ же самихъ; не въ угоду учителю надо поддерживать порядокъ, но всѣ порядки школы установлены въ вашихъ интересахъ. Я охотно покажу вамъ, когда мы будемъ вмѣстѣ, путь къ самообладанію. Я вамъ укажу, какъ вы сами можете держать себя въ уздѣ.

Чѣмъ яснѣе поймутъ ученики наши намѣренія, тѣмъ больше будетъ успѣха. Прежде всего я выбираю слѣдующія упражненія.

Никто не долженъ оглядываться, когда открывается дверь.

Никто не смѣетъ откликаться, когда постучать въ классъ.

Учитель пишетъ на классной доскѣ. Какой удобный случай побѣдить себя, поупражняться въ самообладаніи, воздерживаясь отъ болтовни.

Кладя на столъ часы, я подзадориваю учениковъ поработать разокъ въ теченіе пяти минутъ спокойно, не болтая, не поглядывая налѣво, направо или въ окно, однимъ словомъ, не отвлекаясь.

Удастся такой опытъ, то въ глазахъ учениковъ сіяетъ радость. Я обращаю ихъ вниманіе на то чувство силы, которое получается у нихъ, и повторяю опытъ на другомъ урокѣ, увеличивая впослѣдствіи испытаніе на 10, 15 минутъ. Кто уже пробовалъ что-либо подобное, тотъ

знаетъ, что ученики охотно берутся за это и гордятся своей силой. „Еще 10 минутъ!“ — кричатъ они.

Пробнымъ камнемъ служатъ тѣ моменты, когда учителя вызываютъ изъ класса. Не всѣ выдерживаютъ это испытаніе (конечно, безъ наблюдателя и безъ угрозы наказаніемъ). Но часто учитель при возвращеніи застаётъ такую тишину, что хоть мышъ пробѣжить, и то слышно.

Прекраснымъ упражненіемъ въ самообладаніи служитъ приученіе учениковъ начинать работу по звонку, безъ особаго приглашенія; также и послѣ перемѣны, независимо отъ присутствія въ классѣ учителя.

Послѣднія два упражненія удаются, конечно, только тогда, когда каждый ученикъ совершенно точно знаетъ, что ему дѣлать.

Испытаннымъ также средствомъ въ борьбѣ противъ небрежности служить громкое, выразительное чтеніе и ясное произношеніе. Такъ какъ его можно примѣнять на любомъ урокѣ, то для борьбы съ излишней склонностью къ удобству врядъ ли найдется что-либо лучшее.

У нашихъ учениковъ есть также привычка марать и чиркать стѣны, столы — все, что у нихъ подъ руками. Борьба противъ этой дурной манеры должна начинаться уже съ клякспаира. Мелочность, не правда ли? Въ извѣстномъ смыслѣ — да; но въ борьбѣ противъ мелочей создается характеръ.

Полезно представлять вниманіе во время урока, какъ пробу силы, которая даетъ ученикамъ возможность укрѣплять свою волю.

Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ письменными работами. Написать одну страницу и все исполнить на ней четко и красиво, ничего не зачеркивая, не забывъ ни одной точки, ни одной кавычки, это такое же напряженіе силы, какъ прыжокъ на турникѣ.

Телѣжка спускается по крутой улицѣ. Механизмъ такъ сильно напряженъ, что при каждомъ оборотѣ ко-

леса въ наши окна врывается пронзительный свистъ. Вниманіе — тю, тю! Даже лучшіе ученики хихикаютъ и смотрять, какія гримасы скорчатъ другіе. Но даже и эти неустрашимыя въ нашемъ шумномъ Цюрихѣ помѣхи даютъ поводъ упражняться въ сосредоточиваніи вниманія, въ закаливаніи воли. Какъ нуждается въ подобныхъ упражненіяхъ наша городская молодежь, это прежде всего бросается въ глаза учителю, пріѣзжающему изъ деревни.

Чтобы дѣлать свои указанія болѣе убѣдительными, я обращаю вниманіе учениковъ на тѣ наблюденія, которыя они сами дѣлаютъ на улицѣ и которыя показываютъ имъ, какъ повседневная жизнь даже къ самымъ простымъ людямъ (вагоновожатому, кучеру, шофферу) предъявляетъ большія требованія относительно умѣнья сосредоточивать вниманіе. Я напоминаю имъ также о „множествѣ желѣзнодорожныхъ и почтовыхъ служащихъ, о служебномъ персоналѣ торговыхъ домовъ..., о легіонахъ фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, которые посреди грохота машинъ, посреди самой шумной людской толчеи должны совершать мыслительную работу и умѣть соображать, не теряя при этомъ головы. Можно ли себѣ, напр., представить полководца, который издаетъ свои распоряженія, сидя въ спокойномъ своемъ рабочемъ кабинетѣ? Развѣ не приходится, ему въ то время какъ кругомъ носится смерть и разрушеніе, среди такой обстановки совершать мыслительную работу, принимать рѣшенія и отдавать приказанія въ моменты самаго большого возбужденія? Конечно, и они были когда-то учениками и не обладали энергіей въ такой степени. Но одного взгляда на практическую жизнь вполне достаточно, чтобы намъ вполне стало ясно, что нельзя достаточно рано приняться за пріученіе къ самообладанію. Вѣдь какое значеніе въ послѣдующей жизни имѣетъ это искусство самообладанія! ¹⁾

¹⁾ Д-ръ Г. Шварцъ: „Школа и жизнь“, стр. 37 и 38.

Мы идемъ на Уто! — заявляютъ однажды послѣ обѣда. Кто можетъ добраться до вершины горы, не пивши воды? Я хочу посмотрѣть, у кого хватитъ воли, побѣдить свою жажду! — Послѣ такого опыта я обращаю вниманіе учениковъ на хорошія послѣдствія воздержанія. Они и сами находятъ, что они такъ же свѣжи, какъ и прежде. Быть-можетъ, тотъ или другой изъ нихъ и вспомнитъ о другой прогулкѣ, когда онъ отъ постоянного питья воды сильно потѣлъ, а жажда возбуждалась еще больше и онъ обезсилѣлъ.

Признаніе, что ученики тоже могутъ кое-что сдѣлать своими силами, вызываетъ въ нихъ охоту, и даже сами они иногда продѣлываютъ то или иное упражненіе въ самопреодоленіи. А все, что они сами изобрѣли, принимается съ двойною радостью.

Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ упражненій можно, конечно, предпринимать уже въ самыхъ младшихъ классахъ. Здѣсь было бы уместно рассказать объ одномъ случаѣ изъ времени моего собственнаго юношества. Онъ показываетъ, что уже очень рано можно начинать съ пріученіемъ къ самообладанію.

Моемъ первымъ учителемъ былъ добренькій, простой старичекъ. Разъ, когда мы во время урока пѣнія стали зѣвать одинъ за другимъ, онъ сказалъ намъ, что это дурная привычка, съ которой намъ надо бороться. Я еще помню, какъ долго я думалъ тогда объ этомъ, и какъ я пробовалъ совладать съ зѣваніемъ. И вотъ я тогда замѣтилъ одну взрослую дѣвушку, которой хотѣлось зѣвать. Я видѣлъ, какъ у нея начиналъ открываться ротъ, но она сильно сжимала губы. Ага, вотъ какъ это дѣлаютъ, подумалъ я; надо и мнѣ это попробовать. Все-таки мнѣ долго не удавалось; я всякій разъ тогда только вспоминалъ про дѣвушку, когда мой ротъ былъ уже опять закрытъ. Но постоянное воспоминаніе о принятомъ рѣшеніи привело, наконецъ, къ успѣху. Я научился ду-

мать во-время объ этомъ и въ концѣ концовъ привыкъ удерживаться отъ зѣванія во время урока.

Такимъ образомъ, уже на младшей ступени свободно можно то тутъ, то тамъ отказываться отъ авторитетнаго „ты долженъ...!“ и апеллировать къ собственной волѣ ребенка.

Но: если ты хочешь идти далеко, то начинай свой путь шагомъ! Если слишкомъ быстро повышать требованія, то достигнешь обратнаго тому, что задумалъ. Въмѣсто того, чтобы пробуждать силы, дѣлаютъ ихъ вялыми. А отсутствіе энергіи производитъ ту подавленность воли, которая дѣлаетъ человѣка неспособнымъ собраться съ духомъ. Только удавшіеся опыты убѣждаютъ насъ и прибавляютъ силы; только тѣ задачи, до которыхъ молодежь доросла, вызываютъ то уваженіе къ себѣ и увѣренность въ своихъ силахъ, которыя образуютъ залогъ дальнѣйшаго успѣха. Мейманъ доказалъ научнымъ путемъ, что мы самымъ плодотворнымъ образомъ влияемъ на чувство и волю ученика, если показываемъ ему, что онъ можетъ сдѣлать ¹⁾. Опытные учителя тоже скоро замѣчаютъ это и стараются внушить своимъ ученикамъ бодрость и увѣренность въ себѣ, пробуждаютъ въру въ свои силы.

Указанными средствами самообладанія ученики должны стремиться не къ той слѣпой дисциплинѣ, при которой никто не смѣетъ пикнуть. Абсолютный покой достигается только военной строгостью и неумолимымъ принужденіемъ. Такого рода веденіе школы и не нужно и не хорошо. Но когда-нибудь надо же молодому человѣку постичь, какое значеніе имѣетъ извѣстная концентрація воли, приложеніе всѣхъ силъ къ достиженію одной цѣли, отъ стремленія къ которой насъ не могутъ отвлечь никакія напештыванія или влиянія.

¹⁾ Мейманъ. „Лекція по введенію въ экспериментальную педагогику“, т. I.

Меньшинство учениковъ поймутъ насъ сразу. Но многіе привыкли слушаться только принужденія. На нихъ производитъ впечатлѣніе только физическая сила. Они исполняютъ свой долгъ, когда у нихъ есть увѣренность, что ничегонедѣланіе съ неумолимой послѣдовательностью влечетъ за собою наказаніе. Другіе думаютъ также, что достаточно сдѣлали для самообладанія, если они, напри- мѣръ, не болтаютъ, а объясняются знаками. Но зато бываютъ и такіе, которые умѣютъ понять, что внутреннее побужденіе выше внѣшняго принужденія, что есть силы, которыя выше тѣлесныхъ и должны подчинять тѣлесныя силы себѣ, что добрая воля мало-по-малу должна дѣлать излишнимъ внѣшнее принужденіе. И мы должны считаться съ такими болѣе тонкими натурами. Какъ только тотъ или другой пойметъ наши болѣе глубокія намѣренія, нами уже достигнуто нѣчто великое. Какъ только лучшіе ученики станутъ на нашу сторону, то ихъ примѣру послѣдуютъ другіе, третьи...

2. Проведеніе системы.

Когда ученики подготовлены описаннымъ выше образомъ, тогда можно перейти къ настоящему самоуправленію ¹⁾. Дисциплина принимаетъ тогда все болѣе и болѣе демократическій характеръ въ томъ смыслѣ, что вмѣстѣ съ учителемъ и отдѣльно отъ него дѣйствуютъ также ученики и несутъ ответственность за поддержаніе добрыхъ нравовъ и порядка. Обыкновенно стоятъ за то, чтобы дисциплинарныя мѣропріятія рѣшала только воля

¹⁾ Это еще не значить, что теперь надо прекратить тѣ упражненія, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущей главѣ, и подобныя имъ. Различныя ступени самоуправленія, конечно, переходятъ другъ въ друга незамѣтно; и высшія еще больше открываютъ доступъ къ низшимъ. Въ классѣ дѣло дѣлается не такъ систематично, какъ на бумагѣ, гдѣ уже ради простой наглядности нельзя обойтись безъ строгаго расчлененія.

воля учителя, безъ всякихъ ограниченій. Однако въ слѣдующей главѣ будетъ подробно указано, что и въ этой области приходится рѣшать такія задачи, въ которыхъ можетъ имѣть значеніе самостоятельная дѣятельность и собственная воля ученика. Конечно, на мое выступленіе въ этомъ дѣлѣ надо смотрѣть только, какъ на ищущую попытку, и судить о немъ съ точки зрѣнія моихъ особыхъ отношеній.

Въ послѣднемъ классѣ я начиналъ съ того, что предлагалъ ученикамъ для обсужденія проблемы внѣшняго порядка. Какъ и въ какомъ родѣ это бываетъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Я привыкъ быть уже въ классѣ, когда за десять минутъ до звонка открываютъ школьное зданіе. Обыкновенно или нужно бываетъ что-либо приготовить, или я просматриваю съ нѣкоторыми учениками какую-либо работу. Часто мнѣ мѣшала, и вотъ я поэтому въ ближайшій урокъ морали разбиралъ такую тему: „Передъ началомъ уроковъ“. Я сказалъ ученикамъ, какъ мнѣ трудно при такомъ шумѣ работать. Пусть они сами придумаютъ средства и мѣры, которыя могли бы установить разумный порядокъ. Произойшли слѣдующія пренія, изъ которыхъ я отмѣтилъ важнѣйшее.

Ученикъ Х. Мы не будемъ прыгать кругомъ, а будемъ оставаться на мѣстѣ.

Д. Лучше еще разъ просмотрѣть заданное.

В. Мы посмотримъ, въ какомъ порядкѣ идутъ уроки, и приготовимъ школьные пособия къ первому уроку.

Гб. Нѣтъ, споемъ пѣсню.

В. Изъ этого ничего не выйдетъ: одинъ одно предложить, другой—другое. Будетъ ревъ и ссора.

К. Но съ сосѣдомъ можно болтать, это никому не мѣшаетъ. Учитель отлично можетъ съ какимъ-либо ученикомъ поправлять тетрадки. А хлопанье линейками и книжками надо прекратить.

Г. Да, да! Нельзя запрещать смѣяться и разговаривать передъ началомъ уроковъ.

З. Если позволить разговоры передъ началомъ занятій, то къ этому привыкнешь и будешь болтать и во время урока.

Д. Время до и послѣ уроковъ есть время для разговоровъ; перемѣна — тоже. Зато во время урока мы будемъ спокойны.

В. Нельзя позволить разговоры. Если Д. и Б. (сидящіе въ разныхъ концахъ класса) захотятъ сказать что-либо другъ другу, они должны будутъ кричать, другіе послѣдуютъ ихъ примѣру, и опять поднимется прежній шумъ.

Б. Кто хочетъ что-либо сказать, можетъ подождать перемѣны.

А. Но тогда Д. все время будетъ думать объ этомъ во время урока. Онъ не будетъ слѣдить за дѣломъ. Лучше все-таки позволить разговоръ до уроковъ.

М. Если бы разговоръ былъ запрещенъ, многіе все-таки не стали бы слушаться.

Б. Лучше всего позволить разговоръ. Мы постановимъ, чтобы говорили только тихо. Если кто забудетъ это, мы ему напомнимъ тумачкомъ.

Сп. Не годится: онъ обидится и дастъ „сдачу“. Достаточно ему просто сказать.

Меня радовала откровенность обмѣна мнѣній. Пренія были интересны также и потому, что я вовсе не упоминалъ о какомъ-либо запрещеніи разговаривать. Затѣмъ я замѣтилъ ученикамъ, что мы еще не пришли къ концу. Я просто не хотѣлъ терпѣть шумъ. Я вѣрю ихъ доброму желанію помочь мнѣ въ случаѣ надобности установить въ нашемъ классѣ хорошій порядокъ. Итакъ, пренія продолжались.

Х. Чтобы меньше было шума, надо по крайней мѣрѣ прекратить возню. Тогда и пыли будетъ меньше.

Г. Вѣдь можно и книгу почитать.

Д. Когда одинъ хочетъ что-либо сказать другому, онъ можетъ къ нему подойти. Не надо только кричать, ловить другъ друга, будемъ вообще избѣгать беспорядка.

Учитель. Вотъ выходъ, который я принимаю. Зачѣмъ я требую отъ васъ, чтобы порядокъ царилъ въ классѣ?

В. Намъ надо держать себя въ рукахъ.

Х. Мы уже въ школѣ должны привыкать вести себя прилично, чтобы и въ другомъ мѣстѣ быть такими же. Кому въ школѣ надо няньку, тотъ и въ другомъ домѣ безъ нея оплошаетъ.

Г. Классъ есть мѣсто для работы, а вовсе не для игры.

Послѣ этого я сдѣлалъ резюме преній и вывѣсилъ его на стѣнѣ. (Смотри ниже: Законъ класса, § 1: Передъ началомъ уроковъ).

Уже то, что мы привлекаемъ классъ къ тѣмъ задачамъ, которыя до сихъ поръ касались только учителя, сближаетъ насъ съ учениками.

Затѣмъ, открытый обмѣнъ мнѣній показываетъ мнѣ,

поняли ли меня мои ученики. Вѣдь, можетъ-быть, многія требованія только оттого не соблюдаются, что дѣтямъ приходится пассивно относиться къ нимъ; они вовсе не понимаютъ внутренняго значенія нашихъ мѣропріятій; многое въ одно ухо входитъ, а въ другое выходитъ. Чѣмъ старше и смысленнѣе дѣлаются ученики, тѣмъ больше главнымъ средствомъ нашего вліянія должно быть убѣжденіе. Только на этомъ пути можно съ наибольшей вѣроятностью рассчитывать на вѣрный и прочный результатъ воспитанія. Если бы дѣло шло только о томъ, чтобы въ эти 10 минутъ было тихо, то, конечно, было бы излишней тратой времени и силъ столько говорить о поведеніи дѣтей. Тогда проще было бы приказать, чтобы было тихо. Но разнообразіе отвѣтовъ показываетъ, что ученики сначала нѣсколько путались, ошибались, и только путемъ размышленія и сравненія достигли полной ясности. И этотъ послѣдній способъ есть единственно достойный мыслящаго человѣка, а вовсе не тотъ, который просто принимаетъ все на вѣру.

Далѣе, живость діалога свидѣтельствуетъ о большомъ интересѣ, съ которымъ ученики отнеслись къ предмету преній, и показываетъ, что они и сами были убѣждены въ необходимости болѣе строгаго порядка. Мы не можемъ оставлять безъ вниманія того, что самоуправленіе должно быть проведено лишь настолько, насколько его нормы служатъ выраженіемъ того, что сами ученики — по крайней мѣрѣ лучшіе среди нихъ — чувствуютъ необходимымъ. Ихъ правила должны, какъ и всѣ, впрочемъ, законы общественной жизни, нарождаться изъ убѣжденія, что что-нибудь не то, чѣмъ оно должно быть. Не надо только ничего привлекать искусственнымъ образомъ! Все должно вырастать изъ школьной жизни и по мѣрѣ возможности вырабатываться самими учениками.

Далѣе, путемъ подобнаго открытаго обмѣна мнѣній учитель научается узнавать образъ мыслей своихъ уче-

никовъ, а это очень важно. Какъ ни одно правительство не можетъ долго дѣйствовать наперекоръ живущему въ большей части народа общественному мнѣнію, такъ и учителю нельзя оставлять безъ вниманія образъ мыслей класса. Мы должны стараться познакомиться со взглядами, опытомъ и сферой мыслей молодыхъ людей и, исходя отсюда, заинтересовать ихъ болѣе высокими идеалами. Только когда мы узнаемъ ихъ образъ мыслей, мы въ состояніи имъ показать, гдѣ ихъ сужденіе правильно и почему то или иное дѣяніе заслуживаетъ наказанія. Тогда ученики почувствуютъ, что учитель не затѣмъ только наказываетъ, чтобы воздать, отомстить и запугать, а, напротивъ, имѣетъ въ виду ихъ благо, ихъ будущее. Посредствомъ взаимнаго уразумѣнія мы можемъ также лучше всего внушить ученикамъ тѣ масштабы, по которымъ мы сами мѣримъ нравственные цѣнности.

Потомъ такимъ же образомъ возникло извѣстное число новыхъ правилъ поведенія. Первоначальная робость учениковъ скоро исчезла; они научились всякіе свои проекты, наблюденія излагать и обосновывать въ стройныхъ предложеніяхъ. Сила ихъ рѣчи и точность въ сужденіяхъ росли. Я предложилъ своимъ мальчуганамъ самимъ составить проектъ, какими способами и средствами можно было бы, по ихъ мнѣнію, завести въ классѣ строгій порядокъ. И они воспользовались этимъ правомъ. Если въ ихъ проектѣ была хорошая мысль, я не отказывался обсудить ее съ цѣлымъ классомъ и использовать его затѣмъ въ наши „законы класса“. Такимъ образомъ, со временемъ образовалось нѣчто въ родѣ правилъ поведенія, установленныхъ при содѣйствіи класса.

Вскорѣ явилась необходимость создать органы для наблюденія за исполненіемъ установленныхъ правилъ. Избраніе классныхъ наблюдателей производилось съ самаго начала классомъ подъ руководствомъ учителя, почти каждыя четыре недѣли въ такъ называемыхъ ежемѣсяч-

ныхъ собраніяхъ. Ученики дѣлали предложенія, и кто въ открытомъ голосованіи получалъ абсолютное большинство голосовъ, тотъ и былъ выбранъ (на вторичныхъ выборахъ дѣло рѣшалось относительнымъ большинствомъ). Впослѣдствіи они получили также право подобнымъ же образомъ занимать и другія „должностяшки“, которыя существовали уже и раньше, но число которыхъ было теперь увеличено и компетенція расширена.

Такъ возникла въ теченіе двухъ лѣтъ конституція класса, которую я ниже приведу дословно. По этому поводу надлежитъ замѣтить, что письменное закрѣпленіе такого правопорядка въ маленькомъ государствѣ-классѣ, выборы и другія внѣшности—относительно не должны быть разсматриваемы, какъ что-то существенное. А то, напримѣръ, возражаютъ, что лучше было бы, если бы законы класса оставались только въ памяти учениковъ¹⁾. Будь я учителемъ въ классѣ дѣвочекъ, я бы тоже дѣйствовать въ согласіи съ этимъ взглядомъ. Но такъ какъ мнѣ предстояло вести мальчиковъ, будущихъ носителей демократіи, я не хотѣлъ пропустить удобнаго случая дать имъ маленькій наглядный урокъ государственнаго права.

I. Законы класса.

1. Передъ началомъ уроковъ.

1. Классная комната есть мѣсто, гдѣ мы работаемъ. Она не должна обратиться въ мѣсто для игры и шатанья.
2. Всякій приличный мальчикъ поддерживаетъ въ классѣ порядокъ и благонравное поведеніе.
3. Крикъ, возня и драка линейками воспрещаются.
4. Пока звонкомъ не поданъ знакъ начала занятій, каждый можетъ вставать съ мѣста (подойти къ картѣ и т. д.) и разговаривать съ сосѣдомъ.

2. Перемѣна.

1. Каждый мальчикъ долженъ всегда, и въ корридорѣ и на дворѣ, такъ вести себя, чтобы не уронить чести класса.

¹⁾ Месмеръ: *ibid.* II, 1, стр. 252.

2. Въ учебное время никто не долженъ ходить черезъ дворикъ, что рядомъ со школой, такъ какъ тамъ бываютъ въ перемѣну дѣвочки, а у мальчиковъ есть собственный дворъ.
3. Послѣ перемѣны каждый долженъ безъ разсужденій спокойно сидѣть на мѣстѣ и приниматься за работу, даже если нѣтъ еще учителя въ школѣ.

3. Порядокъ и чистота.

1. На полу не должно валяться обрѣзковъ бумаги, карандаша и т. д.
2. На крышкахъ учебныхъ столовъ ничего не должно быть написано.
3. У каждого ученика должна быть тряпочка для вытиранія перьевъ.
4. Всякій порядочный мальчикъ приходитъ въ школу умытымъ и причесаннымъ.
5. Передъ каждымъ урокомъ рисованія руки должны быть вымыты.
6. Всѣ книги всегда должны быть обернуты въ чистую бумагу.

II. Списокъ должностей.

1. Блюстители порядка.

1. Блюстители порядка отвѣчаютъ за порядокъ и чистоту въ классной комнатѣ.
2. Всякій день послѣ окончанія уроковъ они дѣлаютъ осмотръ, подбираютъ обрѣзки бумаги и т. п., и задерживаютъ неаккуратныхъ, чтобы они позаботились о порядкѣ на своемъ мѣстѣ.
3. Передъ всякимъ урокомъ рисованія они заранѣе становятся у двери и не пропускаютъ въ классъ никого съ неумытыми руками.
4. Кромѣ того, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, они провѣряютъ, соблюдается ли ихъ товарищами правило 4-ое въ § 3 законовъ класса.
5. Этотъ осмотръ происходитъ до начала уроковъ, но не долженъ быть заранѣе извѣстенъ.
6. Каждый при входѣ въ классъ долженъ явиться къ блюстителю порядка. Неопрятные отсылаются къ колодцу.
7. Далѣе, блюстители порядка слѣдятъ за тѣмъ, чтобы каждый ученикъ имѣлъ тряпочку для вытиранія перьевъ, и чтобы всегда всѣ книги были снабжены опрятною обложкой. Каждую недѣлю производится соотвѣтствующій смотръ.
8. Блюстителямъ порядка предоставленъ также надзоръ за ватер-клозетомъ класса (забота о бумагѣ и пр.).

2. Три сборщика тетрадей.

1. Они раздаютъ къ началу каждого урока тетради и нужныя учебныя пособія.
2. Послѣ урока они все въ порядкѣ прячутъ въ ящикъ. Ни одна кисточка не должна быть положена въ ящикъ не вымытой.
3. Съ циркулемъ и его частями обращаться особенно заботливо.
4. Тотъ, который избранъ болѣе чистымъ голосомъ, завѣдуетъ ящикомъ. Онъ несетъ отвѣтственность за то, чтобы въ ящикѣ все было всегда въ прекрасномъ порядкѣ и всѣ вещи всегда налицо.

3. Чистильщикъ досокъ.

1. Чистильщикъ досокъ долженъ заботиться о чистотѣ классныхъ досокъ.
2. Онъ также наполняетъ водою лейку и отъ времени до времени чиститъ умывальникъ.

4. Служащій у каеэды.

1. Въ случаѣ надобности онъ исполняетъ порученія учителя.
2. Послѣ уроковъ онъ все снимаетъ съ каеэды и прячетъ тетради, мѣлѣ, сборную кружку и т. д. въ пультъ, а книги въ ящикъ.
3. Онъ помѣщаетъ въ книжечкѣ опаздывающихъ учениковъ.

5. Открыватель оконъ.

1. Онъ остается на всю перемѣну въ классѣ и заботится о достаточномъ освѣщеніи.
2. Во время перемѣны онъ прекращаетъ дѣйствіе въ классѣ центрального отопленія. Если въ концѣ перемѣны термометръ все еще стоитъ выше 16 градусовъ Цельсія, то онъ оставляетъ отопленіе закрытымъ.
3. Онъ отвѣчаетъ за то, чтобы ни одинъ ученикъ не оставался въ классѣ во время перемѣны.
4. Какъ только дадутъ звонокъ „обратно въ классъ“, онъ становится у двери и удерживаетъ бѣгомъ врывающихся учениковъ.
5. Затѣмъ онъ становится передъ классомъ и приглашаетъ начинать работу.

6. Примѣрные гимнасты.

1. Какъ только классъ раздѣлится на два отдѣленія для какого-либо упражненія, примѣрные гимнасты приступаютъ къ руководству послѣднимъ, вмѣсто учителя¹⁾.
2. Они отвѣтственны за дисциплину своего отдѣленія.
3. Они должны показывать каждое упражненіе и добросовѣстно поправлять невѣрные приемы своихъ товарищей.

7. Завѣдующій цвѣтами.

1. Завѣдующій цвѣтами заботится о горшкахъ съ цвѣтами.
2. Всякій понедѣльникъ онъ даетъ имъ съ кончика ножа полную порцію поваренной соли.

8. Собиратель серебра²⁾.

1. Собиратель серебра заботится объ открытіи коллекціи листового олова.

¹⁾ Это бываетъ только при упражненіи на снарядахъ, именно тогда, когда требуется пройти какое-либо новое упражненіе (напр., прыжокъ на перекладинѣ). Такъ какъ съ большимъ классомъ на снарядахъ совершенно нельзя правильно использовать время, то я очень рекомендую такой выходъ.

²⁾ Названія придуманы учениками.

Не упомянута здѣсь должность такъ называемаго собирателя листьевъ; потому что послѣ на нее не выбирали. Лѣтомъ отчасти отдѣльные ученики, отчасти весь классъ собиралъ во время естественно-научныхъ экскурсій листья и просто вѣточки, которыми мы усердно пользовались зимою на урокахъ рисованія. Одинъ ученикъ получилъ уголь въ классѣ, и ему указанъ былъ необходимый матеріалъ. Онъ наклеивалъ сухія листья на старую бумагу отъ рисованія. Онъ несъ отвѣтственность за исправное состояніе коллекціи и зимою, когда она была нужна.

Я нахожу, что нѣтъ лучшаго средства для поддержанія живого интереса, какъ предоставить самимъ ученикамъ надзоръ за исполненіемъ установленныхъ ими правилъ поведенія. Такая ревизія происходитъ на упомянутыхъ уже мѣсячныхъ собраніяхъ. Тамъ каждый уходящій въ отставку обладатель какой-либо должности можетъ сообщать всякія свои наблюденія и возбуждать новыя начинанія. Затѣмъ слово переходитъ къ остальнымъ. Горе тому, кто злоупотреблялъ своею должностью или недостаточно серьезно отнесся къ связаннымъ съ нею обязанностямъ, или же самъ нерадиво чтить законы, исполненія которыхъ требуетъ отъ другихъ. Чрезвычайно интересно видѣть, какъ послѣдовательны и неумолимы дѣти въ примѣненіи законовъ, изданныхъ при ихъ содѣйствіи и подъ ихъ отвѣтственностью. Ихъ критика всегда строга; иногда даже приходится учителю опредѣлять правильную мѣру упрекамъ, раздающимся по адресу ученика, который былъ облеченъ какимъ-либо званіемъ и должностью. Многіе особенно скорые на осужденіе получаютъ порядочную головомойку со стороны болѣе добродетельныхъ товарищей.

Меня уже спрашивали, всегда ли находится достаточно желающихъ на эти маленькія должности, которыя требуютъ далеко не малаго труда. Мнѣ даже рассказывали, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пробовали ввести нѣчто

подобное, дѣти со слезами противились принятію такого рода обязанностей. Это замѣчаніе меня прямо изумляетъ: вѣдь, мой опытъ показываетъ какъ-разъ обратное. Сколько уже случаевъ я видѣлъ, что многіе едва сдерживаютъ слезы, когда ихъ предложить въ кандидаты, а они проваливаются. Вначалѣ часто случалось, что кто-либо самъ себя предлагалъ, пока я не сталъ отмѣчать это, какъ недостойное. А позднѣе еще чаще я наблюдалъ, что друзья стараются оказать взаимную услугу, предлагая одинъ [другого. (Развѣ не такъ это происходитъ и въ высшей политикѣ?)

Обыкновенно выходящіе въ отставку больше не избираются. Въ послѣднемъ классѣ я установилъ, что уже всѣ выбирались. Благоразумные мальчики предлагали своихъ товарищей уже на томъ основаніи, что они давно не исправляли или ни разу еще не были на такой-то должности. Въ общемъ, вѣрными своей должности были тѣ же, которые и въ ученіи оказывались самыми способными, и эти лучшіе элементы обыкновенно побѣдноно проходили на выборахъ.

По большей части ученики умѣютъ для самыхъ разнообразныхъ задачъ находить подходящихъ людей. Такъ, я, напримѣръ, замѣтилъ, что въ примѣрные гимнасты всегда предлагаютъ такихъ учениковъ, которые и внѣ школы играютъ извѣстную роль въ этомъ дѣлѣ.

Избранникамъ класса приходилось не сразу исполнять всѣ задачи, которыя перечислены въ списокъ должностей. Желаніе приохотить избранника къ чему-либо новому исходило часто отъ учителя, часто также и отъ класса, но чаще всего бывало такъ, что какой-либо вѣрный исполнитель обязанности по своей должности добровольно принималъ на себя ту или иную необязательную работу, а затѣмъ его преемники молчаливо наслѣдовали ее.

Едва ли что-нибудь такъ поощряетъ учениковъ, какъ если они займутся какой-либо работой подъ собственной

отвѣтственностью, когда они могутъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію и за послѣдствія своего поведенія отвѣчать передъ учителемъ и товарищами. Всякій, кто въ теченіе извѣстнаго времени исправлялъ какую-либо отвѣтственную должность, выигрываетъ въ нравственной силѣ. Такое наблюденіе подтверждаютъ мнѣ и родители и прибавляютъ, что съ тѣхъ поръ дѣти ихъ стали съ большей охотой ходить въ школу.

Часто трогательно бываетъ смотрѣть, съ какой добросовѣстностью и усердіемъ дѣти исполняютъ свои обязанности. Вотъ, напримѣръ, у „блюстителей порядка“ вышла вся оберточная бумага—и вдругъ она снова у нихъ въ изобиліи: тутъ я узнаю, что кто-то пожертвовалъ на это свой двугривенный, только-что имъ полученный. Туда же, на выручку товарищей, приносить одинъ изъ „тріумвировъ“ исписанной бумаги изъ конторы своихъ родителей, и другой тащить для общей пользы мыло и ручную щетку. Служащій при каедрѣ подходитъ къ моему столу и прикрѣпляетъ къ нему тряпочку для обтиранія перьевъ; каждую перемѣну онъ исправно кладетъ на мой столъ ту книгу, которая понадобится мнѣ на слѣдующемъ урокѣ, и т. д.

Кто примѣняетъ самоуправленіе учениковъ, тому не приходится тратить такъ много времени на заботу о всякихъ мелочахъ; и говорить ему много не нужно, онъ избавленъ отъ множества замѣчаній, которыми такъ часто прерывается урокъ. Такимъ образомъ, самоуправленіе учениковъ означаетъ для учителя извѣстное облегченіе отъ бремени. На этотъ фактъ особенно слѣдуетъ обратить вниманіе сельскимъ учителямъ, имѣющимъ въ одномъ помѣщеніи много классовъ сразу¹⁾.

¹⁾ Какъ разъ такіе смѣшанные классы высшихъ и начальныхъ школъ представляютъ плодотворную почву для идеи самоуправленія. Кому надо вести учениковъ высшей ступени народной школы, тотъ, конечно, можетъ пойти и дальше, чѣмъ я на моей ступени. Такъ, въ Цухвильской практической школѣ въ Золотурнѣ, гдѣ

Какъ бы то ни было, нехорошо, когда воспитатель вмѣшивается во все, что происходитъ среди учениковъ. Тамъ, гдѣ развиты жалобы и предательство, не можетъ быть никакой солидарности, никакого общественного чувства, не могутъ быть воспитаны хорошіе характеры. Учениковъ, которые обращаются къ намъ изъ-за всякихъ пустяковъ, надо отсылать назадъ и давать имъ понять, что они сами должны справляться со своими мелкими несогласіями и только въ трудныхъ случаяхъ обращаться за помощью къ учителю.

На площадкѣ для игръ тоже примѣнимо требованіе Жанъ-Поль-Рихтера: „Воспитывайте дѣтей дѣтьми!“ Здѣсь самоуправленіе прямо-таки само собой разумѣется. Тамъ мальчикъ можетъ развивать свои личныя способности, но и услышать: „Надо строго соблюдать правила и ни въ какомъ случаѣ не обходить ихъ! Всякій долженъ стоять на своемъ мѣстѣ, подчиняться условіямъ, которыя созданы игрою, ея мѣстомъ и участниками и изъ всѣхъ силъ стремиться къ цѣли, по принципу: „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ!“ Никто не долженъ вмѣшиваться, всѣ должны подчиняться командиру. Знатоки Англіи постоянно убѣждаютъ насъ, что міровое могущество этой страны поκειται на мощной личности ея представителей. Но, вѣдь, и силу воли, и необходимую самоувѣренность, и индивидуальную твердость, и самодисциплину,—все это они вырабатываютъ преимущественно на мѣстѣ для игръ. Если мы захотимъ достигнуть чего-либо подобнаго, то, во всякомъ случаѣ намъ удастся лишь немногіе номера поставить въ программу одного сезона игръ (юношескія игры). Но съ одиннадцати- и двѣнадцатилѣтними мальчиками можно уже наладить дѣло при помощи двухъ-

тоже сдѣланы удачныя опыты съ самоуправленіемъ и хотѣть твердо его держаться, напимѣръ, въ собраніяхъ школьной общины преніями руководить ученикъ (во всякомъ случаѣ, въ присутствіи учителя).

трехъ игръ. Только упражненіе въ теченіе болѣе долгаго времени приносить съ собою знаніе правилъ игры, вплоть до самыхъ тонкихъ ея оттѣнковъ, которое переходитъ въ плоть и кровь. Тогда пробуждается также корпоративный духъ, для котораго всѣ правила игры сами собой разумѣются, а наша постоянная помощь оказывается излишней.

Привести въ дѣйствіе ученическій судъ я не хотѣлъ. Во всякомъ случаѣ, мѣсячныя собранія могли до извѣстной степени вліять на наказанія, поскольку послѣдними карались нарушенія правилъ, созданныхъ самимъ классомъ. На самихъ же классныхъ уполномоченныхъ ни разу не приходилось налагать наказанія. Критики на ежемѣсячномъ собраніи бывало совершенно достаточно, чтобы устранить болѣе грубыя нарушенія правилъ. Напротивъ, отдѣльные ученики уже привлекались „должностными“ лицами къ ответственности за проступки противъ законовъ класса. Когда виновность бывала ясна, я предоставлялъ по большей части классу устанавливать степень наказанія. Когда кто-либо подвергается наказанію не по одной лишь волѣ учителя, а при содѣйствіи товарищей, то приговоренный гораздо менѣе склоненъ жаловаться на несправедливость и пристрастіе. Самыми обычными наказаніями были: исключеніе изъ мѣсячнаго собранія, составленіе сочиненья на тему „Какъ приличному мальчику держать себя въ классѣ?“, списываніе классныхъ законовъ во время параллельнаго урока.

Разъ ученики заставили Х. попросить у меня прощенія потому, что онъ мнѣ дерзко нагаль. Другой разъ обвиняли К. въ томъ, что онъ преслѣдуетъ маленькихъ учениковъ и жестоко обижаетъ ихъ. На мое замѣчаніе, что ученики должны помочь мнѣ отучить отъ этого К., одинъ предложилъ исключить его изъ игръ и товарищества. Классъ въ теченіе трехъ дней проводилъ эту мѣру.

Это были единственные случаи въ этомъ родѣ. Ихъ тоже достаточно, чтобы показать, что съ помощью самоуправления можно создать черезъ учениковъ нѣкоторую корпоративную отвѣтственность и изолировать дурные элементы. Бывало, что при обсужденіи подобныхъ случаевъ поднимались ученики и апеллировали къ классу. Если они и имѣли на дѣлѣ очень мало успѣха, то такіа происшествія показываютъ, что означенные воспитанники чувствовали себя обязанными слить свою волю воедино съ волею учителя, а это въ концѣ концовъ и есть цѣль нашихъ воспитательныхъ мѣропріятій.

3. Важность для государственнаго устройства.

Цѣлью каждаго государственнаго учрежденія является служеніе обществу. То же относится и къ школѣ. Каждый классъ—какъ бы часть общества; на всѣхъ учениковъ дѣйствуютъ социальны-психическіе, смѣняющіеся факторы. Но классъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ образуетъ небольшую, похожую единицу, которая нуждается въ извѣстномъ правопорядкѣ.

Въ школахъ, слѣдовательно, представляется удобный случай для развиванія гражданскихъ чувствъ, а такого удобнаго случая больше не встрѣтится.

Особенно старшіе классы даютъ хорошую основу, на которой молодежь можетъ быть прекрасно подготовлена для народнаго единства, для государства. Мы должны только использовать этотъ случай, возможно лучше развить школьную жизнь и облегчить ее, практическіе опыты отдѣльнаго ученика въ его отношеніяхъ къ товарищамъ и къ учителямъ направить должнымъ образомъ и указать ученикамъ на задачи и цѣли общества, поскольку оно представлено классомъ. Мы можемъ еще и тѣмъ возвысить государственно-гражданское воспитаніе, что мы его вышеописаннымъ образомъ организуемъ и въ немъ отразимъ свободолюбивыя учрежденія отечества.

Посредствомъ элементарнаго нагляднаго обученія, которое мы такимъ образомъ преподаемъ ученикамъ, создаются очень важныя апперцепціонныя опоры для отечественнѣдѣнія. Кому приходится преподавать на первыхъ ступеняхъ, гдѣ впервые является—исторія, какъ отдѣльный предметъ, знакомъ съ затрудненіями, которыя надо преодолѣть.

На высшихъ ступеняхъ народной школы, гдѣ происходитъ новая и новѣйшая исторія съ описаніемъ борьбы за конституцію, затрудненія еще болѣе растутъ. Преподаванію исторіи грозитъ тогда опасность стать абстрактнымъ. Если же мальчуганамъ приходится заучивать понятія, ничего для нихъ не говорящія, то они исполняются противодѣйствія и отвращенія къ изученію государственнаго устройства. Быть можетъ такимъ образомъ какъ разъ разовьется то, что это преподаваніе должно было уничтожить, именно, равнодушіе къ политической сторонѣ. Другое дѣло, если они законодательство и конституцію въ маломъ масштабѣ претворяютъ въ дѣло. Опыты, воспринятые въ школьной жизни, даютъ затѣмъ возможность перекинуть мосты въ полную народную и человѣческую жизнь: здѣсь классная община, тамъ государство, законы класса—картина конституціи, класснымъ дежурнымъ соотвѣтствуютъ исполнительныя власти, классъ, какъ цѣлое, наглядно показываетъ законодательный и ученическій судъ, если таковой есть, судебную власть и т. д. Конечно, сравненіе не можетъ быть доведено до мелочности: это привело бы къ самымъ смѣшнымъ абсурдамъ.

Какъ легко было бы въ деревнѣ, гдѣ введены дополнительные курсы и сойдутся снова тѣ же учителя и ученики, провести дальше самоуправленіе. Уже служащую, болѣе зрѣлую по своимъ сужденіямъ и возрѣніямъ молодежь можно бы съ успѣхомъ побуждать къ обмѣну мыслей по общественнымъ вопросамъ. Къ руководству преніями, къ занятіямъ выборами и къ составленію извѣстій и простыхъ протоколовъ явились бы способные молодцы.

Можетъ быть, такимъ путемъ достигается немного меньше знанія. Но это вѣдь не главное дѣло: конечная цѣль всякаго національнаго воспитанія — пониманіе и живой интересъ къ благу народной общины, — не менѣе, можетъ быть, важно самостоятельное сужденіе. Самоуправленіе имѣетъ еще то преимущество, что воспитывается оно не только путемъ ученія, но преимущественно посредствомъ дѣйствія. Что старая истина, простое знаніе отнюдь еще не скрываетъ за собою настоящаго патриотизма. Вѣрность закону должна показать себя въ дѣйствіи. Такъ какъ самоуправленіе даетъ ученику случай упражняться въ самоконтроль, проявлять свои силы, дѣйствовать въ интересахъ цѣлаго, оно возвышается надъ ученіемъ переходя къ воспитанію гражданина. Уже въ такомъ возрастѣ, когда они еще не охвачены одностороннею классовою борьбою, будущіе носители суверенной власти могутъ въ небольшомъ кругу заботиться о порядкѣ и правахъ. Ничто другое не можетъ такъ ярко и убѣдительно внушить дѣтямъ необходимость строгой дисциплины, какъ организованная школьная община, гдѣ каждый долженъ быть готовымъ къ повелѣванію и къ добросовѣстному повиновенію.

Тогда подростающій и дѣлающійся гражданиномъ мальчикъ узнаетъ, что община можетъ процвѣтать, если большая часть членовъ согласна повиноваться порядку. Онъ видитъ, что только тогда можно предоставить массамъ извѣстнаго рода самоопредѣленіе, если меньшинство подчиняетъ свои интересы интересамъ большинства. Каждое отдѣльное лицо должно сознавать, что съ правами всегда связаны обязанности и что свобода возможна лишь тамъ, гдѣ противоположнымъ полюсомъ ея является самоконтроль и самовоспитаніе.

До тѣхъ поръ однако, пока будемъ стараться обосновывать наши требованія чисто внѣшнимъ образомъ: „ты долженъ, потому что я это говорю“, ученики ни-

когда не научатся признавать эту необходимость. Примѣняясь къ растущему ихъ пониманію, мы должны постепенно овладѣвать ихъ согласіемъ, иначе весь порядокъ-то зависить отъ нашей личности. „Можно ускользнуть отъ порядка, извнѣ продиктованнаго, но ни въ какомъ случаѣ не ускользнешь отъ порядка, явившагося результатомъ личнаго согласія“¹⁾.

Если учитель править не только за учениковъ, но и вмѣстѣ съ ними и черезъ нихъ послѣдніе понимаютъ, что всякій порядокъ созданъ ради нихъ. Подчиненіе социальму закону кажется имъ требованіемъ, исполненіе котораго поддерживаетъ ихъ въ начинаніяхъ и закаляетъ ихъ силы. Тогда и возвращаютъ тотъ классный духъ, борющійся за все честное, справедливое и благородное, соотвѣтствующее порядку. Гдѣ большинство учениковъ съ благонамѣренными во главѣ какъ нибудь отвѣтственной за порядокъ и право, отдѣльному легче удастся эмансипироваться отъ фатовскаго геройства анархизма, которое хвалится тѣмъ, что сумѣло обойти законъ и начальство. Онъ знаетъ: „Товарищи недовольны мною, если я не подчиняюсь порядку“.

Слѣдовательно, одушевляя дисциплину и заставляя ученика проявлять самостоятельность на пользу своихъ товарищей, мы создаемъ сознаніе своихъ обязанностей и отвѣтственности. Отношеніе къ закону, къ классу и къ учителю кажется ему тогда въ совершенно иномъ свѣтѣ. Теперь онъ пріобрѣтаетъ внутреннее участіе въ томъ, что ему до сихъ поръ являлось лишь чисто авторитативнымъ, чуждымъ, быть можетъ, даже чѣмъ-то мѣшающимъ и враждебнымъ. Онъ убѣждается, что и въ свободномъ государствѣ должны существовать законы, не для того, чтобы произвольно стѣснять свободу, а чтобы защищать права другихъ и цѣлаго. Опытъ показываетъ

¹⁾ Messmer: A. a. O. II, 1, S. 371.

ему, что классная община можетъ отъ него требовать услугъ и готовности оказать ихъ. Постоянныя указанія разъясняютъ ему, что наряду съ его благополучіемъ существуетъ солидарность, вниѣдряющая въ сердце завітъ—ничего не дѣлать такого, что могло бы повредить счастью другихъ и чести другихъ. Путемъ неутомимаго приученія и упражненія въ немъ должно стать второю привычкою при всемъ думать: „а если бы мои товарищи сдѣлали то же самое?“. Такимъ образомъ онъ долженъ вжиться въ общину и научиться подавлять свои прихоти, если онѣ идутъ вразрѣзъ съ общими потребностями.

Конечно, очевиднымъ кажется, что школа должна насаждать общественныя стремленія, но задача эта очень трудна. Въ теоріи можно даже быть одного мнѣнія, но, при проведеніи дѣла, на практикѣ, мнѣнія всегда разойдутся. Это подтверждаютъ и опыты Буркхардта въ Базелѣ (см. выше). Здѣсь и тамъ его образъ дѣйствій вызвалъ недовѣріе и неодобреніе, но всякій изучившій его „классныя общины“ согласится съ конечными цѣлями, къ которымъ онъ стремится. Во всякомъ случаѣ и его опыты показываютъ, что чувство взаимной отвѣтственности, духъ истинной общественности лучше всего можетъ развиваться внутри богатой и правильной школьной жизни.

Для развитія чувства общности много могъ бы сдѣлать ручной трудъ, если бы онъ больше принялъ въ свою программу групповыхъ работъ. Въ Нью-Йоркскомъ учебномъ планѣ мы читаемъ: „дѣтя рано должно получить ощущеніе гражданской общности. Оно само въ жизни должно убѣдиться въ истинѣ, что совместная работа и самоотвѣтственность имѣютъ громадное значеніе для настоящей жизни въ обществѣ. Эту истину ребенокъ познаетъ черезъ групповую работу, гдѣ работа отдѣльной единицы нужна для работы всѣхъ вмѣстѣ; къ этому присоединяется пониманіе школой или

классомъ того, что честь всѣхъ въ совокупности основана на поведеніи отдѣльной единицы¹⁾.

И другое преподаваніе, какъ, напримѣръ, уроки математики могутъ быть использованы въ такомъ же духѣ. Самые способные всегда оказываютъ втрое столько успѣховъ, сколько учениковъ слабые. Я въ такихъ случаяхъ не задумываюсь лучшаго посадить къ болѣе отсталому, чтобы онъ оказалъ товарищескія услуги послѣднему. Ученики часто лучше, чѣмъ взрослые, отгадываютъ, въ чемъ для ихъ сверстниковъ кроются затрудненія. Опасность, что не слишкомъ прилежные понадѣются на такую помощь, можно устранить. Ее не стоитъ принимать во вниманіе въ сравненіи съ пользой, связанной съ такимъ образомъ дѣйствій. Разумѣется, можно отмѣтить шумъ въ классѣ! Но спрашивается, развѣ на первомъ планѣ должна стоять эта безмолвная тишина, чтобы слышался скрипъ пера на бумагѣ? Наши классы должны быть рабочими общинами. Въ такомъ случаѣ товарищеская помощь не безусловно исключается. Кромѣ того, если это—упражненіе въ равенствѣ и братствѣ, сильный отдаетъ свою лишнюю силу на службу другихъ. Поэтому я отнюдь не жалѣю, что въ нашихъ школахъ сидятъ и слабые. Благодаря этому не только учатъ, но и на дѣлѣ проявляютъ любовь къ ближнему. Только если ученикъ дѣйствительно совершаетъ что-нибудь на пользу отдѣльнаго товарища и всего товарищества, въ немъ могутъ пробудиться чувства общности и участія.

Такой классный духъ даетъ себя чувствовать во всей школьной жизни. Если его не облагородить, тогда онъ можетъ стать тиранномъ и надѣлать много бѣды! Какъ безжалостно, напримѣръ, поступаетъ толпа учениковъ съ золушками въ классѣ. Часто виною являются лишь

¹⁾ Cnf. Kuypers: „Volksschule u. Lehrerbildung in den Vereinigten Staaten“.

плата побѣдѣ, физическій недостатокъ или другая мелочь, и ужъ ребенка травятъ. И тутъ, спасая этого несчастнаго, надо апеллировать къ чувству ответственности, выяснить, какое вліяніе можетъ имѣть на развитіе отдѣльнаго лица—отношеніе цѣлаго. Вообще, если что-либо „случилось“ въ классѣ, во дворѣ, въ гимнастическомъ залѣ, то всегда и товарищи несутъ вину. Справедливо ли наказывать одного только допустившаго проступокъ? Найдутся ли лучшіе случаи показать молодежи, что люди несутъ свою часть ответственности въ счастья и несчастія ближняго, что тотъ фарисей, у кого въ сердцѣ нѣтъ живого сочувствія!

Отечественнѣе, поскольку оно разсматривается въ исторіи и географіи уже въ классѣ, даетъ затѣмъ возможность примѣнить добытые принципы къ народной жизни. Мы покажемъ, что государство должно опираться на то же, на что и классъ. Здѣсь и тамъ одно правило: все, что дѣлаетъ отдѣльный человѣкъ, имѣетъ послѣдствія не только для него, но и для его ближнихъ.

Безплатная раздача учебныхъ пособій, пользованіе зубной- и поликлиникой и т. д. представляютъ дальнѣйшіе удобные случаи указывать на родное правило: „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ!“, обращать вниманіе молодежи на выгоды и обязанности, которыми обладаетъ отдѣльное лицо, состоя членомъ общины, кантона и отечества. Когда задачи государства будутъ становиться все шире и больше, и школьное воспитаніе все больше должно будетъ содѣйствовать воспитанію индивидуума къ альтруизму.

Чувство своего я и преданность интересамъ общественнымъ должны рядомъ уживаться. Современная культура стремится къ созданію такой культуры, которая съ одной стороны даетъ просторъ развитію своеобразія, свободѣ, правъ и способностей всѣхъ, а съ другой стороны не создаетъ преимуществъ для отдѣльныхъ лицъ, посредствомъ которыхъ остальные оказались бы стѣснен-

ными и въ убыткѣ. Сознательно и безсознательно время накладываетъ свою печать и на школу. И послѣдняя будетъ сражаться за устраненіе неравенства между эгоизмомъ и альтруизмомъ, между индивидуализмомъ и социализмомъ, между свободой и послушаніемъ. И школа должна понимать современное ей умственное направленіе, иначе она не справится со своей культурной задачей. Надо изгнать изъ школы всякое ученіе, ничего незнающее о жизни, отвергнуть всякую школу застывшую, не чувствующую пользы своего времени и отрицающую вопросы современности. Мы, учителя, должны каждый принести свою крупицу для рѣшенія проблемы: создать здоровое отношеніе между субъективнымъ самовозвеличивающимъ себя своеволіемъ и объективнымъ порядкомъ, которому приходится налагать границы на единичное лицо, въ противномъ случаѣ совмѣстная жизнь его съ ближнимъ, его внѣдреніе въ человѣческую общину приведетъ къ катастрофѣ. Не забудемъ, что въ большинствѣ случаевъ мужчина будетъ тѣмъ, чѣмъ научился быть мальчикъ. Если онъ въ молодости не научился тонко различать справедливость отъ несправедливости, то тѣмъ менѣе онъ сдѣлаетъ это позже.

О жизни каждаго ученика поэтому, въ школьномъ ли городѣ онъ, или нѣтъ, можно утверждать: положеніе, которое ребенокъ займетъ по отношенію къ своимъ товарищамъ, окажется въ значительной мѣрѣ основнымъ для его позднѣйшихъ отношеній къ обществу согражданъ и къ государству. Въ борьбѣ, которую мы ведемъ въ школѣ противъ равнодушія, вѣщающаго: мнѣ дѣла нѣтъ, что дѣлаетъ и не дѣлаетъ мой сосѣдъ, онъ узнаетъ и научается нести ответственность, которую и общество взрослыхъ принуждено возлагать на своихъ сочленовъ. Слѣдовательно, отношеніе мужчинъ къ праву, закону и властямъ въ значительной степени опредѣляется свойствомъ его прежнихъ отношеній къ классной общинѣ и къ учителю, прежнимъ представителямъ авторитета.

Будемте работать, чтобы наши классы, становились солидарными общественными единицами, чтобы из школы нашей произрастали плоды на пользу и благо всего народа. Постараемся быть авторитетами для наших учениковъ не только въ областяхъ знанія, но и дать имъ образцовой постановкой школьной жизни—картину идеального правопорядка! „Какое право гордиться имѣла бы школа, если когда-нибудь выдающийся социальный работникъ могъ бы сказать, что толчекъ къ тому, что ему удалось осуществить, онъ получилъ въ школѣ“¹⁾.

Мы оказываемъ обществу очень большую услугу, дѣйствуя сообразно съ этимъ убѣжденіемъ.

Если затѣмъ въ продолженіе многихъ лѣтъ будутъ обсуждаться съ вышеприведенныхъ точекъ зрѣнія всѣ событія школьной жизни, то мы сдѣлали самое необходимое, чтобы пробудить и усилить въ ребенкѣ сознание своей совѣсти. Конечно, тутъ не можетъ идти рѣчь о чемъ-нибудь готовомъ, а только о томъ, чтобы (въ союзѣ съ семьей) положить начала, заложить основы.

Для родины и съ точки зрѣнія хозяйственного развитія не можетъ быть безразлично, воспитаны ли ея сыны къ самостоятельности. Если мы въ школѣ будемъ упражнять ихъ въ умѣнии самостоятельно разсуждать и дѣйствовать, и сдѣлаемъ изъ нихъ путемъ самоуправленія активную партію, тогда они получаютъ подготовку къ дальнѣйшей жизни, которая въ будущемъ предъявитъ большія требованія къ ихъ самопомощи, къ ихъ независимости и инициативѣ.

4. Возраженія и условія.

Дѣлается возраженіе, что допускающій самоуправленіе учениковъ, теряетъ свой авторитетъ. Понятно, нельзя отрицать, что свобода можетъ выродиться въ раз-

¹⁾ Messmer: A. a. O. II, 2. S. 634.

нужданность. Конечно, вводящій самоуправленіе изъ удобства или потому, что его ученики не питаютъ достаточнаго уваженія къ нему и къ установленному имъ порядку, не возрадуется. Вожжи выскользнутъ изъ его рукъ, и принадлежавшее ему перейдетъ къ менѣе зрѣлымъ, менѣе отвѣтственнымъ дѣтямъ. Тогда, быть можетъ, и произойдетъ, какъ въ „Hintertobel“¹⁾: ученическая республика вырождается въ анархію. Если учитель правильно проведетъ самоуправленіе, то, напротивъ, сила его вліянія растетъ. Школьный порядокъ приобретаетъ тогда объективный, независимый отъ его личности характеръ. Учителю меньше придется играть роль надсмотрщика; многія мелочи полицейскаго свойства, дѣлавшія ему работу его порой ненавистною, отнимаются отъ него и переносятся на учениковъ. Неужели при такихъ условіяхъ дѣятельности не увеличится удовольствіе, вытекающее изъ его работы, неужели не падетъ иная преграда между нимъ и сердцемъ ученика въ пользу болѣе благороднаго общенія ихъ? Неужели учитель не будетъ тогда тѣмъ болѣе имѣть возможность отдаться исполненію своихъ высшихъ обязанностей и въ истинномъ смыслѣ быть и оставаться душою цѣлаго? Нельзя забывать, что и при самоуправленіи помощь и умѣлое руководство учителя играютъ важнѣйшую роль.

Не тѣмъ создаемъ мы себѣ авторитетъ, что мы все регулируемъ и заботливо устраиваемъ. Внушаемое нами уваженіе менѣе всего зависитъ отъ внѣшностей: оно обусловлено внутреннимъ нашимъ превосходствомъ. Чтобы внушать къ себѣ уваженіе, не требуется мускульная сила или высокая ростъ, или раскатистый голосъ командира, а силы духа и воли, послѣдовательность въ дѣйствіи, расположеніе и сочувствіе. Уже выше было подчеркнуто, что свободы могутъ быть дарованы только при томъ условіи, если отно-

¹⁾ Schrag: A. a. O. S. 20.

шеніе между учениками и учителями нормальное, когда оно основывается на любви, довѣріи и уваженіи. Дѣти должны извѣстнымъ уваженіемъ къ учителю сдерживаться въ границахъ. Поэтому особенно молодые учителя должны дѣйствовать крайне осторожно. Прежде авторитетъ, потомъ дружба; сначала послушаніе, потомъ свобода; сначала быть сдержаннымъ, затѣмъ уже сближаться съ ученикомъ.

Правильно поставленная дисциплина должна соединить двѣ, повидимому, противоположности. Она должна, какъ это прекрасно выясняетъ Ферстеръ, съ одной стороны воспитывать къ послушанію требованіемъ порядка, а съ другой стороны считаться и съ самолюбіемъ ребенка и его потребностью въ свободѣ.

Гдѣ рядомъ уживаются послушаніе и свобода, тамъ есть и сила и дисциплина, тамъ возможно правильное воспитаніе. Мы всегда увидимъ, что сильныя натуры какъ разъ тѣмъ проявляютъ авторитетъ, что онѣ устанавливаютъ нѣкоторые основные принципы, которые безусловно должны исполняться, въ второстепенныхъ вопросахъ они даютъ свободу, руководствуясь прекрасной пословицей: „Willst du was gelten, so mach dich selten“. Педантамъ же, которымъ нужна мелочь ради мелочи, законъ ради закона и препоны, гдѣ нѣтъ къ тому абсолютной надобности, никогда не удастся воспитать къ свободному повиновенію.

Если здѣсь ратуютъ за болѣе свободное школьное воспитаніе, то этимъ самымъ вовсе не желаютъ умалить значеніе повелѣній и запрещеній. Безъ таковыхъ никто не обойдется, такъ какъ несомнѣнно строгій законъ включаетъ въ себя предупреждающую силу, подъ охраною которой многія личности успѣшнѣе развиваются, чѣмъ на свободѣ.

Можетъ быть, муштровка и является болѣе легкимъ способомъ управленія. Безъ сомнѣнія, принужденіе въ

концѣ концовъ съ своей жестокостью и неумолимостью лучше, чѣмъ безпорядокъ. Не слѣдуетъ только при этомъ забывать, что безсердечная, желѣзная дисциплина легко ведетъ къ подхалимству, и, когда подвернется случай, за нее воздають сторицею. Она можетъ подкупить зрителя, но сама по себѣ носитъ внѣшній характеръ, имѣя въ виду больше данный моментъ, а не будущее. Школа поэтому не должна допускать у себя вошедшую въ поговорку команду казарменную, которая не терпитъ собственной воли и подавляетъ въ зародышѣ всякое противорѣчіе. Цѣль школы болѣе возвышенная: она стремится воспитать людей къ самостоятельности, а это возможно только тогда, когда она поддерживаетъ свободное, сердечное, дружеское общеніе. Правда тогда уже не покажешь знаменитой выправки. Однако, что выдержка и свобода легко совмѣстимы, я показалъ, какъ мнѣ кажется, въ отдѣлѣ „самообладаніе“. Главное дѣло не въ томъ, чтобы посѣтители нашей школы безраздѣльно хвалили нашу постановку дисциплины, а въ томъ, чтобы мы выпускали въ жизнь дисциплинированныхъ людей.

Затѣмъ самоуправленіе отнюдь не должно проявляться какъ средство, безусловно устанавливающее идеальное отношеніе между воспитателемъ и питомцемъ. Я не желаю бы также вызвать впечатлѣнія, какъ будто хорошо направляемый классный духъ можетъ служить достаточно твердой или даже безусловно надежной оградой для негодяевъ. Школьные демократіи конечно далеко не идеальны (а развѣ идеальны демократіи взрослыхъ?). Онѣ могутъ не оправдать нашихъ ожиданій и возбудить въ насъ сомнѣнія въ цѣнности нашего вліянія, какъ и всякое другое средство. Съ другой стороны приходится подчеркнуть, что какъ разъ тѣ сильныя импульсивныя натуры, легко дѣлающіяся подъ вліяніемъ одного принужденія предводителями противъ всякаго порядка и закона,—что онѣ благодаря этому средству превращаются по большей

части въ охранителей права. Если раньше ихъ мужество, сознание, силы, выходы проявлялись противъ дисциплины и начальства, то, начавъ служить социальному организму, они обыкновенно выказываютъ плодотворную дѣятельность въ духѣ добраго порядка.

Этотъ трудъ, слѣдовательно, вовсе не желаетъ вызвать представленія, будто школьный городъ безусловно долженъ принести плоды, представленные лишь возможными. Онъ лишь инструментъ, который можетъ воспроизвести хорошее въ зависимости отъ руки, въ которой онъ находится: конечно, и къ нему относится и къ ней: „что рождено съ когтями, то не дастъ превратить себя путемъ воспитанія въ кроткое копытное животное“. Эту простую истину понимаютъ лишь немногіе. Изъ прирожденного эгоиста за цѣлую жизнь не сдѣлать альтруиста, изъ упрямаго—сговорчиваго, изъ гнѣвливаго—кроткаго,— за цѣлую жизнь не сдѣлать... Достигнуть, по моему мнѣнію, можно только того, чтобы питомецъ научился владѣть до нѣкоторой степени своими дурными наклонностями и страстями, чтобы онъ признавалъ ихъ неприглядность и чтобы онъ путемъ опыта научился вѣрить въ то счастье, которое сопровождаетъ чистые помыслы и дѣйствія¹⁾.

Грозятъ и другія опасности. Слѣдуетъ остерегаться шаблонно устраивать школьную общину по аналогіи съ государствомъ. Аналогія эта должна существовать постольку, поскольку естественно вытекаетъ изъ жизни молодыхъ людей въ классахъ. Важно не столько дать ученикамъ картину настоящаго государства, сколько запечатлѣть въ ихъ сердцахъ образъ общины, какъ она должна быть, когда они вступятъ въ жизнь.

Если переусердствовать, то легко можетъ случиться, что распisanіе составитъ затрудненія, особенно на вто-

рой ступени народной школы. Мнѣ, при моей постановкѣ, довольно было 1—1½ часовъ въ мѣсяцъ. На счетъ какихъ же предметовъ можно развивать эту классную общую жизнь? На первой ступени—вопросъ легко рѣшается: тамъ уроки морали могутъ быть использованы для этой цѣли. Коллеги второй школы, сообщавшіе мнѣ объ аналогичныхъ опытахъ, употребляли на это иногда по полчаса исторіи и чистописанія для этой цѣли.

Возражаютъ также, что всевозможныя, вредныя второстепенныя вліянія, какъ честолюбіе, ябедничество, насилие и т. п., могутъ уменьшить добрыя вліянія самоуправленія. Ничего подобнаго, я по правдѣ сказать, не замѣчалъ. Все же Dr. Messmer¹⁾ съ полнымъ правомъ подчеркиваетъ въ своей педагогикѣ, что такія устройства отнюдь не должны быть созданы только для новыхъ педагогическихъ промаховъ.

Теперь я хочу еще назвать нѣсколько условий, отъ которыхъ существенно зависитъ успѣшная постановка дисциплины.

Чѣмъ послѣдовательнѣе образованіе характера поставлено будетъ въ центръ всего преподаванія, тѣмъ прочнѣе окажутся плоды нашей воспитательной работы. Какая сила исходитъ для дисциплины отъ общаго преподаванія, лучше всего ощущаютъ замѣщающіе другихъ преподавателей въ чужихъ классахъ; положеніе ихъ куда затруднительнѣе, чѣмъ въ собственномъ классѣ, такъ какъ у нихъ вышеупомянутой силы—то и нѣтъ. Особенно уроки Закона Божьяго и уроки морали должны оплодотворить наши воспитательныя мѣропріятія и дать нашимъ словамъ настоящую силу.

Изъ другихъ предметовъ лучше всего языкъ и исторія пригодны для того, чтобы служить руководящими линіями для желаній и поступковъ ученика, поддержать и укрѣпить привычку къ справедливости. Мы читаемъ,

¹⁾ Otto Ernst: „Des Kindes Freiheit u. Freude.“ Seite 8 и 9.

¹⁾ Messmer: A. a. O. II, 1, S. 253.

напримѣръ, объ И. И. Зульцерѣ, создавшемъ въ Винтертурѣ машинную промышленность, о Даниилѣ Рихардѣ, первомъ часовомъ мастерѣ въ Юрѣ, мы рассказываемъ о Цеппелинѣ, Франклинѣ, Вашингтонѣ и т. д. Покажемъ, какъ эти люди всю жизнь работали надъ собою, какъ они уже въ молодыхъ годахъ закаляли свои силы! Неутомимое прилежаніе съ одной стороны, самообладаніе и самоотверженность съ другой дали имъ возможность преодолѣть встрѣчавшіяся затрудненія. Такимъ путемъ они стали настоящими мужчинами, отъ которыхъ всѣ мы можемъ учиться. Если такія личности являются болѣе образцами, когда надо поднять личную силу и содѣйствовать успѣху отдѣльнаго индивидуума, то другіе жизнію своею могутъ показать, какъ надо служить обществу. Такія лица должны служить примѣромъ и для нашей небольшой классной общины!

Въ дальнѣйшемъ воспитательный успѣхъ зависитъ отъ того, чтобы молодежь годами находилась подъ единообразнымъ руководствомъ. Послѣ долгаго срока научается она понимать наши старанія, только тогда могутъ образоваться добрыя привычки, и посѣянное нами сѣмя дать надежные плоды.

На самоуправленіе учениковъ нельзя смотрѣть, какъ на универсальное средство, но и ремесленнически имъ пользоваться нельзя. Полагаю, что то время, когда все ждали отъ системы, лежитъ за нами. Если уже въ области преподаванія на ряду съ методомъ должно отдаться и личнымъ свойствамъ учителя, то это еще въ большей степени должно дѣлаться въ дѣлѣ воспитанія. Иной въ силу своей личности, по какому-то внутреннему безсознательному влеченію, безъ всякаго школьнаго города достигнетъ тѣхъ же результатовъ. Тѣмъ прекраснѣе въ такомъ случаѣ! Вѣдь не внѣшняя форма, а духъ, конечно, оживляетъ. Пока у насъ будутъ различныя по своимъ природнымъ качествамъ учителя,

до тѣхъ поръ то, что у одного имѣеть успѣхъ, потерпитъ фiasco у другаго. Одно и то же не для всѣхъ. Одинъ умѣетъ использовать настроеніе и работать интуитивно, другой строгій приверженецъ методики; этотъ имѣетъ живой темпераментъ, тотъ дѣйствуетъ своимъ спокойствіемъ; тутъ приходится работать въ деревенскихъ, почти патріархальныхъ условіяхъ, тамъ работаютъ надъ свѣтской столичной молодежью; учитель въ годахъ старается, быть можетъ, достигнуть своей цѣли добротою и снисходительностью, болѣе молодой прибѣгаетъ къ справедливой, но неуклонной строгости. Кромѣ того, мѣры, примѣнявшіяся мною на моей ступени, на высшихъ окажутся лишь отчасти пригодными.

Какъ, слѣдовательно, самоуправленіе должно сложиться въ каждомъ данномъ случаѣ, всегда зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Въ концѣ концовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ руководящихъ линій, все остальное всякій долженъ самостоятельно выработать. Кромѣ побужденій, эта работа не хочетъ и не можетъ ничего дать: она указываетъ одинъ изъ путей, ведущихъ къ цѣли. Пусть каждый ищетъ наиболѣе подходящій къ обстоятельствамъ и своей личности. Какъ каждый изъ 25 кантоновъ, въ качествѣ особой государственной единицы съ законными особенностями, умѣетъ приспособиться къ общей идеѣ свободного федеральнаго государства, такъ можетъ видоизмѣняться самоуправленіе.

Важно, чтобы самъ воспитатель былъ дисциплинированнымъ человекомъ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ только я попробовалъ воспитывать путемъ самовоспитанія, мнѣ сразу стало ясно, что я прежде всего долженъ справиться съ нѣкоторыми собственными ошибками. Я убѣдился, какую существенную роль, напримѣръ, играетъ еще и у большихъ дѣтей подражаніе. Вотъ маленький примѣръ: желая беречь свой голосъ я при гимнастикѣ, считая ударяя палкою объ полъ. Оба мои помощника изъ уче-

никовъ, конечно, могли командовать только вооруженные палкою. И при назначеніи наказаній ученики копировали меня до такихъ мелочей, что я былъ изумленъ. Такія наблюденія заставили меня задуматься и убѣдили меня въ необходимости собственнаго самовоспитанія. „Все, чѣмъ ты желаешь, чтобы были твои дѣти, будь ты имъ!“ „Чѣмъ ты самъ не въ состояніи быть, того не ожидай и отъ твоихъ питомцевъ!“¹⁾ Кто дисциплину имѣетъ только въ силу своей должности, тотъ этого не заслуживаетъ. Превосходство во всѣхъ областяхъ,—вотъ что прежде всего должно доставить учителю уваженіе. Совершенными вѣдь мы никогда не становимся. Мы не должны также изображать себя непогрѣшимыми; уже стремленіе къ совершенству, уже наша серьезная борьба за самообладаніе, производитъ благотворное вліяніе на молодежь, можетъ быть даже самое прочное, какое мы вообще можемъ оказать.

Идеи самовоспитанія и самоуправления могутъ, слѣдовательно, только тогда оказывать полное свое вліяніе, когда мы ихъ примѣнимъ на самихъ себя. Косвенное воспитаніе, исходящее отъ нашего примѣра, оказываетъ больше вліянія, чѣмъ всякое увѣщаніе. Если ученикъ увидитъ, что мы сами держимся опредѣленныхъ принциповъ, онъ легче повинуется. Нашъ примѣръ долженъ являть, что и мы придерживаемся расписанія уроковъ и звонка, какъ и онъ. Воспитанники не должны имѣть никогда ни малѣйшаго ощущенія: порядокъ, мораль существуетъ только для насъ, а взрослые могутъ и не стѣсняться! Если мы склонимся передъ порядкомъ, который созданъ для подчиненныхъ, то для послѣднихъ въ этомъ лежитъ сильное побужденіе для исполненія этого порядка. Мы должны собственною жизнью показать, что свобода—самостоятельное даваніе законовъ. У насъ, взрослыхъ,

¹⁾ Lotzky: A. и O. S. 44.

вѣдь также: кто намъ даетъ приказанія и наставленія, самъ же ихъ не примѣняетъ въ своей жизни, того мы не цѣнимъ. Мы боимся его, можетъ быть, но за спиною показываемъ ему длинный носъ.

О которыхъ учителяхъ вспоминаемъ мы съ благодарностью? Объ учителяхъ, еще теперь своимъ свѣтлымъ примѣромъ строгаго исполненія долга и преданности вліяющихъ на наши дѣйствія. Это они имѣли свою долю вліянія на выборъ нашей специальности. Провѣримъ: когда въ нашей внутренней жизни могли мы отмѣтить процессъ? Когда поднимались мы на болѣе высокую ступень нравственной силы? Когда намъ на пути попадались благородные мужчины и женщины, на шагъ ближе стоявшіе къ идеалу, витающему передъ нами, носящіе въ себѣ что-либо великое, что насъ можетъ воодушевить.

Больше, чѣмъ всякая методика, чѣмъ прекрасные школьные дворцы, значеніе имѣетъ учитель. Его личность, сила его характера обусловливаютъ воспитательный успѣхъ школьной работы. Если мы желаемъ воспитывать, мы должны стоять выше ребенка; мы можемъ ее поднять только на ту ступень, которую сами занимаемъ.

Въ специальныхъ органахъ и совѣтахъ раздается въ тысячахъ варіацій: воспитаніе главное дѣло! Этому разумѣнію не соотвѣтствуютъ наши дѣйствія. Кто на себѣ не испыталъ, что всѣ его добрыя намѣренія очутились въ грязи? То мы поддаемся минутнымъ капризамъ, то страстно вспыхиваемъ, предпочитаемъ остроумнаго — медленно думающему, богатаго — бѣдному, провинившемуся вѣчно напоминаемъ его промахи. Да постоянство¹⁾, ты ключъ всякаго плодотворнаго воспитанія! Никогда воспитанники не довѣрятся руководству такого лица, которое всякое неудовольствіе выражаетъ въ оплеухѣ, или которое сегодня безъ конца lamentируетъ надъ тѣмъ,

¹⁾ Въ оригиналѣ Konsequenz

что вчера вызвало въ немъ лишь улыбку. Они повѣрятъ силѣ своего воспитателя, если они рабы его нервовъ. Поэтому сдерживайся въ гнѣвѣ: ученики наблюдаютъ за тобой! Если ты черезъ сутки оглянешься, ты самъ удивишься, какая мелочь тебя волновала. Опытъ выше простаго изученія! Какъ разъ учителямъ, которымъ хорошо воспитанные люди важнѣе такихъ, которые много знаютъ, особенно можно рекомендовать опытъ съ самоуправленіемъ. Оставимъ противниковъ и сомнѣвающихся. Каждая идея, ждавшая своего осуществленія, находила ихъ. Какъ громили въ свое время ручной трудъ. Теперь онъ вызываетъ теплое сочувствіе. Какъ критически совѣмъ еще недавно обсуждали свободное сочиненіе! Хорошіе результаты и ему повсюду открываютъ двери. Такъ и о пригодности и непригодности самоуправления въ концѣ концовъ рѣшаютъ не разсужденія и дебаты, а только дѣйствительно произведенные опыты. Изъ многихъ опытовъ тогда со временемъ само собою останется, то, что будетъ имѣть всеобщую цѣнность и постоянное значеніе.

Перевелъ О. А. Гартигъ.

II.

„Насколько можно улучшить и обновить отношенія между школой и учениками, предложенной д—ромъ Ферстеромъ реформою школьнаго духа?“

Докладчикъ: докторъ Штейнеке, директоръ городской реальной гимназіи въ Эссенѣ (Рурѣ).

Второй докладчикъ: профессоръ докторъ Зибургъ, директоръ королевской гимназіи въ Эссенѣ.

ДОКЛАДЪ.

Тема разрабатывалась слѣдующими учебными заведеніями:

1) Реальное училище и реформенная гимназія въ Аахенѣ; докладъ преподавателя Юнкера и примѣчанія къ нему директора.

2) Реальное училище въ Барменѣ; докладъ преподавателя Шорре съ положеніями и протоколомъ обсужденія въ педагогическомъ совѣтѣ.

3) Городская гимназія въ Эссенѣ; докладъ преподавателя Анера и докладъ директора съ добавленіемъ положеній, принятыхъ въ этомъ учебномъ заведеніи.

4) Реальное училище въ Эссенѣ; докладъ преподавателя Шолтена съ положеніями.

5) Реальная гимназія въ Эссенѣ; докладъ преподавателя Фингера съ положеніями.

6) Гимназія въ Крейцнахѣ; докладъ преподавателя Рюбманна съ добавленіемъ положеній, и положеній, измѣненныхъ педагогическимъ совѣтомъ.

7) Гимназія въ Мюльгеймѣ; докладъ преподавателя Людвигъ съ добавленіемъ преній въ педагогическомъ совѣтѣ.

8) Гимназія въ Заарбрюкенѣ; докладъ преподавателя Дрейлинга и профессора Барнера съ добавленіемъ положеній и преній въ педагогическомъ совѣтѣ.

Кромѣ того, доклады о самоуправленіи поступили отъ слѣдующихъ учебныхъ заведеній:

9) Реальное училище въ Аахенѣ; директоръ ванъ—Гаагъ.

10) Гимназія въ Барменѣ; директоръ Дапприхъ.

11) Королевская гимназія въ Боннѣ; директоръ Геннигесъ.

12) Городская гимназія въ Боннѣ; директоръ Нипманъ, приложенъ докладъ проф. Брандта.

13) Гимназія въ Бошпардѣ; директоръ Клааръ.

14) Реальная гимназія въ Крефельдѣ, директоръ Швабе.

15) Реальное училище въ Крефельдѣ; директоръ Боль.

16) Королевская гимназія въ Дюссельдорфѣ; директоръ Крамеръ; приложенъ рефератъ Крамера.

17) Королевская реальная гимназія въ Элберфельдѣ; директоръ Испертъ.

18) Гимназія въ Эммерихѣ, директоръ Франке.

19) Гимназія въ Крейцнахѣ, директоръ Лутчъ; приложенъ докладъ преп. Рюбмана.

20) Гимназія въ Линдѣ, директоръ Бааръ; докладъ преподавателя фонъ-Лаака.

21) Гимназія Гладбахъ, директоръ Зибургъ.

22) Гимназія въ Трарбахѣ, директоръ Фишеръ.

23) Гимназія въ Ветцларѣ, директоръ Цезаръ.

Далеко не ново, что средняя школа и ея методы служатъ предметомъ общаго обсужденія. Во всѣхъ ежедневныхъ газетахъ и научныхъ журналахъ за послѣднее десятилѣтіе встрѣчаемъ мы длинныя и короткія, серьезныя и ироническія, дѣльныя и поверхностныя статьи, касающіяся нашихъ учебныхъ заведеній, въ особенности же средней школы. И хотя авторы большинства статей относятся къ средней школѣ далеко не благосклонно, мы, воспитатели и учителя, должны радоваться, что на среднюю школу обращено общее вниманіе, такъ какъ оно показываетъ намъ, съ какимъ участіемъ наши современники слѣдятъ за школьной жизнью. И намъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать этимъ проявленіемъ общественнаго мнѣнія. Мы не должны говорить: „Недовольство царитъ нынче повсюду, недовольны не только школою, но и другими учрежденіями“, или утѣшать себя тѣмъ, что большинство авторовъ мало знакомы съ постановкою у насъ школьнаго дѣла. Въ послѣднемъ случаѣ школа раздѣляетъ участь нашей арміи. Каждый учившійся въ школѣ и отбывшій воинскую повинность въ арміи считаетъ своимъ правомъ критиковать ихъ. Критики забываютъ только одно: съ тѣхъ поръ, какъ они окончили школу и отслужили свой срокъ въ арміи, прошло много лѣтъ, во время которыхъ сильно измѣнились и, вѣроятно, улучшились условія службы въ арміи и ученія въ школѣ. И утвержденіе, что мы, учителя, въ школьной неурядицѣ виноваты не больше другихъ, также не должно удерживать насъ отъ серьезнаго изслѣдованія положенія дѣла. Если мы, съ нѣкоторымъ правомъ, отнесемъ главную вину на счетъ родителей, то, во всякомъ случаѣ, намъ придется взять и на себя порядочную долю, а если вина съ нашей стороны существуетъ, то надо приложить всѣ усилія, чтобы загладить ее. Какъ бы мы эту вину ни уменьшали, фактъ остается налицо: общественное мнѣніе относится къ намъ съ явнымъ недовѣріемъ.

Казалось бы, что такой педагогъ, какъ Ферстеръ, въ полной мѣрѣ знакомъ съ постановкой дѣла въ нашей средней школѣ. И при поверхностномъ ознакомленіи съ книгами Ферстера кажется, что онъ отличается отъ большинства хулителей знаніемъ дѣла. При внимательномъ же разсмотрѣніи его сочиненій сразу видно, что онъ попадаетъ въ ту же ошибку, какъ и большинство писателей по школьному вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, той школы, которую описываетъ Ферстеръ, въ настоящее время въ Пруссіи уже нѣтъ. Безъ похвалы мы можемъ сказать, что за послѣднія двадцать лѣтъ много вдумчивыхъ людей съ широкимъ горизонтомъ честно поработали на пользу нашей школы. Школьное начальство и педагогическія корпораціи часто и охотно старались изслѣдовать и улучшить внутреннюю жизнь школы и дѣлать предложенія, не оставшіяся на бумагѣ, но показавшія, что вѣяніе новаго духа проникло въ нашу школу. Если же мы назовемъ имена главныхъ работниковъ нашей средней школы (Мюнхъ, Маттіасъ, Леманъ и Веймеръ), то этого будетъ достаточно, чтобы увидѣть, что духъ свободы и душевнаго внутренняго пониманія замѣнили въ нашихъ школахъ старую полицейскую систему. Чтобы не быть голословнымъ, я привожу мнѣніе безпристрастнаго свидѣтеля, американки Н. Бриджъ, большого знатока нѣмецкой школы („Popular Edukator“, апрѣль 1909): „Германія — военная монархія, и потому въ нѣмецкихъ школахъ мы ожидали бы найти то, что называемъ суровымъ режимомъ. Но мы находимъ тамъ нѣчто лучшее: въ школахъ Германіи царитъ такая свобода, о которой мы не смѣемъ мечтать въ странѣ, которую называемъ свободною!“

Подобное мнѣніе вполне могло бы насъ, успокоить и не одинъ изъ насъ, вѣроятно, отложилъ въ сторону книгу Ферстера, говоря, что онъ видитъ все въ черномъ свѣтѣ и требуетъ отъ насъ то, что не входитъ въ нашу обя-

занность. Одинъ докладчикъ сказалъ: „Школа не знаетъ жизни, а люди, пишущіе о школѣ, чужды школѣ!“ Въ число этихъ писателей, чуждыхъ школѣ, легко можно было бы зачислить и Ферстера. Все, что онъ говоритъ о лжи, объ испорченности, объ отсутствіи правдивости, объ обращеніи съ учениками, которое унижаетъ ихъ достоинство, и подошло бы къ нашей школѣ въ прежнее время. Правда, и теперь найдутся нѣкоторые учебныя заведенія, къ которымъ можно было бы отнести все сказанное Ферстеромъ, но они сами сдѣлали изъ себя какое-то *refugium peccatorum*¹⁾. Не будемъ утверждать, какъ нѣкоторые, что Ферстеръ совершенно не знаетъ нѣмецкой средней школы и особенно нѣмецкой семьи, но намъ придется сказать, что обвиненія, выставленныя противъ нашей школы, совершенно не выдерживаютъ критики. Это, пожалуй, мнѣніе всѣхъ учителей и руководителей, читавшихъ его книгу. Онъ совершенно вѣрно центромъ воспитанія дѣлаетъ образованіе характера, онъ требуетъ нравственнаго воздѣйствія и сохраняющей дисциплины и ратуетъ за реформу школьных порядковъ, дѣйствуя на самолюбіе ученика болѣе либеральнымъ обращеніемъ съ нимъ и большимъ уваженіемъ къ его особѣ и къ его безсмертной душѣ, предоставляя ему большую свободу при духовномъ и нравственномъ развитіи его.

Все это совершенно вѣрно, но того же самого требуютъ и всѣ наши выдающіеся педагоги.

Мюнхъ, напримѣръ, говоритъ: „Болѣе полное внутреннее освобожденіе учениковъ, больше поощренія, меньше ограниченія, больше дружескаго руководства, меньше недовѣрчиваго отдаленія, больше пониманія молодежи и меньше неподвижности въ оцѣнкахъ, больше добродушнаго юмора, меньше брюзжанья, больше поддержки само-

¹⁾ Убѣжище для грѣшниковъ.

увѣренности и меньше страха, больше вниманія къ индивидуальнымъ особенностямъ учениковъ и меньше шаблона". Какъ видно, новаго намъ Ферстеръ ничего не даетъ. Поэтому сочиненія Ферстера не могутъ создать или положить начало реформы отношеній между учащими и учащимися: рѣчь можетъ идти только о томъ, что Ферстеръ собраніемъ воедино всѣхъ жалобъ на насъ воодушевляетъ насъ продолжать идти по тому пути, по которому мы идемъ уже нѣсколько десятилѣтій. Ферстеръ, значитъ, не указываетъ намъ на что-нибудь совершенно новое, но его книга побуждаетъ насъ къ новому разслѣдованію нашего „я“.

Положеніе 1. „Если Ферстеръ въ своей книгѣ и мало высказываетъ новыхъ мыслей, и его замѣчанія о нашей школѣ въ большинствѣ случаевъ не соответствуютъ дѣйствительности, то все-таки онъ настолько углубляетъ текущіе вопросы школьнаго воспитанія, что серьезная проверка преподавателей является весьма желательною“.

Если мы приступимъ къ этому самоиспытанію и изъ этого попробуемъ вывести слѣдствія для нашего отношенія къ ученикамъ, то намъ съ самаго начала станетъ яснымъ, что мы никогда не достигнемъ идеала. Жалобы на среднюю школу никогда не прекратятся и отчужденіе между школой и учениками, мѣшающее дѣятельности школы и портящее характеръ учениковъ, никогда не превратится въ довѣріе семьи къ школѣ и наоборотъ. Вина отчасти лежитъ на родителяхъ, которые при воспитаніи дѣтей не руководствуются какими-либо принципами, а только ищутъ путей; отчасти виновато и общество, которое предъявляетъ къ средней школѣ все новыя и новыя требованія объ увеличеніи преподаваемыхъ предметовъ. Чему только не должна научить средняя школа! Пропедевтика и биологія, законовѣдѣніе и стенографія и столько новыхъ предметовъ введены вновь; программы по многимъ предметамъ, въ особенности по естественнымъ наукамъ, сильно

расширены; гигиенѣ и физическимъ упражненіямъ отведено гораздо больше времени, а кромѣ того требуютъ, чтобы мы научили своихъ учениковъ, какъ выходить изъ трамвая, что дѣлать при встрѣчѣ съ автомобилемъ и при нахождѣ воздушнаго шара!

Дальнѣйшая и, можетъ быть, самая важная причина въ холодныхъ отношеніяхъ между школой и учениками та, что наши среднія учебныя заведенія „фабрики за извѣстную плату, приготовляющія дипломы“ (Крамеръ). Другими словами: въ нашей средней школѣ находится изрядное число дѣтей не для того, чтобы образоватъ умъ и сердце, но для того, чтобы получить свидѣтельство на вольноопредѣляющагося или какое-нибудь другое. Но, если бы мы и уничтожили эти лежащія въ природѣ вещей причины, то и тогда мы были бы далеки отъ идеала, такъ какъ между нашими мыслями и ихъ осуществленіемъ постоянно лежитъ глубокая пропасть, черезъ которую намъ не перешагнуть.

Каждое учебное заведеніе отстало, должно быть отсталымъ по отношенію къ тому времени, для котораго оно воспитываетъ своихъ учениковъ. „Средняя школа постоянно стоитъ на точкѣ зрѣнія того времени, которое на исходѣ; вполне естественно, что она живетъ во взглядахъ и идеалахъ отцовъ, своихъ основателей“. (Теобальдъ Циглеръ).

Положеніе 2. „Мы никогда не создадимъ идеальной школы, которая удовлетворила бы всѣ требованія, но все-таки мы постоянно должны работать, чтобы на практикѣ приблизиться къ идеалу“.

Наше время движется впередъ гораздо быстрее, чѣмъ когда-нибудь раньше. Населеніе дѣлается все болѣе и болѣе культурнымъ; социальное положеніе всѣхъ слоевъ общества сильно измѣнилось; къ нашей трудоспособности и энергіи предъявляются гораздо большія требованія. И если когда-либо существовало время, требовавшее людей

съ сильными характерами, то это то время, въ которое мы живемъ.

Болѣе, чѣмъ когда-либо мы должны сознавать, что въ наше время одного знанія мало, и что каждый выступающій на арену жизненной борьбы долженъ обладать самодисциплиной и самообладаніемъ. Мы не должны слѣпо слѣдовать за всѣми отечественными и заграничными школьными пророками, такъ какъ очень много среди нихъ лже-пророковъ. Будемъ всегда помнить слова Крамера: „Развитіе самообладанія и свободы внутренней не имѣетъ ничего общаго съ раздутымъ и плохо понятымъ култомъ индивидуальности, какъ его проповѣдуютъ у насъ по примѣру Америки“. Самобытность ученика мы будемъ беречь и охранять, мы будемъ воспитывать личностей, но предоставлять индивидуальности такія права, какъ это учатъ нѣкоторые, передовыя свѣтила, мы не будемъ и не смѣемъ.

Двойное, слѣдовательно, должны мы связать, давать созрѣть хорошему и подавлять зло. Это очень трудно. Ужъ если великій учитель изъ Назарета въ своей притчѣ о плевелахъ и пшеницѣ совѣтовалъ не вырывать плевель, такъ какъ вмѣстѣ съ ними можно вырвать и пшеницу, то намъ тѣмъ болѣе приходится ограничиться сознаніемъ, что мы желали сдѣлать добро, а выработку характера предоставить шумному свѣту. Такъ, мы въ молодежи видимъ гордость и самомнѣніе, упрямство и силу воли. Мы становимся втупикъ и часто не знаемъ, поощрять или подавлять эти душевныя проявленія.

Но слѣдуетъ-ли намъ отказаться отъ исполненія нашихъ воспитательныхъ обязанностей, если мы иногда ошибаемся?

Ни въ коемъ случаѣ! Утѣшаться ли намъ тѣмъ, что вліяніе школы на внутреннюю жизнь учениковъ гораздо меньше, чѣмъ думаютъ многіе педагоги и среди нихъ Ферстеръ? Наоборотъ! Если наше вліяніе на учениковъ

было незначительно, то въ будущемъ оно должно стать болѣе. Если до сихъ поръ мы мало образовывали характеръ, то теперь будемъ больше заботиться о немъ!

Мы должны согласиться съ Ферстеромъ, что всѣ мы слишкомъ много учителя и слишкомъ мало воспитатели, что въ нашей школьной жизни слишкомъ преобладаетъ, по мѣткому выраженію Маттіаса, учебная полиція и что наша средняя школа есть почти исключительно школа ума. Даже самые прилежные и способные изъ нашихъ учениковъ не могутъ ограничиться въ жизни тѣмъ, чему научила ихъ школа, но каждый, какое бы онъ мѣсто или должность ни занялъ, долженъ, уже по окончаніи школы, готовиться къ нему. Никогда еще поговорка „non scholae, sed vitae discimus“, не грѣшила такъ противъ истины, какъ въ наше время. Самое цѣнное, что мы можемъ дать подрастающему поколѣнію, вступающему въ жизнь, не большее или меньшее количество знаній, но выработанный характеръ, твердость въ своихъ убѣжденіяхъ и сила воли. Вооруженный всѣмъ этимъ юноша выдержитъ всякую жизненную борьбу. Не то, что училъ и чему научился ученикъ въ школѣ, но то, что онъ научился работать и выработалъ въ себѣ волю и способность къ дальнѣйшей работѣ, поддержитъ его въ житейскомъ морѣ.

Мы должны выяснитъ себѣ, что мы слишкомъ много дрессируемъ учениковъ и, что такая выучка и дрессировка, въ случаѣ нужды и въ моментъ испытанія, оказываются недостаточными и тотчасъ же отпадаютъ. Въ особенности не можетъ быть предметомъ дрессировки то, что на каждомъ поприщѣ является главнымъ, а именно послушаніе и подчиненіе, безъ которыхъ ни чиновникъ, ни купецъ, ни работникъ не могутъ обойтись, и дисциплина и точность, безъ которыхъ не можетъ существовать техника. Все это должно быть дѣломъ любви, и намъ не слѣдуетъ этотъ трудный учебный матеріалъ пре-

доставлять семьѣ,—а создать изъ нашихъ школъ воспитательныя учрежденія, чтобы ученики, оставляя работу—не страшнулись бы съ себя, какъ рабы, ненавистныхъ оковъ, вступали въ свѣтъ, свободными и сильными волей мужами.

Въ средніе вѣка характеры воспитывались церковью, теперь же эта обязанность перешла къ школѣ, такъ какъ она единственный органъ, черезъ который должны пройти все люди. И особенное вниманіе на воспитаніе характера должна обратить средняя школа, такъ какъ въ ней воспитываются люди, которые въ будущемъ займутъ самыя отвѣтственные должности въ государствѣ. Съ этимъ нашимъ мнѣніемъ согласны все выдающіеся люди нашего времени. Знаніе не есть главное, „единственное, что дѣйствительно необходимо народамъ и отдѣльнымъ людямъ, это—характеръ. Знаніе не можетъ замѣнить характера“. (Рузвельтъ).

Положеніе 3. „Средняя школа слишкомъ односторонне занимается развитіемъ ума; измѣнившіяся въ наше время культурныя и социальныя условія требуютъ, чтобы она не ограничивалась передачею, въ связи съ правами школъ, одного только знанія, но занялась бы гораздо больше, чѣмъ теперь, воспитаніемъ характера“.

Панацея, къ которой совѣтуетъ прибѣгнуть Ферстеръ, чтобы превратить школу ума въ школу характера, заключается въ болѣе глубокомъ этическомъ воздѣйствіи на душу. Онъ хочетъ, чтобы это воздѣйствіе происходило на особыхъ урокахъ этики и путемъ нравственныхъ бесѣдъ съ учениками. Съ большимъ единодушіемъ все педагогической практики высказались противъ этого требованія. Мы не можемъ ввести уроковъ этики прежде всего потому, что у насъ нѣтъ свободнаго времени. У какого же предмета намъ отобрать время, чтобы предоставить его этикѣ? Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что далеко не каждый учитель способенъ вести нравственныя бесѣды съ уче-

никами. Если бы даже первыя два препятствія и отпали, то оставалась бы опасность, что уроки этики превратились бы въ заучиванье правилъ морали. Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть, что учитель на урокахъ этики очень легко можетъ впасть въ противорѣчіе съ объясненіями, даваемыми на урокахъ Закона Божьяго. Въ особенности у насъ, въ Рейнской провинціи, гдѣ въ школахъ учатся ученики двухъ вѣроисповѣданій, подобные уроки этики служили бы причиной постоянныхъ недоразумѣній между преподавателями Закона Божьяго и этики. Вѣдь нельзя забывать, что у обоихъ вѣроисповѣданій на многіе основныя вопросы взгляды совершенно различны. При этомъ намъ совсѣмъ не надо брать такихъ понятій, которыя въ догматахъ обѣихъ церквей толкуются совершенно различно, какъ, напримѣръ, оправданіе и искупленіе. Допустимъ только, что на урокахъ Закона Божьяго и этики обсуждается свобода воли, добродѣтель, высшее благо. Какая путаница должна произойти въ головахъ учениковъ, если то же самое понятіе будетъ имъ выводиться и объясняться то съ точки зрѣнія религіозной или даже конфессіональной, то съ точки зрѣнія историко-философской! Подобно этому, многіе другіе вопросы вызовутъ совершенно различныя объясненія со стороны протестантскихъ и католическихъ законоучителей и преподавателей этики. Предоставимъ же преподавателямъ христіанскихъ вѣроученій объяснять вопросы этики и будемъ остерегаться вводить въ нашу школу, которая многое создала, такъ какъ стояла на почвѣ вѣрующаго христіанства, нехристіанскую этику, яко бы для воспитанія характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не отрицаемъ, что можно было бы многое опустить изъ догматическихъ объясненій и изъ подробностей катехизиса, чтобы найти время для нравственныхъ бесѣдъ.

Но этотъ вопросъ далеко не новъ! Уже 25 лѣтъ тому назадъ Мюнхъ его поднялъ въ своей талантливой

статье о преподавании Закона Божьяго. Если бы законоучители, по его совету, отдавали предпочтении этическому элементу перед догматическимъ, то мы не нуждались бы въ урокахъ этики. И какъ, наконецъ, отнесутся къ такимъ урокамъ этики родители? Религіозная этика имѣетъ за собою авторитетъ многихъ столѣтій и уже потому противъ нея не протестуютъ. Но какъ родители отнесутся къ этикѣ, которую учитель будетъ преподавать по новѣйшимъ философамъ?

Можемъ-ли мы быть увѣрены, что большинство родителей пойдутъ навстрѣчу такимъ урокамъ? Опытные педагоги отрицаютъ это, и, къ сожалѣнію, оказалось, что родители, съ которыми мы имѣемъ дѣло, относятся къ этимъ урокамъ отрицательно и не въ состояніи поддерживать насъ.

Часто не хватаетъ образованія, времени и терпѣнія, а также недостаетъ послѣдовательности и единодушія отца и матери.

Перейдемъ теперь къ случайнымъ нравственнымъ бесѣдамъ.

Даже такой педагогъ, какъ Леманъ, сознается, что эти бесѣды не удавались и не удовлетворяли его. Мы, вѣроятно, поручили бы веденіе этихъ бесѣдъ классному наставнику, такъ какъ отъ него мы могли бы ожидать наибольшаго успѣха. Но найдетъ-ли каждый классный наставникъ въ себѣ достаточно охоты, любви и такта для такихъ трудныхъ объясненій? Если классный наставникъ не будетъ искусственно привлекать вопросы, но будетъ касаться только случаевъ, которые вытекаютъ изъ школьной жизни, напримѣръ, обязанность быть правдивымъ и чистоплотнымъ, и если эти случаи хорошо дидактически разобраны, то они могутъ принести большую пользу. Но вѣдь можетъ быть, что эти уроки превратятся въ выговоры и назидательныя рѣчи, бывшіе въ прежнее время неотъемлемою принадлежностью уроковъ,

да и теперь еще любимые нѣкоторыми учителями, а тѣмъ болѣе учениками, для которыхъ они служатъ пріятнымъ развлеченіемъ во время урока.

Это морализированіе не имѣетъ смысла; мало того, оно можетъ принести много вреда. И если мы начнемъ разбирать примѣры, приводимые Ферстеромъ, то мы должны будемъ сознаться, что часто намъ трудно будетъ скрыть саркастическую улыбку. Большинство педагоговъ, напримѣръ, врядъ-ли одобрятъ его способъ борьбы съ смѣшливостью. Намъ кажется, что Ферстеръ велъ эти бесѣды со слишкомъ большимъ идеализмомъ и со слишкомъ незначительнымъ скептицизмомъ, вынесеннымъ изъ практики и—по отвѣтамъ, ничтоже усомняшеся, вывелъ успѣхъ.

Мы должны остерегаться подобнаго самообмана. Швейцарскій ученый, какъ разъ въ этой области, изъ-за недостатка школьной практики, впадаетъ въ роль ультра-довѣрчиваго учителя, какъ ихъ выводятъ въ школьныхъ драмахъ и романахъ. Мечтатель не смѣетъ быть воспитателемъ. И какъ велика опасность, что бесѣды эти превратятся въ скучныя наставленія! (8). „Постоянно ведущій бесѣды подвергается опасности превратить нравственность изъ само собою разумѣющагося дѣла сердца въ дѣло разума“, (3) и если бесѣды велись съ второклассниками, какъ оно было въ данномъ случаѣ, то надо много такта со стороны преподавателя, чтобы бесѣда не дала какъ разъ противоположнаго тому, что желали. Итакъ бесѣды „по—человѣчески“ съ учениками—это нѣчто хорошо выглядящее издалека, а при близкомъ осмотрѣ оказывающееся непригоднымъ. Кромѣ того, является опасность, что тѣ преподаватели, которымъ не поручено „разговаривать“ съ учениками, совершенно прекратятъ бесѣды съ учениками. Единственный подходящій исходъ, можетъ быть, слѣдующій: классный наставникъ пишетъ на доскѣ какой-нибудь вопросъ изъ этики и оставляетъ его тамъ въ теченіе недѣли. Это былъ бы приблизительно тотъ же

самый способ воздѣйствія, какъ его проводить съ большимъ успѣхомъ старикъ—староста въ „Oberhof“ Иммермана. Дадимъ ученику самому поразмыслить надъ этическимъ вопросомъ и при этомъ поможемъ ему, не впадая въ ошибку законоучителей при преподаваніи катехизиса, гдѣ исходной точкой объясненія бываетъ заповѣдь, а не ребенокъ и его своеобразные взгляды. Гораздо лучше уроковъ этики и нравственныхъ бесѣдъ будетъ, если каждый учитель во время своего урока употребитъ всѣ, свойственные его предмету, силы, чтобы укрѣпить работу ученика въ себѣ самомъ и противъ себя. Даже во время такихъ уроковъ, которые, на первый взглядъ, не имѣютъ ничего общаго съ моралью, можно найти случай поговорить о ней. На урокахъ математики, напримѣръ, можно указать ученикамъ на порядокъ, точныя выраженія, чистоту и т. д.

Не слѣдуетъ, однако, злоупотреблять этими бесѣдами. Слѣдующій, часто приводимый, примѣръ показываетъ, какъ легко при подобныхъ разговорахъ впасть въ ошибку: при разборѣ „die Bürgschaft“ Шиллера бываетъ, что на первый планъ выдвигается значеніе пунктуальности. Точно такъ же, какъ мы не посвящаемъ отдѣльныхъ уроковъ развитію любви къ отечеству и національнаго чувства, на которыя Ферстеръ, впрочемъ, обращаетъ мало вниманія, такъ мы не будемъ посвящать уроковъ этикѣ, ибо какъ все наше преподаваніе проникнуто любовью къ отечеству и національнымъ чувствомъ, такъ оно должно быть проникнуто и нравственностью. И не слѣдуетъ начинать со старшихъ классовъ! Вѣдь проводятъ же дифференціальныя принципы въ математикѣ съ младшихъ классовъ, не изучая дифференціального исчисленія, точно также мы на протяженіи всего учебнаго курса можемъ проводить принципы этики безъ постоянныхъ разглагольствованій объ этикѣ и морали.

Положеніе 4. „Но это также не зависитъ отъ

введенія уроковъ этики и нравственныхъ бесѣдъ, какъ и любовь къ отечеству—отъ особаго обученія, но отъ того, что весь преподаваемый въ школѣ матеріалъ этически проникнутъ и использованъ на то, чтобы укрѣпить ученика въ работѣ надъ собой“.

Если это произойдетъ, то у насъ исчезнутъ остатки столь поносимой старой „палочной“ педагогики. Учитель долженъ владѣть самимъ собою, если онъ хочетъ воспитывать учениковъ. Въ этомъ пунктѣ Ферстеръ, можетъ быть, болѣе всего правъ, что учителя должны больше работать надъ самими собою, чтобы улучшить свои отношенія къ ученикамъ. Уже съ древнѣйшихъ временъ воспитатель слыветъ за человѣка, которому присвоено исключительное право тѣлесно наказывать вѣранныхъ ему дѣтей, между тѣмъ какъ самъ онъ часто не въ состояніи владѣть собою и нравственно вліять на другихъ. Мнѣнія о томъ, слѣдуетъ ли совершенно изгнать тѣлесное наказаніе изъ школы, очень различны; очень много добросердечныхъ педагоговъ поступаютъ согласно Ветхому Завету: кто любитъ своего ребенка, тотъ наказываетъ его.

Если дѣти съ малыхъ лѣтъ будутъ знать, что ихъ не смѣютъ бить, то можно ожидать съ ихъ стороны грубыхъ и дикихъ поступковъ. Средство, остающееся въ такихъ случаяхъ у школы, это исключеніе изъ учебнаго заведенія; но не наказываемъ-ли мы при этомъ больше родителей, чѣмъ ученика? Значитъ, для проступковъ, носящихъ грубый и злостный характеръ, самымъ лучшимъ наказаніемъ будетъ, какъ и раньше, тѣлесное. Нельзя совершенно уничтожить тѣлесное наказаніе. Но благоразумные педагоги, вѣроятно, согласятся, что мы должны низвести тѣлесныя наказанія до minimum'a уже изъ одного чувства собственнаго достоинства. Если бы попробовать видѣть въ дѣтяхъ съ ранняго ихъ возраста, до нѣкоторой степени, равноправныхъ людей, то легко

было бы убѣдиться, что кротостью и добротою гораздо легче можно развить зародыши благородныхъ чувствъ, чѣмъ строгостью и суровостью.

Вопросъ, назначаются ли наказанія для устрашенія или для улучшенія, и у юристовъ еще не выясненъ и, вѣроятно, не выяснится никогда. Одно не подлежитъ сомнѣнью, что наказаніе должно стоять въ связи съ проступкомъ, и что оно должно носить характеръ раскаянья и искупленія, скорѣе даже лѣкарства. Можно установить, что наказанія и угрозы довольно хорошія средства для достиженія дисциплины, но мы достигнемъ того же, если будемъ поощрять труды учениковъ и отнесемъ къ нимъ съ отеческимъ довѣріемъ. „Высшая обязанность—это довѣріе, и самое дѣйствительное воспитательное средство—любовь“, говоритъ уже Полакъ. Но мы слишкомъ много еще работаемъ принудительными мѣрами, угрозами, наказаніемъ, хотя столько разъ убѣждались, что полицейскими мѣрами душевныя силы не одного ученика обращаются на безплодный путь пассивнаго сопротивленія и озлобленія (6). Но мы вовсе не хотимъ ослабить школьную дисциплину большимъ довѣріемъ, которое мы оказываемъ ученику. Мы хотимъ только дать ей новыя основы. Только если преподаватель пользуется авторитетомъ у учениковъ, то этимъ довѣріемъ онъ можетъ сдѣлать много добра. Часто высказывалось опасеніе, что при исполненіи совѣтовъ Ферстера пострадаетъ не только школьная дисциплина, но и понизится уровень знаній учениковъ. „Если мѣсто прежняго суроваго шультейстерства при воспитаніи займетъ болѣе мягкій режимъ, то ученики станутъ еще поверхностнѣе и самонадѣяннѣе, они еще легкомысленнѣе будутъ относиться къ своимъ обязанностямъ, чѣмъ раньше, если только не проявится во всей своей силѣ душевнаго развитія для возстановленія равновѣсія, вѣрнѣе, для доставленія перевѣса добровольнымъ повиновеніемъ!“ „Мы должны помнить,

что намъ надо воспитать въ нашихъ ученикахъ не только твердый характеръ, но также сдѣлать изъ нихъ способныхъ мыслить и вооруженныхъ знаніемъ людей“. Можно противопоставить преувеличенному настоянью Ферстера о воспитаніи воли обратное предупрежденіе: „Горе твердо выраженной волѣ безъ духовнаго содержанія!“ Само собою разумѣется, что научныя требованія, предъявляемыя къ ученикамъ, не должны быть уменьшаемы изъ-за измѣненія личныхъ отношеній между учителемъ и учениками; наоборотъ, измѣненіе это должно послужить улучшенію ученическихъ работъ, а главное тому, чтобы эти работы были честно исполненными. вмѣстѣ съ тѣмъ мы подошли къ большому мѣсту, къ самой страшной извѣ нашихъ учебныхъ заведеній, къ школьной лжи. Мы должны согласиться, что Ферстеръ говоритъ здѣсь прекраснѣйшія слова увѣщанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы подчеркнемъ, что именно здѣсь Ферстеръ болѣе всего преувеличиваетъ, почти борется съ вѣтренными мельницами. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ дѣло, можетъ быть, и обстоитъ такъ плохо, что Ферстеръ даетъ намъ, по большей части, вѣрную картину, но большинство школъ въ дѣйствительности гораздо лучше того мнѣнія, какое себѣ о нихъ составилъ Ферстеръ. Часто разныя описанія лжи и обмана, рассказываемыхъ учениками и взрослыми изъ своихъ школьныхъ воспоминаній, оказываются результатомъ особаго рода хвастовства, и при разсмотрѣніи получается довольно безобидное происшествіе.

Несмотря на это, мы, учителя приложимъ всѣ усилія, проверимъ себя и постараемся устранить могущіе быть недостатки. Не слѣдуетъ однако забывать, что Іегеръ, Маттіасъ и другіе нѣмецкіе педагоги сказали намъ золотыя слова о школьной лжи и ея изгнаніи, которыя не остались безъ результата. Мы уже давно знаемъ, что высоко развитое чувство чести служить фундаментомъ правдивости, и что поэтому мы всячески должны раз-

вивать это чувство. Мы знаемъ, что мало развитые ученики гораздо больше насъ, взрослыхъ, склонны къ обратившейся въ привычку лжи, и поэтому мы должны подкрѣплять учениковъ къ борьбѣ со всѣми худыми привычками и наклонностями, въ особенности съ ложью. Все это мы не только знаемъ, но и поступаемъ согласно этому.

Въ особенности при обсужденіи „героической лжи“, швейцарскому педагогу, какъ кажется, опять недостаетъ школьной практики, т. е. каждый кандидатъ на должность учителя знаетъ, что онъ не долженъ допускать до героической лжи. Если же исчезнетъ ложь, то исчезнутъ необходимыя ей послѣдствія—наказанія.

И отношенія между учителемъ и учениками, между школой и семьей улучшатся; въ особенности, если учитель будетъ посѣщать родительскія собранія, или вообще тѣмъ или инымъ путемъ сближаться съ родителями, и родители съ своей стороны будутъ помогать учителю. Тогда родители убѣдятся, что строгость учителя не есть несправедливость, что, наоборотъ, „много безсердечія въ сожалѣніи и много caritas (любви)—въ строгости“. Они замѣчаютъ, что дикое дерево не приноситъ хорошихъ плодовъ, что характеръ развивается только черезъ препятствія, и что только черезъ послушаніе человѣкъ научается возвышенію надъ своимъ естественнымъ волевымъ стремленіемъ, которое въ противномъ случаѣ всю жизнь держало-бы человѣка въ своихъ когтяхъ. Родители, раньше жаловавшіеся на то, что ихъ ласковый, нѣжный мальчикъ постепенно дѣлается жестче, замѣчаютъ теперь, что интеллигентность не можетъ жить въ изнѣженномъ человѣкѣ, и отдаютъ преимущество развивающейся въ юношѣ „молчаливой возмужалости“.

Положеніе 5. „Учитель долженъ, обходясь по возможности безъ принудительныхъ мѣръ и тѣлесныхъ наказаній и любовно вникая въ личныя особенности ученика, довѣріемъ, построеннымъ на сильномъ авторитетѣ,

создать хорошее и честное отношеніе учениковъ къ школѣ“.

Больше всего мы достигнемъ, если учитель не всегда будетъ вести себя по отношенію къ ученикамъ суровымъ воспитателемъ, но на урокахъ будетъ соблюдать общественныя формы вѣжливости, и внѣ ученія обращаться съ учениками, какъ человѣкъ и другъ. Сколько пользы тутъ могутъ принести совмѣстные прогулки! Какъ хорошо тутъ знакомятся другъ съ другомъ учитель и ученикъ.

Иной примѣрный ученикъ оказывается жалкимъ карьеристомъ, а ученики, мало чѣмъ выдѣляющіеся въ школѣ, обнаруживаютъ доброе сердце, отзывчивую душу или большую начитанность и разносторонніе интересы, а также прекрасный характеръ. Съ своей стороны строгій учитель удивляетъ порою учениковъ своимъ веселымъ смѣхомъ и показываетъ интересъ въ такомъ направленіи, въ какомъ менѣе всего ожидали это его питомцы.

Тотъ, кто совершалъ съ учениками не только небольшія, официальныя прогулки, но продолжающіеся цѣлыми днями переходы, можетъ подтвердить, что между учениками и учителями завязываются такія сердечныя отношенія, которыя длятся долгое время послѣ окончанія учениками курса. Тотъ же результатъ получается, если сочувственно относиться къ забавамъ учениковъ, помогать имъ при занятіи ремесломъ, при собираніи коллекцій, устраиваніи аквариума или террариума и т. д. Если ученики организуютъ кружокъ для занятія стенографіей или спортомъ, то они всегда рады учителю, имѣющему за ними надзоръ, и если учитель устраиваетъ съ учениками литературные вечера или шахматныя собранія или читаетъ вмѣстѣ съ ними произведенія Рейтера, Шиллера или новѣйшихъ писателей, то ученики ему за это благодарны и признательны.

Побольше бы учителя нашей средней школы дѣлали такихъ попытокъ сближенія съ учениками! Польза заклю-

чается не только въ улучшеніи внѣшнихъ отношеній между учителемъ и ученикомъ, но и въ томъ, что ученикъ путемъ самодѣтельности чувствуетъ удовольствіе отъ работы, показываетъ поразительное усердіе къ этой свободной работѣ и начинаетъ любить свою школу. Самодѣтельность учениковъ, свободная работа не только въ лабораторіяхъ и во время другихъ практическихъ занятій, но и работа внѣ школы при осмотрѣ научныхъ и техническихъ учреждений, или во время прогулокъ по нашей родинѣ, справедливо признается большинствомъ нашихъ педагоговъ лучшимъ средствомъ внушить ученику удовольствіе къ работѣ и полюбить того, кто ею руководить.

Положеніе 6. „Главнымъ образомъ это достигается, если учитель входитъ въ общеніе съ учениками и во внѣшнее учебное время и побуждаетъ ихъ къ самодѣтельности“.

Ферстеръ, наоборотъ, больше рекомендуетъ пользоваться помощью учениковъ въ школѣ, поручая имъ незначительныя школьныя должности, какъ это въ ограниченной мѣрѣ практикуется у насъ во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ. На основаніи изученія американскихъ школъ онъ развиваетъ свою мысль и требуетъ учрежденія school-city, т. е. школьнаго государства, вѣрнѣе, такого школьнаго управленія, при которомъ ученикамъ предоставляется самоуправленіе. Эта мысль также не новая: ее въ достаточной степени развилъ Тротцендорфъ, и во многихъ интернатахъ Германіи она примѣняется до известной степени. Отъ привлеченія учениковъ къ небольшимъ школьнымъ услугамъ до приобщенія къ правленію школой — шагъ небольшой; самоуправленіе есть крайнее слѣдствіе самодѣтельности.

Положеніе 7. „Высшая форма самодѣтельности — самоуправленіе, школьное государство, школьная конституція“.

Большинство педагоговъ не рѣшаются ввести у себя

школьное самоуправленіе по американскому образцу, говоря, что такое демократическое управленіе уместно въ республиканской Америкѣ, но не въ нашемъ конституціонномъ государствѣ. Вспомнимъ однако, что и у насъ болѣе мелкіе представители правительства сильно демократизованы, и что значительная часть нашихъ законодательныхъ учреждений создается путемъ самостоятельныхъ выборовъ депутатовъ, происходящихъ изъ управляемыхъ круговъ. Кромѣ того, мы видимъ, что мало-помалу демократическій принципъ все болѣе проникъ во многія области управленія, нисколько не вредя конституціонной монархіи. Слѣдовательно, эти опасенія отпадаютъ сами собою. Къ этому можно прибавить, что наша школа имѣетъ автократическое начальство, которое съ успѣхомъ можетъ справиться съ демократическими тенденціями, буде онѣ начнутъ слишкомъ усиливаться. Важнѣе всего то обстоятельство, что школьное государство или самоуправленіе отнюдь не должны создавать новую оппозицію между учениками и преподавателями, но допустимы лишь въ томъ случаѣ, если будутъ работать въ добромъ согласіи съ учителями и директоромъ.

Въ тѣхъ школахъ, которыя сдѣлали попытку ввести у себя самоуправленіе, а ихъ не мало, оно одобрено педагогическимъ совѣтомъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ отдѣльные пункты устава выработаны преподавателями совмѣстно съ достойными довѣрія учениками.

Положеніе 8. „Нѣтъ опасеній, что самоуправленіе будетъ демократизировать въ худомъ смыслѣ слова, если, какъ оно и должно быть, самоуправленіе будетъ работать въ согласіи съ учителями и директоромъ“.

Всѣ ожидаемыя затрудненія основаны на боязливомъ недовѣріи. Странно, что противъ самоуправления высказались не мелочные и безсердечные люди, но учителя, главнымъ образомъ классные наставники, которые выдѣлялись до сего времени прекраснымъ исполненіемъ

своихъ обязанностей и всегда сердечно относились къ своимъ ученикамъ. Они опасаются, что отношеніе ихъ къ ученикамъ своего класса можетъ быть поколеблено, если между ними и учениками будетъ стоять, какъ промежуточная инстанція, довѣренное лицо. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ не побоялись сдѣлать, попытки это опасеніе оказалось неосновательнымъ. Только отъ учителей зависитъ, дастъ или не дастъ самоуправленіе хорошій результатъ. Мы уже можемъ установить, что лучше всего эти попытки удавались тамъ, гдѣ учителя теплѣе отнеслись къ новой идеѣ. Нечего, конечно, и думать о проведеніи реформы, если учителя съ недовѣріемъ къ ней относятся и при каждомъ случаѣ высказываютъ свое подозрѣніе и обвиняютъ новое устройство. Столь любимая теорія запугиванія должна уступить мѣсто новой педагогикѣ ободренія. Прежде же всего необходимо довѣріе, взаимное довѣріе.

Кромѣ того необходимо терпѣніе, чтобы вслѣдствіе ошибокъ, которыя будутъ допущены вначалѣ въ этомъ дѣлѣ, какъ и повсюду, не заключать, что вся реформа ошибочна. Если только учителямъ станетъ ясно, что ученики освободятъ ихъ отъ массы мелкой работы, ряда мелкихъ непріятностей, тогда сама собою явится признательность къ ученикамъ за ихъ работу, и учитель будетъ ихъ поддерживать, имъ совѣтовать и помогать. Ученикамъ съ успѣхомъ можно поручать многое, что раньше входило въ обязанность учителя: помогать при собираніи коллекцій, надзоръ во время экскурсій, въ церкви и поѣздахъ, передъ началомъ уроковъ и во время перемѣнъ, ревизіи классныхъ комнатъ, даже произнесеніе небольшихъ рѣчей въ достопамятные дни. Неужели же учитель не пойдетъ всѣму этому навстрѣчу? *Noblesse oblige!*

Введеніе самоуправленія въ учебныхъ заведеніяхъ съ неполнымъ курсомъ представляется болѣе затруднитель-

нымъ и имъ придется ограничиться самоуправленіемъ въ болѣе тѣсныхъ границахъ, такъ какъ даже у старшихъ учениковъ недостаетъ нравственной зрѣлости для руководства воспитаніемъ своихъ сотоварищей. Учебныя заведенія съ полнымъ курсомъ въ этомъ отношеніи поставлены въ тѣмъ болѣе благоприятныя условія, чѣмъ лучше составъ учениковъ. Полное проведеніе въ жизнь школьнаго государства въ Ферстеровскомъ смыслѣ возможно только въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, на что указываетъ и самый путь развитія означенной реформы.

Часто указываютъ, что ученики еще недостаточно зрѣлы, чтобы помогать другъ другу при серьезной и основательной научной работѣ. На это можно возразить, что мы именно стремимся выработать въ ученикахъ зрѣлость.

Развѣ мало молодыхъ людей въ возрастѣ нашихъ семи, восьмиклассниковъ занимаютъ самостоятельныя должности, на которыхъ иногда даже должны приказывать другимъ, и во всякомъ случаѣ умѣть владѣть собою. Достаточно указать на молодыхъ офицеровъ, ремесленниковъ, коммерсантовъ или на лакеевъ; послѣдніе должны особенно умѣть владѣть собою.

Чѣмъ руководствуемся мы при выдачѣ ученику аттестата зрѣлости? Только тѣмъ, что онъ не противится принужденію, чтобы не повредить самому себѣ. Но настолько ли онъ воспитанъ, чтобы умѣть владѣть собою, когда выйдетъ на свободу? Сколько учениковъ не поддаются нашему воспитанію и впоследствии хорошо воспитываются въ высшемъ учебномъ заведеніи, благодаря корпоративной жизни! И это происходитъ даже послѣ полного отрицанія дисциплины, которое мы, къ сожалѣнію, такъ часто замѣчаемъ. Такъ и воспитаніе товарищами иногда гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ строгіе выговоры и наказанія учителей, и не одинъ трудно укротимый ученикъ, на котораго не дѣйствовало никакое на-

казаніе, улучшается, если, поручая ему какую-нибудь должность, ему оказывают известное доверіе.

Въ воспитаніи всегда должно быть замѣтно стремленіе къ общественности, тогда привлеченіе учениковъ къ управленію школой дастъ положительные результаты, и не потребуются, чтобы ученики связали себя этическими требованіями. Помощь старшихъ учениковъ при поддержаніи школьной дисциплины окажется, вѣроятно, возможною во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. За послѣднее время повсюду надзоръ за учениками, во дворѣ и въ корридорахъ, поручается старшимъ ученикамъ, и не надо отказываться отъ этого испытаннаго средства, опасаясь неудобства привлеченія учениковъ къ отвѣтственности. Надо только постепенно переходить отъ участія въ управленіи къ самоуправленію и не надо начинать съ большихъ плановъ, а со скромнаго дѣла. Прежде всего слѣдуетъ заручиться симпатіями учителей къ дѣлу самоуправленія. Если они не интересуются этимъ дѣломъ, сомнѣваются въ пользѣ его или смотрятъ на него не какъ на серьезное дѣло, а на забаву, то нельзя ожидать хорошаго результата. И, какъ известно, преподавателей, сильныхъ только въ критикѣ, большинство, — и они находятся подъ вліяніемъ старыхъ традицій, по которымъ школьная дисциплина заключается въ созданіи внѣшняго порядка, необходимаго при обученіи, и въ принужденіи учениковъ къ прилежанію. Нѣкоторые упреки и сомнѣнія по поводу самоуправления можно сейчасъ обсудить. Прежде всего говорятъ, что назначаемые до сихъ поръ классными наставниками — дежурные, которые исполненіе этой должности считали за честь, добросовѣстно и хорошо исполняли свои обязанности, такъ что выборныя доверенныя лица врядъ-ли исполняютъ это лучше. Надо надѣяться, что оно такъ и есть, такъ какъ иначе проникательность классныхъ наставниковъ заслуживала бы порицанія. Но

дѣло не въ томъ или другомъ доверенномъ лицѣ, и, въ концѣ концовъ, безразлично, кто выбираетъ или назначаетъ его, такъ какъ индивидуальное вліяніе отдѣльныхъ товарищей рѣдко имѣетъ успѣхъ; тутъ болѣе приноситъ пользы привлеченіе ученической массы воспитаніемъ класснаго духа и призывомъ къ ученикамъ насчетъ поддержанія порядка, чистоплотности, умѣнія себя держать при корпоративныхъ выступленіяхъ, а также сексуальной чистоты. Обычный упрекъ, что при самоуправленіи поощряется карьеризмъ, исчезаетъ товарищеское чувство и развивается лицемеріе, отпадаетъ, какъ только учитель и директоръ примутъ серьезныя мѣры противъ этихъ золъ. И если при выборахъ доверенныхъ лицъ начинаются партійность и распри, какъ это часто бываетъ въ общественной жизни, то въ этомъ виноватъ классный наставникъ, такъ какъ онъ или не способенъ къ своей должности, или отрицательно относится къ самоуправленію. Если же оказалось бы, что довереннымъ лицамъ или ученикамъ, которымъ поручено дежурство въ перемѣну, будетъ оказано сопротивленіе, то надо за нихъ заступиться и доставить имъ авторитетъ; опытъ показываетъ, что благоприятный результатъ долженъ сказаться.

Очень недоверчиво относятся также къ праву выборныхъ — наказывать учениковъ. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ это наказаніе введено, оно, конечно, нуждается въ утвержденіи директора или класснаго наставника. Недовѣріе вызываютъ денежные штрафы, которые кое-гдѣ введены; такъ называемая „атимія“ ¹⁾ также кажется намъ неудачнымъ установленіемъ. Суть, конечно, не въ наказаніи, а въ томъ, чтобы предупреждать проступки и добиться правильнаго пониманія. Кромѣ того, намъ кажется, что въ общей отвѣтственности и въ общихъ обязанностяхъ, которыя возлагаются школьною общиною

¹⁾ Здѣсь — это исключеніе изъ общества товарищей.

на своихъ товарищей, большое значеніе имѣетъ моральное вліяніе; конечно, школьная община должна быть морально здорова и умно организована. Если это такъ, то очень легко можно развить совѣсть учениковъ и намъ часто приходилось съ радостью видѣть, какъ одного указанія было достаточно, чтобы исправить дисциплину на урокахъ у слабохарактерныхъ и молодыхъ учителей, никого не наказывая. Обычный порядокъ при введеніи самоуправленія нынѣ слѣдующій: довѣренные лица выбираютъ своими товарищами, но нуждаются еще въ утвержденіи. Прежде всего они обязаны заботиться объ улучшеніи поведенія своихъ товарищей и только тогда докладывать классному наставнику, если этого улучшенія не послѣдуетъ. Все узнанное и наблюдаемое записывается и обсуждается, и въ концѣ учебнаго года или четверти свободно обсуждаются дѣйствія завѣдующихъ классными должностями. При этихъ обсужденіяхъ часто затрагиваются и другія классныя и училищныя дѣла и часто выясняются вопросы, которые легко могли бы ускользнуть отъ вниманія класснаго наставника. Если сдѣлать дѣломъ чести класса и каждаго ученика, чтобы ихъ именъ при обсужденіи не называли, мы будемъ имѣть успѣхъ по всей линіи. Совершенно отпадаетъ, такимъ образомъ, опасеніе, что мы не можемъ имѣть вліянія на отдѣльныхъ личностей, а только на массы. Какъ разъ при самоуправленіи, которое, на первый взглядъ, отдаляетъ учителя отъ ученика, гораздо легче обращаться съ каждымъ ученикомъ согласно особенностямъ его характера. Само собою разумѣется, что мы не хотимъ такъ далеко заходить въ самоуправленіи, какъ объ этомъ неоднократно говорили въ шутку и серьезно. Мы не допустимъ учениковъ до критики учителей, не говоря уже о выборахъ ихъ учениками, о правѣ „представителей рабочихъ“ вступать въ переговоры съ „работодателями“, о забастовкѣ, и бойкотѣ (Maxl Bierjung, in der Jugend). Преимущество са-

моуправленія заключается еще въ томъ, что ученики станутъ гораздо опытнѣе въ области, на которую слѣдуетъ обратить особое вниманіе: въ дѣлѣ гражданскаго воспитанія. Какъ трудно, напримѣръ, теперь бываетъ даже взрослому разобратся въ избирательной системѣ или понять разницу между тайной и открытой подачей голосовъ. Всему этому ученикъ учится шутя на практикѣ, и вырастаетъ вполне готовымъ къ своимъ правамъ и обязанностямъ гражданина. Онъ выбираетъ тѣхъ своихъ товарищей, которые будутъ вступаться за его интересы, и начинаетъ скоро отличать пустаго болтуна отъ честнаго человѣка, заслуживающаго довѣрія и умѣющаго хорошо вести дѣло. Онъ научается оцѣнивать партійность и пристрастіе и начинаетъ понимать значеніе крѣпкой связи, здороваго товарищескаго корпоративнаго духа. Еще цѣннѣе то, что является сознаніе, что за избирательнымъ правомъ всегда слѣдуетъ избирательный долгъ, и что большія права вызываютъ и большія обязанности. Одного этого сознанія, котораго не хватаетъ многимъ нашимъ гражданамъ и которое часто называютъ самымъ большимъ недостаткомъ нашей избирательной системы, уже достаточно, чтобы попытаться ввести самоуправленіе. Въ то время, какъ наше обычное воспитаніе проникнуто религіознымъ и національнымъ чувствомъ, самоуправленіе даетъ намъ поводъ расширить его въ сторону нашихъ гражданскихъ обязанностей.

Положеніе 9. „Хотя въ полномъ объемѣ реформу можно провести только въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, тѣмъ не менѣе она приноситъ пользу и нашимъ школамъ, расширяя религіозное и національное воспитаніе въ сторону социальную и гражданскую“.

Ясно, что успѣхъ можетъ быть достигнутъ только при планомѣрномъ, постепенномъ введеніи и продолженіи самоуправленія. Какъ свобода, данная народу внезапно,

приносить плачевные результаты, такъ какъ основой для большой свободы должно быть постепенное укрѣпленіе народнаго характера и образованія, такъ и внезапно устроенное школьное государство или совершенно не удалось бы, или имѣло бы самыя худыя послѣдствія, если осчастливить имъ цѣлое училище. Слѣдуетъ вводить постепенно расширяющееся самоуправленіе осторожно, начиная съ младшихъ классовъ; еще лучше, если исходнымъ пунктомъ введенія самоуправления служить самостоятельная дѣятельность учениковъ въ кружкахъ. Въ кружкахъ ученикъ чувствуетъ себя гораздо свободнѣе и легко научается отличать, что приносить ему пользу и что — нѣтъ; здѣсь онъ имѣетъ даже право налагать наказанія. У всѣхъ тутъ болѣе одинаковые интересы, и потому выборная процедура протекаетъ проще, чѣмъ въ школѣ съ ея разнообразными стремленіями. Кто видѣлъ, какъ серьезно и съ какою добросовѣстностью ученики приступаютъ къ выборамъ должностныхъ лицъ въ кружкахъ, какъ они выбираютъ менѣе любимаго товарища, устраняя болѣе любимаго, потому что первый кажется имъ болѣе подходящимъ для занятія той или иной должности; кто замѣчалъ, что должностныя лица, выбранныя учениками, оказываются болѣе на мѣстѣ, чѣмъ такъ называемые образцовые ученики, — тотъ не задумается болѣе надъ введеніемъ для цѣлой школы этого испытаннаго въ небольшихъ кружкахъ устройства. Если бы и произошли кое-какія оплошности, то учитель или директоръ во всякое время могутъ вступить и возстановить порядокъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ также, что не всѣ училища могутъ имѣть одинаковое самоуправленіе; самоуправленіе только тогда имѣетъ право на существованіе, если оно представляетъ собою вышнюю форму отношеній между учителями и ихъ учениками, и поэтому оно должно быть различнымъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Каждое учебное заведеніе должно испробовать и вы-

работать положенія сообразно своимъ нуждамъ. Въ то время, какъ въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ можно будетъ предоставить ученикамъ даже въ ограниченномъ объемѣ право наказанія, чтобы они вмѣстѣ съ обязанностями получили и права, въ другихъ, въ особенности въ неполныхъ, это невозможно. Если одно учебное заведеніе Рейнской провинціи полагаетъ, что можетъ не требовать записки отъ родителей послѣ пропуска учениками старшихъ классовъ уроковъ, а довольствоваться объясненіемъ ученика, то это идеальная точка зрѣнія, которая дѣлаетъ много чести школѣ, ученикамъ, а также учителямъ, но не многія школы захотятъ или будутъ въ состояніи послѣдовать этому примѣру; то же самое можно сказать и о выборѣ домашнихъ работъ. Кое-гдѣ это принято. Опытъ показываетъ намъ, что ученики въ короткое время начинаютъ цѣнить самоуправленіе, и что правдивость и честность отъ него не только не страдаютъ, но скорѣе выигрываютъ.

Положеніе 10. „Самоуправленіе слѣдуетъ начинать съ младшихъ классовъ и, присоединяя его къ имѣющимся школьнымъ кружкамъ, распространить на все учебное заведеніе“.

Самая частая ошибка заключается въ томъ, что облеченные властью ученики не умѣютъ ею, какъ слѣдуетъ, пользоваться. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ученикамъ присвоено право наказанія, оказывается, что они всегда наказываютъ гораздо строже, чѣмъ учителя. Но можно-ли этому удивляться? Вѣдь почти всѣ молодые учителя не могутъ найти вѣрной мѣры въ наказаніи и часто переходятъ предѣлы! И развѣ мы, старые воспитатели, не должны сознаться, что только послѣ долгихъ лѣтъ и, можетъ быть, горькимъ опытомъ развили въ себѣ снисходительность въ сужденіи объ ученикахъ. Но развѣ сама исторія развитія педагогическаго дѣла не показываетъ, что не только отдѣльные учителя, но все

наше сословіе только медленно развиваетъ въ себѣ нѣ-которую гуманность. И если мы сегодня еще должны запрещать учителямъ слишкомъ сильное примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, то насъ не должно удивлять, что ученики, при исполненіи своихъ надзирательскихъ обязанностей, дѣйствуютъ строже, чѣмъ молодые учителя. Авторитетъ нужно добывать постепенно: такъ оно было со всѣми нами, и безъ ошибокъ дѣло рѣдко обходится. Поэтому при введеніи самоуправления надлежитъ слѣдить, чтобы дьяволъ не былъ изгоняемъ при помощи Вельзевула, т. е., чтобы вмѣсто бывшаго до сихъ поръ формальнаго авторитета учителей не возникла ученическая автократія или, еще того хуже, грубое средневѣковое третированіе младшихъ старшими. Выборнымъ надо внушить, что они должны относиться къ другимъ ученикамъ дружески и товарищески.

Если младшимъ ученикамъ дать понять, что они безпрекословно должны повиноваться своимъ старшимъ товарищамъ, а съ другой стороны дѣлать строгія замѣчанія выборнымъ, злоупотребляющимъ своею властью, то въ короткое время развивается дружеское чувство, которое по товарищески соединяетъ старшіе и младшіе классы и облагораживающе дѣйствуетъ на всѣхъ учениковъ. Намъ случалось видѣть, какъ старшіе ученики, надзирающіе за младшими классами, дружески относятся къ младшимъ ученикамъ и даже устраиваютъ съ ними прогулки! До сихъ поръ классы держали себя другъ отъ друга обособленно, и во время нашей юности казалось даже подозрительнымъ, если ученики разныхъ классовъ дружили другъ съ другомъ; теперь же между старшими и младшими классами царитъ такое довѣріе, отъ котораго вся школа можетъ только выиграть.

Вторая ошибка, постоянно наблюдаемая при введеніи самоуправления, заключается въ томъ, что свойственное ученику недовѣріе ко всѣмъ школьнымъ установле-

ніямъ ведетъ къ отказу лучшихъ учениковъ отъ занятія школьныхъ должностей. Они объясняютъ, что потому не хотятъ занимать никакихъ должностей, что имъ противно по отношенію къ товарищамъ играть роль шпионовъ и доносчиковъ. Какъ противно должно было быть, противно еще и теперь, хорошимъ ученикамъ наше полицейское отношеніе къ дѣлу! Въ этомъ подозрѣніи, которое питаютъ всѣ лучшіе элементы къ нашимъ установленіямъ, заключается суровое обвиненіе нашему отношенію къ ученикамъ и серьезное увѣщаніе выбрать такой путь, который не портилъ бы благородныхъ началъ довѣреннаго намъ юношества. Слѣдующее основное положеніе должно быть общепринятымъ: только въ самомъ крайнемъ случаѣ долженъ выборный ученикъ доводить до свѣдѣнія учителя проступки учениковъ. Всѣ постановленія поэтому предписываютъ, чтобы на младшихъ учениковъ дѣйствовали, по возможности, предупрежденіями и увѣщаніями, и чтобы—мы опять подошли къ требованію честности—ученикъ добровольно сознавался въ своихъ проступкахъ. Если Ферстеръ часто говоритъ о „добровольномъ повиновеніи“, то мы должны видѣть въ этомъ только игру словъ, только фразу, такъ какъ „добровольнаго повиновенія“ не существуетъ: свободная воля и повиновеніе внутренне другъ другу противорѣчатъ. По своей волѣ повинуются только тогда, когда главная побудительная причина—любовь, а отъ этого мы еще далеки и въ школьномъ государствѣ, чтобы ученикъ любилъ своего учителя. Чѣмъ больше мы выясняемъ положительныя стороны школьнаго государства, тѣмъ меньше мы хотимъ умалать отрицательныя стороны его. Гдѣ много свѣта, тамъ и тѣни много. Самыя отрицательныя стороны нами уже названы, и, конечно, послѣ введенія самоуправления выяснятся кое-какіе недостатки. Но эти недостатки не должны насъ смущать и сейчасъ же отвергать школьное самоуправленіе или пренебрегать имъ. При серьезной

попыткѣ окажется, что проявляющаяся при самоуправлении, въ рамкахъ школьной жизни, самостоятельность учениковъ приносить много пользы обществу: оно увеличиваетъ самообладаніе, воспитываетъ въ ученикахъ духъ ответственности за порядокъ и добрые нравы, подготавливаетъ къ государственнымъ и общественнымъ обязанностямъ, увеличиваетъ любовь къ школѣ и помогаетъ улучшить отношенія учениковъ къ школѣ.

Положеніе 11. „Самоуправленіе должно быть проникнуто товарищескимъ духомъ, а не вести къ замѣнѣ служебнаго авторитета учителей автократіей учениковъ, а также къ недовѣрію и доносамъ“.

Одного не слѣдуетъ забывать. Тѣми небольшими реформами, которыя мы проводимъ въ школѣ, и тѣми „средствами“, которыя рекомендуетъ Ферстеръ, дѣло еще не сдѣлано. Причину всѣхъ осуждаемыхъ и достойныхъ осужденія непорядковъ школы мы должны искать въ насъ самихъ. Мы не можемъ воспитывать сильныхъ характеровъ, если мы сами не личности съ сильными характерами. Мы не можемъ воздѣйствовать на душу, если бездушно, какъ ремесло, исполняемъ наши обязанности. Самая лучшая техника не поможетъ воспитателю, если сердце его не лежитъ къ его дѣятельности. Приходится постоянно повторять, что учителя только само-совершенствованіемъ, только работой надъ собою могутъ поднять свое сословіе. Не безъ основанія указываютъ нѣкоторые отчеты, что уже въ происхожденіи нѣкоторыхъ учителей есть недостатокъ, очень трудно устранимый. До тѣхъ поръ, пока дѣти изъ низшихъ классовъ въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ окончатъ школу, съ трудомъ борясь съ голодомъ пробьются черезъ университетъ и будутъ бѣдствовать во время подготовительнаго года, на учительское сословіе наложены оковы, которыя трудно сбросить. Часто молодому преподавателю бываетъ невозможно изъ-за своего происхожденія и недостаточнаго

воспитанія готовить наше юношество къ общему образованію. Вслѣдствіе этого, намъ кажется очень опаснымъ учрежденіе многочисленныхъ стипендій, дающихъ дорогу низшимъ классамъ въ высшую школу на учительскія мѣста. И, хотя на первомъ планѣ должно стоять „образование сердца“, мы не можемъ отказаться отъ извѣстной мѣры общаго образованія и общественныхъ правилъ приличія. Многіе сослуживцы, и между ними какъ разъ лучшіе, неустанно работая надъ собою, устранили этотъ недостатокъ; но это удастся далеко не всѣмъ учителямъ. Пока при подготовкѣ учителей, какъ до сихъ поръ, будутъ пренебрегать областью нравственнаго воспитанія къ свободѣ, педагогика принужденія, повсюду почти примѣняемая, уже изъ-за своего удобства, всегда будетъ стоять поперекъ дороги новыхъ установленій и стремленій. Только тогда можно достигнуть благоприятныхъ результатовъ, когда составъ учителей будетъ столь же однороднымъ, какъ и учениковъ. Но и на должности учитель обязанъ владѣть собою. Необходимъ постоянный контроль надъ собою, такъ какъ легче увлечься идеаломъ, чѣмъ оставаться вѣрнымъ ему. Настоящій воспитательный духъ долженъ стать всегда общимъ, какимъ онъ жилъ только въ нѣкоторыхъ школахъ и учителяхъ. При введеніи самоуправления, кромѣ происхожденія учителей важны ихъ развитіе и солидарность. Мы знаемъ, что учителя много занимаются научными вопросами воспитанія. Чаще, чѣмъ теперь, слѣдовало бы отдѣльнымъ учителямъ заниматься современными воспитательными вопросами, да и на педагогическихъ совѣтахъ слѣдуетъ чаще и подробнѣе разбирать основные вопросы воспитанія. Обыкновенно ограничиваются разсмотрѣніемъ проступковъ, а между тѣмъ такъ необходимо, чтобы обсуждалась новѣйшая литература, разсматривалась серьезно, а не съ пренебрежительнымъ невниманіемъ. Если въ наше время создается много воспитательныхъ

интернатовъ, то въ этомъ виновата не только семья, у которой, въ нашъ сѣбшащій, только о наживѣ думающій вѣкъ, нѣтъ времени на воспитаніе дѣтей,—виноваты и мы, воспитатели, такъ какъ мы охотно отправляемъ въ такой интернатъ ученика, котораго трудно воспитать, вмѣсто того, чтобы самимъ серьезно и съ любовью довести до конца воспитаніе довѣреннаго намъ ученика. Все болѣе и болѣе растущая потребность въ интернатахъ—серьезный упрекъ учителямъ, хотя отчасти ихъ можно извинить: ужъ очень трудно исполнить требованіе чтобы учитель не ограничивался передачей знаній, побылъ бы воспитателемъ и развивалъ бы характеръ учениковъ. Вѣдь все согласны съ тѣмъ, что учитель въ нашей школѣ такъ заваленъ работой, что у него нѣтъ времени для развитія личности. Мы могли бы облегчить преподаваніе и больше выполнять, нѣсколько измѣнивъ методъ преподаванія: сдѣлать отъ постоянныхъ вопросовъ и въ связи съ упомянутою выше самодѣятельностью ученика, заставляли бы его излагать свои мысли въ связномъ разсказѣ. Но этимъ мы достигнемъ еще не всего. Развѣ это только случайность, что наши учителя заболѣваютъ нервнымъ разстройствомъ и кажутся въ молодые годы стариками, въ то время какъ люди другихъ профессій бодры и здоровы? На это есть много причинъ. По словамъ однихъ причина—плохой составъ учениковъ, другіе утверждаютъ, что ихъ въ классѣ слишкомъ много. Число уроковъ, даваемыхъ преподавателемъ, также очень велико, если онъ не ограничивается простымъ преподаваніемъ, а посвящаетъ свои силы ученикамъ и внѣ уроковъ. А если пройдетъ проектъ и максимальное число уроковъ станетъ нормальнымъ, то намъ придется сильно опасаться за здоровье нашихъ сотоварищей. Максимальное число уроковъ, установленное 50 лѣтъ тому назадъ, когда въ маленькихъ городахъ и въ небольшихъ классахъ спокойно и тихо давались уроки, не подходитъ къ нашему вре-

мени, съ его повышенными требованіями. И большое число предметовъ, которое все увеличивается, можетъ быть признано одной изъ язвъ нашей школы. Большое зло также—увеличившееся число уроковъ. Наши мальчуганы плохо справляются съ уроками и плохо готовятъ задаваемое на домъ, что также утруждаетъ преподаваніе. Число уроковъ не должно превышать 34, и тѣлесныя упражненія, игры и даже обязательныя упражненія должны поддерживать тѣло въ его работѣ. Кромѣ того, учитель заваленъ письменными работами; особенно желательно освободить отъ нихъ директора. Только при соблюденіи этихъ условій, учитель можетъ сохранить жизнерадостность, которая столь необходима въ его профессіи. Говорятъ еще, что учителю много огорченій доставляетъ недовѣріе не только родителей, но и школьнаго начальства. Было бы хорошо, если бы и съ этой стороны не затрудняли работу учителей; и мы къ нашей радости можемъ констатировать что въ нашихъ стремленіяхъ поднять живость при преподаваніи школьное начальство принимаетъ дѣятельное участіе. Если все это будетъ исполнено, то учитель можетъ развернуть свою личность и можетъ воспитывать характеры, какіе нужны въ наше время и въ грядущіе дни, и будетъ у насъ „свободный народъ въ свободной странѣ!“

Положеніе 12. „Самое же главное по прежнему заключается въ томъ, что учитель долженъ быть человекомъ съ сильнымъ характеромъ, широкимъ и всестороннимъ образованіемъ, чувствовать себя не только учителемъ, но и воспитателемъ и стремиться, чтобы свобода при проявленіи его личности безъ нужды не ограничивалась“.

Резюмируя все, мы увидимъ мало новаго въ упрекахъ и требованіяхъ Ферстера и мало фактовъ, которые задѣвали бы наши среднія школы въ Германіи. Но мы охотно пользуемся случаемъ для новаго самоиспытанія и, пожалуй, находимъ, что мы могли бы обратить большее

вниманіе на воспитаніе характера нашихъ учениковъ. Но это должно произойти не при помощи нравственныхъ бесѣдъ, или уроковъ этики, но болѣе близкаго, человѣческаго общенія съ учениками, оказанія имъ довѣрія и разрѣшенія имъ самостоятельности и самоуправленія, не уменьшая при этомъ нашей доброй дисциплины. Мы не боимся дурныхъ послѣдствій самостоятельности учениковъ, но надѣемся, при помощи свободнаго общенія учителей и учениковъ, достигнуть улучшения и облагороженія отношеній между школой и семьей. Можно достигнуть товарищескаго отношенія между учениками и болѣе привѣтливаго отношенія между учителями и учениками. Но мы должны оградить школу отъ плохого состава учителей и учениковъ, и учителя должны быть людьми съ сильнымъ характеромъ. Тогда школа будетъ такою, что ученики впослѣдствіи будутъ охотно вспоминать ее, и на будущее время она будетъ имѣть такихъ людей, которые ей нужны. Ферстера много упрекаютъ, что онъ обращаетъ слишкомъ большое вниманіе на англо-саксонскую школу, и что подъ вліяніемъ этихъ свободныхъ идей пострадаетъ наша добрая, старая дисциплина. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что время и его требованія измѣнились. Раньше мы должны были учиться подчиненію и крѣпкой сплоченности, теперь мы вступаемъ въ область міровой политики; раньше говорилось: „слушаться приказанія!“ теперь требуется самостоятельная дѣятельность; раньше мы нуждались въ ученыхъ и чиновникахъ, теперь же въ самостоятельныхъ личностяхъ, которыя на чужбинѣ оказали бы честь нѣмецкому имени и умѣли дѣйствовать самостоятельно. Незабвенныя слова сказалъ Визе: „Если бы было возможно соединить нѣмецкое стремленіе къ идеальному образованію и нѣмецкую жажду къ знанію съ англійской выработкой характера, то былъ бы достигнутъ идеалъ воспитанія юношества, какого не видѣли еще христіанскія времена“.

ВТОРОЙ ДОКЛАДЪ.

ПОЛОЖЕНІЯ:

1) Внутреннему отношенію между средней школой и ея учениками грозитъ опасность со стороны развитія всей современной культуры и въ частности культуры средней школы. Дѣло главнымъ образомъ страдаетъ часто оттого, что учитель и ученики раздѣляются на двѣ рѣзко противоположныя партіи, вслѣдствіе чего создается особая школьная мораль. Мысли Ферстера могутъ углубить и обновить эти отношенія.

2) Новое въ предложеніяхъ Ферстера заключается въ томъ, что онъ не смотритъ, подобно другимъ, на школьную дисциплину, какъ на внѣшнее средство для достиженія порядка во время преподаванія, но примѣняетъ ее, какъ важное средство, для воспитанія самообладанія.

3) Какъ и до сихъ поръ главнымъ воспитательнымъ средствомъ средней школы остается серьезная, начинающаяся съ низшихъ классовъ, научная работа. Школа должна только давать себѣ болѣе ясный отчетъ въ угрожающихъ характеру опасностяхъ, которыя эта работа иногда приноситъ съ собою, а также въ тѣхъ нравственно-образовательныхъ моментахъ, которые она въ себѣ заключаетъ, при чемъ эти послѣдніе не должны навязчиво проповѣдываться ученикамъ.

4) Разумному требованію при обученіи воспитывать возрастающую самостоятельность соответствуетъ стремленіе заставлять учениковъ самостоятельно работать при поддержаніи школьной дисциплины и такимъ образомъ съ пользою употребить массу неиспользованныхъ силъ.

5) Для этого необходима организація школьной общины, которая даетъ возможность при помощи свободнаго обмѣна мнѣній ознакомиться съ мнѣніями и желаніями юношества и предупредить опасности товарищества.

6) Упрекъ, что такъ называемое самоуправленіе не подходитъ со своей демократической тенденціей къ условіямъ нѣмецкой жизни, основанъ на недоразумѣніи.

7) Если отъ самоуправленія хотятъ пользы, а не вреда, то слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее:

а) Оно ограничивается проведеніемъ порядка въ школѣ, самоуправленіемъ школьнымъ домомъ, классными комнатами, инвентаремъ и коллекціями, заботой о школьной жизни внѣ учебнаго времени и о хорошемъ школьномъ и классномъ духѣ.

б) Ученики не имѣютъ права наказанія, кромѣ изгнанія некорныхъ изъ школьнаго самоуправленія.

с) Введеніе самоуправленія не должно быть официальнымъ, а предоставлено свободному усмотрѣнію отдѣльныхъ учебныхъ заведеній.

д) Пытаться вводить его слѣдуетъ лишь тамъ, гдѣ директоръ со всей коллегіей преподавателей относится къ дѣлу благосклонно и съ интересомъ.

8) Гражданскому воспитанію самоуправленіе менѣе приноситъ пользы тѣмъ, что примѣняетъ различныя формы выборовъ, нежели воспитаніе отдѣльнаго ученика, чтобы онъ сознательно и радостно подчинялся цѣлому и, какъ отдѣльный человѣкъ, чувствовать себя отвѣтственнымъ за цѣлое.

9) Измѣненіе нашей школьной жизни въ духѣ идей Ферстера—въ интересахъ учительскаго сословія.

Такъ какъ въ главномъ докладѣ въ общемъ изложено все, что относится къ дѣлу, то второму докладчику остается высказать свое мнѣніе, отступающее отъ нѣкоторыхъ положеній, и добавить нѣкоторые наблюденія, которые явились результатомъ практической попытки. Съ первымъ положеніемъ я не согласенъ ни въ офѣнкѣ Ферстера, ни въ критикѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Начиная со второго, я, правда, того мнѣнія, что внутреннее отношеніе между школой и учениками въ наше время во многихъ мѣстахъ не такое, какимъ оно должно было бы быть въ интересахъ успѣшной работы надъ нашимъ юношествомъ. Навѣрное постановка нашей темы вытекла изъ этого соображенія: безъ этого вопросъ—„какъ можно углубить и обновить внутреннія отношенія?“—не имѣлъ бы смысла. И я думаю, что какъ разъ многочисленные проступки противъ дисциплины, жалобы и споры, доходящіе до свѣдѣнія и рѣшенія провинціальной школьной коллегіи, позволяютъ бросить менѣе утѣшительный взглядъ на истинное положеніе вещей. Докладчикъ самъ, согласуясь съ нѣкоторыми докладами, подчасъ указывалъ на опасности, которыя грозятъ дѣлу воспитанія въ нашей средней школѣ со стороны развитія всей нашей современной культуры, въ частности же культуры—средней школы. О переполненіи нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній и классовъ, о правахъ, даваемыхъ школѣ, о наплывѣ нежелательнаго элемента, о разсѣивающихъ вниманіе

многочисленныхъ требованій при преподаваніи, о недостаткахъ нѣкоторыхъ учителей, о чрезмѣрномъ обремененіи директоровъ и преподавателей, о недостаткѣ способностей и охоты у нѣкоторыхъ родителей поддерживать воспитательную работу школы, поэтому говорить не приходится. Безусловно ясно, какъ трудно вслѣдствіе этого найти вѣрное отношеніе къ школьной массѣ. Слѣдуетъ помнить, что изъ 11600 преподавателей приблизительно 2600 моложе 30 лѣтъ. Очень характерно, что въ рядѣ докладовъ авторы жалуются на недостатокъ интереса и даже на противодѣйствіе, которое оказываютъ преподаватели идеямъ Ферстера въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Удивляться тутъ нечему. Наши молодые коллеги—по крайней мѣрѣ, болѣе дѣльные, не считая учителей по профессіи, по призванію—покидаютъ университетъ какъ будущіе изслѣдователи, съ идеальной мыслью и дальше, въ своей школьной практикѣ, жить только для служенія наукѣ¹⁾. О должности воспитателя и его задачахъ онъ до сихъ поръ почти совсѣмъ ничего не слышалъ. Новичекъ думаетъ прежде всего, обычно съ нѣкоторымъ страхомъ, только о томъ, какъ бы ему справиться со школьной массой, которую онъ вѣдь хорошо еще помнитъ, чтобы учить безъ помѣхи. Вполнѣ естественно, что при этомъ не хватаетъ, я не хочу сказать—интереса, но способностей къ сотрудничеству въ вопросахъ, которыхъ касается Ферстеръ. Нѣкоторые болѣе старые коллеги потеряли охоту къ нимъ, вслѣдствіе разочарованія и горькаго опыта съ учениками и родителями; ихъ мнѣніе второй докладъ изъ Заарбрюккена высказываетъ въ томъ смыслѣ, что школа только мало можетъ сдѣлать для устраненія недовѣрія, съ которымъ

¹⁾ Во всякомъ случаѣ не я сталъ бы это порицать. Остающіеся вѣрными идеалу всю свою жизнь, обычно дѣлаются хорошими воспитателями; ихъ научная дѣятельность гарантируетъ имъ сильное воспитательное вліяніе на юношество. Правда, можно было бы пожелать, чтобы между высшей и средней школами происходилъ болѣе сильный контактъ, на благо обѣимъ.

относится къ ней общественное мнѣніе, и что ея вліяніе на внутреннюю жизнь учениковъ гораздо меньше, чѣмъ думаетъ Ферстеръ. Слѣдствіемъ всего этого является, что учитель и ученики раздѣляются на двѣ рѣзко противоположныхъ партій, изъ которыхъ одна приказываетъ, а другая слѣпо должна повиноваться. Могущіе произойти конфликты улаживаются обыкновенно при помощи уложения о наказаніяхъ. Дальнѣйшее слѣдствіе есть царство особой школьной морали, существованіе которой нельзя оставлять безъ наказанія. Основа ея состоитъ въ томъ сужденіи, которое Р. Леманъ получилъ въ отвѣтъ при извѣстномъ разговорѣ съ однимъ изъ старшихъ классовъ о проблемахъ морали отъ двухъ учениковъ: „Можно „надувать“ и все-таки быть порядочнымъ человѣкомъ“¹⁾. Употребленіе подстрочниковъ, которое, къ сожалѣнію, безсовѣстнымъ образомъ поддерживается книгопродавцами, плохія отговорки при малыхъ или большихъ проступкахъ противъ школьныхъ законовъ, которые ежедневно встрѣчаются среди нашихъ школьныхъ массъ, все это — вещи, которыя кажутся почти неистребимыми. Одинъ докладъ положительно указываетъ на то, что въ небольшомъ учебномъ заведеніи хотя и легко соблюдать дисциплину, но съ лживостью и неоткровенностью учениковъ постоянно приходится бороться. Вслѣдствіе этого я не нахожу, что слова Ферстера о школьной лжи „почти совсѣмъ не касаются нашей нѣмецкой средней школы“. Также все, что онъ говоритъ объ индивидуумѣ и массѣ, для насъ достойно вниманія. Если уже взрослые въ наше время, при сильно возросшемъ сообщеніи и способахъ доставленія извѣстій, больше чѣмъ когда-либо поддаются гипнозу массы, то тѣмъ болѣе это встрѣчается у менѣе окрѣпшихъ духомъ. Власть общественнаго мнѣнія въ школѣ очень велика; ни одинъ мальчикъ не осмѣлится носить

¹⁾ Lehmann: Erziehung u. Erzieher, S. 263; Foerster: Schule u. Charakter (см. русс. переводъ), S. 11.

шапку или брюки, которыя не нравятся товарищамъ. И что надъ послѣдними господствуютъ нѣкоторые старшіе и продувные элементы, — всегда можетъ быть доказано.

Я указалъ на два самыхъ важныхъ пункта, упомянутыхъ Ферстеромъ, которые мѣшаютъ намъ создать вѣрное внутреннее отношеніе къ нашимъ ученикамъ. О другомъ придется поговорить еще потомъ.

Докладчикъ полагаетъ, что Ферстеръ высказываетъ мало новыхъ мыслей. Если онъ этимъ хочетъ сказать, что Ферстеръ не проповѣдуетъ новыхъ моральныхъ истинъ, то съ этимъ безусловно слѣдуетъ согласиться. Требованіе самовоспитанія, которое есть квинтэссенція — его моральной педагогики, свѣтило уже грекамъ съ Дельфійскаго храма: γυνδί παντόν. Σωφροσύνη — было во времена расцвѣта атическаго культуры кардинальной добродѣтелью καλὸς καγαθὸς ἀνὴρ, точно такъ же, какъ въ рыцарскомъ обществѣ среднихъ вѣковъ diu masze (соразмѣрность, умѣренность) должна была украшать каждого рыцаря. О христіанствѣ я уже и не говорю. Новое же у Ферстера то, что онъ сознательно и упорно началъ борьбу съ господскою моралью Ницше и съ ея разрушительнымъ вліяніемъ на нашу народную нравственность, въ томъ, что онъ завоевалъ поразительно широкіе круги для мысли, что благо заключается не въ томъ, чтобы позволять все волѣ индивидуума, но въ томъ, чтобы эта воля изъ господина превратилась въ слугу, и такимъ образомъ состоялось бы превращеніе индивидуума въ личность. Для насъ особенно ново не то, что онъ призываетъ школу къ выработкѣ самовоспитанія, но что онъ ей, въ примѣненіи и образованіи дисциплины, указываетъ на сильное, до сихъ поръ неоцѣненное по достоинству вспомогательное средство при этой воспитательной задачѣ. Сознаемся спокойно, что обычный взглядъ у насъ считаетъ дисциплину чисто внѣшнимъ необходимымъ средствомъ, чтобы работать спокойно и безпрепятственно. За прове-

деніемъ ея наблюдаетъ учитель и въ случаѣ нужды вводитъ ее при помощи наказанія. Съ другой стороны, вѣрно и то, что теперешнее положеніе дѣла тоже приноситъ съ собою много хорошаго. Что ученикъ много лѣтъ самаго образовательнаго времени подчиненъ строгой дисциплинѣ, которая требуетъ отъ него порядка, точности, чистоты и повиновенія, приноситъ ему пользу на всю его жизнь. Но не слѣдуетъ ли намъ поэтому привѣтствовать, если соблюденіе этой дисциплины будетъ обосновано глубже, если дисциплина будетъ поставлена нѣкоторымъ образомъ *sub specie aeterni tatis*, если, говоря словами Канта, поведение учениковъ будетъ основано на максимахъ, а не на дисциплинѣ, если мы можемъ не только не допускать шалостей, но и вліять на образъ мыслей¹⁾. Ферстеръ самъ умѣетъ цѣнить выгоды современной системы; но съ другой стороны онъ не безъ основанія опасается, что доброй, старой, строгой дисциплинѣ, подъ вліяніемъ слишкомъ гуманнаго духа времени, угрожаетъ опасность ослабѣть²⁾. Поэтому онъ хочетъ пересоздать эту дисциплину, основывая ее на твердой почвѣ нравственныхъ требованій.

„Воспитаніе характера должно быть центромъ школьной жизни“—такъ озаглавливаетъ Ферстеръ введеніе къ своей книгѣ. „Школа и характеръ“ и третье положеніе докладчика находятъ подходящія для нашихъ условій выраженія этого требованія. Въ противоположность этому Ветцларъ указываетъ, что средняя школа прежде всего—научное учебное заведеніе, и, при всемъ почтеніи къ мыслямъ Ферстера, относится отрицательно къ практическому ихъ примѣненію. Такъ какъ это мнѣніе, навѣрно, не единичное, то я выставилъ третье свое положеніе, какъ добавленіе къ положенію докладчика. И я того мнѣнія, что теперь, какъ и раньше, то, чѣмъ мы занимаемся съ нашими учениками ежедневно въ теченіе 5 часовъ,

¹⁾ Школа и характеръ (рус. пер.).

²⁾ Тамъ же.

т.-е. ученіе,—самое важное, и именно эта работа, если она проникнута истинно-научнымъ духомъ, начиная съ низшихъ классовъ,—наше лучшее воспитательное средство. Но при этомъ намъ не слѣдуетъ забывать, какія опасности съ нею могутъ быть связаны. Пользованіе готовыми переводами, списываніе сочиненій съ книгъ—„скатать“—какъ гласитъ техническій терминъ, все это создается принудительною работою школы, не менѣе чѣмъ случаями нездороваго самолюбія и карьеризма. „Всѣ мы должны выяснитъ себѣ,—говоритъ Ферстеръ,—все множество обстоятельствъ, портящихъ характеръ, чтобы быть готовыми оказать соотвѣтствующее противодѣйствіе. Я хочу здѣсь хоть кое что затронуть“¹⁾.

Слишкомъ высокія требованія—это ошибка, которая допускается постоянно, въ особенности молодыми коллегами. Мы постоянно должны помнить, что, задавая урокъ, мы должны сообразоваться съ среднимъ уровнемъ способностей, которыя, вслѣдствіе наплыва, къ сожалѣнію, не повышаются, а понижаются. Кто требуетъ дословнаго повторенія своего образцоваго перевода (требованіе, которое господинъ учитель попробовалъ бы самъ исполнить черезъ нѣсколько дней), кто не думаетъ о трудностяхъ текста, которыя превосходятъ силы учениковъ,—тотъ не долженъ удивляться, что они обращаются къ подстрочникамъ или надписываютъ свои книги въ особенности, если учитель никогда ихъ не просматриваетъ, или самъ пишетъ въ свои экземпляры. Тотъ, кто беретъ свои темы изъ извѣстныхъ темниковъ, вмѣсто того, чтобы выводить ихъ изъ своего преподаванія, вводитъ во искушеніе. Кто беретъ свои *extemporalia* и математическія задачи въ послѣднюю минуту изъ какого-нибудь чужого учебника, тотъ видитъ результатомъ то убійственное количество неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, которыя отнимаютъ ра-

¹⁾ Школа и характеръ, (рус. пер.).

доть въ работѣ и уже вслѣдствіе этого дѣйствуютъ деморализующе. Какъ необдуманно, задаются домашніе работы, въ особенности молодыми коллегами! И самый неважный второстепенный предметъ не долженъ быть лишень ни одного часа. Часто забываютъ, что ученикъ въ одинъ день имѣлъ уже 7 уроковъ, что онъ очень занятъ сочиненіемъ и т. д. Конечно, расписаніе уроковъ, контроль класснаго наставника и директора можетъ кое-чему помочь; главное же, чтобы именно изъ этическихъ причинъ мы еще болѣе въ своей средѣ работали рука въ руку, не обращая вниманія на узкую спеціализацію, занимаясь и въ этомъ дѣлѣ тѣмъ самовоспитаніемъ, которое есть идеальная цѣль нашей дѣятельности. Принимая все это во вниманіе, я нахожу, что домашніе работы нашихъ учениковъ нуждаются въ улучшеніи. Нехорошо, если даже ученикъ старшихъ классовъ ежедневно долженъ готовиться къ цѣлому ряду предметовъ. Какое получается раздробленіе, если онъ полчаса долженъ заниматься латинскимъ, математикой, нѣмецкимъ и т. д., вмѣсто того, чтобы связно, нѣсколько часовъ, заниматься чѣмъ-нибудь однимъ. Намъ слѣдовало бы стовориться и предоставить опредѣленные дни въ недѣлю извѣстнымъ главнымъ предметамъ, по возможности, исключительно для домашнихъ работъ, а въ остальные дни соотвѣтственно перенести изученіе на уроки. Это способствовало бы основательности, отдаляло бы разсѣянность и увеличило бы радость, — все вещи, которыя этически — воспитательны и усиливаютъ характеръ.

Одна опасность нашей профессіи заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что она со своею твердо установленною, часто повторяющеюся дѣятельностью ведетъ къ рутинѣ и механическому. Тѣмъ болѣе необходимо, чтобы мы не забывали болѣе высокаго назначенія, чтобы мы ясно давали себѣ отчетъ въ нравственной пользѣ ежедневной мелкой работы, чтобы она намъ не надѣла

и вслѣдствіе этого не осталась бы безрезультатной. Хорошо было бы, при случаѣ, наглядно доказать это и ученикамъ, чтобы то, что они презираютъ, какъ нашъ педантизмъ, они научились цѣнить, какъ нѣчто для нихъ необходимое. Если у меня есть ученики или классъ, которые не точно переводятъ тексты, напримѣръ, въ употребленіи временъ, то я сейчасъ же привожу примѣръ, говоря, что ему, очевидно, все равно сказать-ли: „у меня есть 100 талеровъ, у меня было 100 талеровъ или будетъ 100 талеровъ“. Но рекомендуется становиться на еще болѣе высокую точку зрѣнія. Не хорошо поверхностно относиться къ словамъ другого, это преступленіе противъ чужой духовной собственности. Какъ остроумно говорится на нашемъ языкѣ, что переводъ долженъ быть „вѣрный“. Правильный переводъ учить вѣрности, и, кто съ этимъ не считается, подвергается опасности не быть лучше и въ другомъ. Хорошій почеркъ мы требуемъ не изъ педантизма, но его требуетъ приличіе по отношенію къ тѣмъ, которые будутъ его читать. То, что извѣстные предметы даются нѣкоторымъ ученикамъ съ трудомъ, закаляетъ ихъ характеръ, и поэтому я настаиваю на требованіи, чтобы расписаніе уроковъ было обязательнымъ для всѣхъ учениковъ. Склонностямъ и особымъ талантамъ мы имѣемъ случай и возможность притти навстрѣчу. И въ жизни мы не всегда можемъ пройти мимо того, что намъ не нравится или тягостно. Все это я имѣю въ виду, говоря, что мы яснѣе должны дать себѣ отчетъ въ нравственно-образовательныхъ моментахъ, которые заключаются въ нашей учебной работѣ. Примѣненіе ея требуетъ такта; все навязчивое можетъ оказать противоположное дѣйствіе. Но, если приняться за дѣло правильно, то можно улучшить и наше внутреннее отношеніе къ ученикамъ. И ясно, что это приносить пользу самому преподаванію. Исходя изъ послѣдней точки зрѣнія, мы должны настаивать на основательности и научной серьез-

ности преподаванія и должны требовать, чтобы и въ низшихъ классахъ были преподаватели съ научнымъ цензомъ. Поэтому мы являемся противниками стремленія постоянно облегчать преподаваніе, поэтому мы защищаемся отъ разсѣивающаго вниманіе множества предметовъ и подчеркиваемъ своеобразность различныхъ типовъ школъ.

Вмѣстѣ съ докладчикомъ я отклоняю введеніе особыхъ уроковъ этики; но я считаю нужнымъ указать на два предмета, которые могли бы заниматься этикой болѣе, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Въ Законѣ Божіемъ догматика спокойно могла бы нѣсколько отступать. Я всегда удивлялся и, гдѣ былъ въ состояніи, боролся съ тѣмъ, что особенно католическіе законоучители въ старшихъ классахъ гимназій такъ мало читаютъ въ подлинникъ Священное Писаніе. Какое глубокое вліяніе оказываетъ, напримѣръ, нагорная проповѣдь и отрывки изъ посланій апостола Павла! Сколько случаевъ тутъ представляется касаться этическихъ вопросовъ, вводя въ кругъ разсматриваемаго и ученическую жизнь! Также и философская пропедевтика, которая обычно въ старшемъ классѣ связывается съ преподаваніемъ родного языка, не касается широкаго поля, если она ограничена немногими логическими и психологическими законами. Она должна была бы разбирать и этические вопросы, не черпая ихъ только изъ авторовъ, исторіи и другихъ школьных наукъ, но также изъ жизни учениковъ. Два доклада перечисляютъ рядъ темъ, которые тамъ разбирались:

Бопшардъ (13). Общественное мнѣніе въ жизни класса. Сущность истинной дружбы. Праздность. Сущность и значеніе самообладанія. Самопознаніе. Свобода и законъ. Знаніе и воля. Чистота и любовь къ порядку. Страсть къ удовольствіямъ и воздержаніе. Вниманіе къ мелочамъ. Гражданинъ и государство. Ученикъ и школа. Какіе случаи образованія воли представляются въ школѣ? Какими качествами должно обладать довѣренное лицо

класса? Кому изъ васъ вы довѣряете управленіе кассой при школьныхъ прогулкахъ?

Крейцнахъ (19). Имѣетъ-ли мужчина право плакать? въ связи съ одой Клоппштока „къ Эберту“. Какъ смотрѣть съ нравственной точки зрѣнія на самоубійство? въ связи съ газетнымъ извѣстіемъ о самоубійствѣ ученика старшаго класса одного берлинскаго реального училища. Ложь по необходимости. Товарищество. Мужество. Свобода. Честь и дѣзль.

Нельзя, конечно, на основаніи этихъ простыхъ названій дѣлать заключеніе о достоинствахъ или недостаткахъ этихъ бесѣдъ; было бы желательно, чтобы г.г. преподаватели представили точный отчетъ въ ходѣ уроковъ. Конечно, широкіе круги нашихъ коллегъ отнесутся неблагосклонно къ затрагиванію этого матеріала изъ вполне понятнаго опасенія, что результатомъ явится незрѣлое, живое, вредное морализированіе. Съ другой стороны мы должны сознаться, что всѣмъ намъ недостаетъ опыта въ этой области. Другія темы, которыя я нахожу у Ферстера, кажутся мнѣ пріемлемыми и полезными („Школа и характеръ“ стр. 104): Чѣмъ обязанъ Гете педантизму родительскаго воспитанія? Чѣмъ мы можемъ научиться у Антоніо Пассо для нашего самовоспитанія? Какой глубокой смыслъ имѣетъ требованіе долготѣяннаго молчанія, которое налагали пифагорейцы на своихъ адептовъ?

Къ замѣчаніямъ, которыя относятся къ этическому основанію и использованію преподаванія, я прибавляю нѣкоторыя, касающіяся школьной дисциплины. На послѣднемъ Рейнскомъ съѣздѣ директоровъ мы подробно обсуждали средства для поднятія самостоятельности учениковъ при ежедневной работѣ и журналы и годовые отчеты указываютъ, что повсюду стараются осуществить эту прекрасную мысль. Казалось бы вполне естественнымъ слѣдствіемъ является вопросъ, не слѣдуетъ-ли по-

ступать также относительно другой стороны школьной жизни, школьной дисциплины? О томъ, какъ дѣло обычно обстоитъ теперь, упоминалось уже раньше. Одинъ школьный уставъ издается сверху для всей провинціи и къ нему каждое учебное заведеніе прибавляетъ подходящія для себя правила. Къ исполненію его восьмиклассникъ и первоклассникъ, 9-тилѣтній и 19-тилѣтній принуждаются однимъ и тѣмъ же полицейскимъ способомъ. Тамъ, гдѣ это удастся — и обычно оно такъ и есть — уставъ оказываетъ хорошее дѣйствіе. Но при этомъ ни на одной сторонѣ нѣтъ ни радости, ни готовности. О старшихъ ученикахъ вмѣстѣ съ поэтомъ можно сказать: юноша не понимаетъ цѣли, а учителю непріятенъ вѣчный надзоръ и присмотръ за мелочами; и совершенно справедливо сказали, что отъ этого страдаютъ его нервы. О главномъ надзирателѣ, директорѣ, и говорить нечего. Какъ только этимъ дѣломъ занимается болѣе слабый учитель, то сейчасъ же сказываются отрицательныя стороны полицейскаго режима. Даже самый лучший классъ тогда съ трудомъ удерживается отъ удовольствія подурить, а милая публика улыбается описанію героя о томъ, какъ устраивали бенефисъ бѣдному школьному учителю. При этомъ обычно забываютъ, какъ ученики преувеличиваютъ эти описанія. Дѣйствуетъ почти подавляюще постоянно наблюдаемая при разговорахъ даже съ очень умными людьми страсть говорить объ ихъ школьныхъ годахъ и постоянно возвращаться къ этой области. Для меня совершенно ясно, что этотъ царящій обычай и взглядъ на отношенія учителя къ ученикамъ въ дѣлѣ дисциплины сильно вредитъ внутреннимъ взаимоотношеніямъ обѣихъ сторонъ. И я вполне убѣжденъ, что это измѣнится, если приобщить учениковъ къ дѣлу сохраненія порядка и предоставить имъ при этомъ большую часть отвѣтственности. Они не рѣшатся говорить о слабой дисциплинѣ; вѣдь имъ можно сейчасъ же возразить: значить вы не умѣете управлять

собою? А что они это умѣютъ, было мое убѣжденіе еще задолго до того, какъ я познакомился съ книгами Ферстера. Насколько это было возможно, я всегда предоставлялъ самимъ ученикамъ организацію школьныхъ прогулокъ, и никогда мнѣ не приходилось жаловаться на ошибки, наоборотъ, радоваться проявившимся иногда талантамъ. Какъ серьезно относятся наши мальчики къ этимъ задачамъ тамъ, гдѣ они совершенно предоставлены самимъ себѣ — въ гимнастическихъ, гребныхъ и музыкальныхъ союзахъ! Видно, что это соотвѣтствуетъ сильному стремленію юношеской природы ¹⁾. Ферстеръ совершенно правъ, когда онъ пишетъ: „Идея самоуправленія есть неустранимое слѣдствіе всякой психологіи, глубоко проникающей въ душу юношей, и она вытекаетъ изъ того основного положенія каждаго воспитанія, что слѣдуетъ соединиться съ живыми силами самихъ дѣтей, чтобы ихъ воспитывать. Она въ сущности не что иное, какъ педагогическое примѣненіе естественныхъ социальныхъ инстинктовъ, даже государственныхъ тенденцій, въ юношескомъ возрастѣ“. Въ то время, какъ теперь каждому кандидату говорить, что при всякомъ преподаваніи онъ прежде всего долженъ задать себѣ вопросъ: „что я тамъ найду“ и „съ чѣмъ въ прошломъ мнѣ соединить то, что я буду говорить“, — мы честно должны сознаться, что при дисциплинѣ себѣ этого вопроса не задаемъ. Слѣдствіемъ является, что масса духовныхъ силъ остается неиспользованными или, что хуже, проявляетъ себя въ нарушеніи порядка. Во время послѣднихъ каникулъ я на островѣ Юйстѣ съ интересомъ наблюдалъ, что оттуда можно почерпнуть. Тамъ среди дѣтей курортныхъ гостей, которые всѣ, конечно, были учениками средней школы въ возрастѣ отъ 12 — 19 лѣтъ, образовалась „Красная рота“, которая нѣсколько часовъ въ день, по военному образцу, занималась военными упражненіями. Всѣ инте-

¹⁾ Staats bürgerliche Erziehung S. 42.

ресы мальчиковъ были поглощены этимъ дѣломъ, дисциплина была превосходная, и поразительно было, какую службу, несмотря на каникулы, они несли. Одинъ, который дома былъ не изъ храбрыхъ, цѣлую ночь на дождѣ простоялъ въ донцахъ на передовомъ посту. Когда рота, какъ это ежедневно бывало, выступала публично, то самый маленький мальчуганъ чувствовалъ себя отвѣтственнымъ за то, чтобы все сошло хорошо. Я сознаю, что при этомъ часто думалъ о вопросахъ, которые насъ теперь занимаютъ, и укрѣпился въ убѣжденіи, что мы, съ введеніемъ, такъ называемаго, самоуправления, стоимъ на правильномъ пути, чтобы разрѣшить интересующую насъ проблему.

Тотъ же самый докладъ, который называетъ среднюю школу прежде всего научнымъ учебнымъ заведеніемъ, далѣе указываетъ, что ея воспитательное вліяніе уже уменьшается тѣмъ, что мы, во время нашей работы при существующемъ положеніи вещей, дѣйствуемъ постоянно только на массу и, обыкновенно, не можемъ приблизиться къ отдѣльному ученику. Мысль эта не проведена до конца. Именно поэтому мы и должны задать себѣ вопросъ, не возможно-ли ближе подойти къ отдѣльному ученику овладѣть душою массы. 6-ое положеніе докладчика, въ согласіи съ 3-имъ, совѣтуетъ и внѣ учебнаго времени имѣть общеніе съ учениками при гимнастическихъ играхъ, прогулкахъ, путешествіяхъ, поднимая ихъ самостоятельность въ различныхъ областяхъ. Повсюду можно будетъ этого достигнуть лишь тогда, если мы организуемъ массу, дадимъ ей избранное ею представительство, съ которымъ можно было бы откровенно бесѣдовать, не вредя этимъ дисциплинѣ. Наши ученики живутъ во время перемены на дворѣ, на улицѣ особою жизнью, о которой мы обычно узнаемъ очень мало. Что школа, ея учителя и установленія служатъ главною темою разговоровъ, вполне естественно, и не хорошо, если образующіеся тамъ безъ контроля мнѣнія и взгляды не имѣютъ случая

высказаться. Это доказала рѣчь одного абитуриента Нюрнбергской гимназіи, которая нѣкоторое время тому назадъ привлекла общее вниманіе. Все это измѣнится, если юноши будутъ имѣть право и случай черезъ своихъ доверенныхъ заявлять о своихъ нуждахъ. Есть-ли лучшее средство, чтобы улучшить отношенія между двумя группами нашей школы, чѣмъ это? Какъ разъ отъ хорошихъ преподавателей я слышалъ возраженіе, что имъ этого не нужно, что у нихъ съ ихъ классомъ создались такія отношенія, что они и такъ узнаютъ ихъ нужды и желанія. Какъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV не хотѣлъ имѣть между собою и своимъ народомъ „листа бумаги“, такъ и они отказываются отъ довереннаго лица. Я спрошу: что же это общее явленіе теперь? На этотъ вопросъ у меня не хватаетъ смѣлости отвѣчать утвердительно. А какъ же поступать директору, который имѣетъ дѣло съ еще бѣльшей массой, чѣмъ каждый классный наставникъ? Есть много вещей, затрагивающихъ сердца всѣхъ учениковъ, въ которыхъ они всѣ чувствуютъ себя солидарными.

Не особенно-ли цѣнно отвѣтственному руководителю всего заведенія черезъ эти организаціи заглянуть въ душу массы? Не выгодно ли и отдѣльному преподавателю раздѣлить съ нимъ это преимущество? Чувство, что ты членъ организма и несешь отвѣтственность не только за свой классъ, но и за все заведеніе, знакомо далеко не всѣмъ коллегамъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что опасность товарищества, на которую Ферстеръ справедливо указываетъ (Школа и Характеръ стр. 24), такимъ путемъ легко устраняется. Пока эта общественная жизнь остается нѣкоторымъ образомъ въ тайнѣ, — худые, обычно смѣлые элементы легко завладѣваютъ другими. Но, если классъ долженъ, собственными выборами, открыто указать, кого онъ считаетъ достойнымъ своего доверія, то уже самоуваженіе и боязнь общественнаго мнѣнія удержатъ его отъ выбора недостойныхъ. Я, по крайней мѣрѣ, убѣдился —

и другіе съ этимъ согласны, что ученики выбираютъ на должности такихъ товарищей, которые пользуются довѣріемъ учителей. Въ крайнемъ случаѣ послѣдніе имѣютъ вѣдь право не утверждать выборовъ. Такимъ образомъ хорошіе элементы достигаютъ господства, и является возможность управлять съ учениками, а не противъ нихъ. Я съ особымъ удовольствіемъ слышалъ отъ одного изъ бывшихъ моихъ абитуриентовъ, который давно уже занимаетъ отвѣтственный постъ директора банка и который былъ въ школѣ хорошимъ, но не образцовымъ ученикомъ, восторженное сочувствіе этой мысли.

Нѣкоторые доклады отклоняютъ самоуправленіе, потому что оно является плодомъ американскихъ и республиканскихъ идей, которыя не подходятъ къ нѣмецкимъ условіямъ жизни; въ 15-омъ докладѣ ¹⁾ даже говорится, что „въ такомъ государствѣ, какъ Пруссія, которое съ такою силою управляется сверху, приученіе къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ поведетъ потомъ въ жизни ко многимъ горькимъ послѣдствіямъ“. Правда, первый докладчикъ въ 8-омъ положеніи возражаетъ на это. Но аргументъ слишкомъ опасенъ, и я хочу еще кое-что сказать, такъ какъ онъ ослѣпляетъ своею кажущеюся силою. Вѣдь уже социаль-демократическій депутатъ Ледебуръ въ засѣданіи Рейхстага 26 ноября 1910 года сказалъ, что самоуправленіе должно быть расширено въ государствѣ, оно должно распространиться и на школу. Вотъ до чего мы, значитъ, дошли: мы являемся распространителями социаль-демократическихъ идей. Но очевидно, что Ферстеръ тутъ не понять. Онъ самъ вѣдь хвалитъ (Школа и характеръ стр. 164) Lagrange-City въ Толедо (Ohio), такъ какъ она отличается благоразумнымъ воздержаніемъ отъ слишкомъ сильнаго подражанія политическимъ учрежденіямъ. „Ученики школы Lagrange сами школою не управляютъ. Учителя того взгляда, что у нихъ нѣтъ необходимаго

опыта и знанія жизни. Ограничиваются привлеченіемъ ихъ къ содѣйствію и возлагаютъ на нихъ извѣстную обязанность и отвѣтственность, за исполненіемъ которыхъ наблюдаютъ. А на стр. 168 онъ настойчиво совѣтуетъ и „облечь это самоуправленіе въ форму національнаго управленія“. Валентинъ Тротцендорфъ, какъ истый гуманистъ, организовалъ школьное самоуправленіе въ формѣ римской республики, но самъ онъ былъ dictator perpetuus. Мы живемъ въ конституціонной монархіи и мы примемъ это во вниманіе при введеніи самоуправления. Слова Герберта Спенсера, которыя приводитъ Ферстеръ въ своей лекціи о государственномъ воспитаніи (стр. 44), должны были бы и насъ заставить задуматься! Основная ошибка нашей школьной дисциплины, какъ полагаетъ Спенсеръ, заключается въ томъ, что она находится въ абсолютномъ контрастѣ съ духомъ всей современной жизни, она приучаетъ ученика къ атмосферѣ деспотическаго управленія и затѣмъ вдругъ выпускаетъ его въ общество, всецѣло зависящее отъ работы свободныхъ гражданъ. Сто лѣтъ тому назадъ, въ тяжеломъ положеніи нашего отечества, послѣ краха абсолютизма, городамъ дали самоуправленіе, какъ средство для возрожденія нашей родины, уже 60 лѣтъ мы имѣемъ конституцію, гарантирующую нашему народу участіе въ работѣ. Мы видимъ ежедневно, какъ эти мысли проникаютъ во всѣ проявленія общественной жизни; я напоминаю о рабочихъ со-вѣтахъ. Не будемъ же воображать, что эти идеи не останутся незамѣченными нашей молодежи, отчасти состоящей изъ юношей 17—20 лѣтъ. Противникамъ реформы Штейна Фрей тогда сказалъ прекрасныя слова: „Довѣріе облагораживаетъ человѣка, вѣчная опека приостанавливаетъ его развитіе“. Если все это мы примемъ къ свѣдѣнію, то и у насъ найдется мужество отъ абсолютной формы школьнаго управленія перейти къ болѣе или менѣе конституціонной. При этомъ припоминаю я

¹⁾ См. выше.

пока только, чтобы остаться въ политической параллели, до-мартовское время, когда провинціальныя ландтаги могли высказываться по поводу событій, касающихся ихъ родины.

О томъ, какимъ образомъ пытались осуществить самоуправленіе, говорилъ докладчикъ и даютъ отчетъ приложенныя школьныя правила. Мнѣ казалось желательнымъ точно обозначить пункты, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе, чтобы вся реформа принесла пользу, а не вредъ. Положеніе 7а, въ соотвѣтствіи съ 5-мъ положеніемъ доклада, хочетъ точно ограничить область, въ которой должно дѣйствовать самоуправленіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пошли дальше указаннаго здѣсь. Такъ, реальное училище въ Крефельдѣ сообщаетъ, что лучшіе ученики помогали болѣе слабымъ, а школьныя правила реальной гимназіи въ Эльберфельдѣ совѣтуютъ предоставить какъ можно больше мѣста товарищескому взаимному вліянію также и въ духовной области. Я думаю, что этого можно достигнуть только въ интернатахъ, а въ нашихъ школахъ скорѣе можетъ представить извѣстную опасность. Но, навѣрное, тамъ, гдѣ оно возможно, оно принесетъ большую пользу.

Въ противоположность этому, я отклоняю проектъ правилъ реальной гимназіи въ Эльберфельдѣ, гдѣ рекомендуется при установленіи характеристики ученика (поведеніе, вниманіе и т. д.), а также при оцѣнкѣ проступковъ иногда принимать во вниманіе мнѣніе довѣреннаго лица и другихъ должностныхъ лицъ класса. Этимъ учитель показалъ бы, что онъ не въ состояніи исполнить одного изъ основныхъ требованій своей должности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я допускаю, что можно посоветоваться съ довѣреннымъ ученикомъ класса, если мы замѣчаемъ поражающее, непонятное пониженіе успѣховъ какого-нибудь ученика. Вѣдь мальчики знаютъ другъ о другѣ гораздо больше, чѣмъ мы; тогда при случаѣ можно бу-

детъ узнать о тѣлесныхъ или духовныхъ препятствіяхъ, о семейныхъ обстоятельствахъ, которыя ученикъ не рѣшается сообщить, потому что онъ слишкомъ боязливъ, гордъ, замкнутъ, смотря по его характеру. Рекомендуются также давать свѣдѣнія и объ устныхъ отвѣтахъ, которые записываются; тогда довѣренное лицо можетъ сообщить сейчасъ же послѣ урока нѣкоторыя обстоятельства, намъ неизвѣстныя и могущія повліять на наше сужденіе. Особенно важнымъ я считаю участіе въ управленіи домомъ, инвентаремъ, коллекціями, такъ какъ это способствуетъ пробужденію и воспитанію въ ученикахъ чувства отвѣтственности. Въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ этого нѣтъ, ученики равнодушно относятся къ движимому и недвижимому имуществу своей школы; въ юношескомъ озорствѣ и страсти къ разрушенію они постоянно разрушаютъ это имущество и порча вещей, виновники которой, вслѣдствіе духа товарищества, остаются неоткрытыми, даетъ поводъ къ разслѣдованіямъ и наказаніямъ. Это измѣнится, если ученикъ будетъ заботиться и отвѣчать за свой классъ, школьный домъ съ его устройствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ имѣть возможность открыто высказывать свои взгляды и желанія.

Получается чувство, подобное чувству рабочаго, который обосновывается на опредѣленномъ мѣстѣ. „Что-нибудь онъ долженъ называть своимъ, а не то человекъ будетъ губить и рубить“. Все дѣлаетъ школьный домъ ученикамъ дорогимъ и пріятнымъ, улучшаетъ также отношенія учащихся и учащихся. Эти ужъ сумѣютъ воспрепятствовать умышленной порчѣ, такъ какъ она будетъ направлена какъ бы противъ ихъ собственности; случайныя же и неумышленныя возмѣстятъ виновники и, такимъ образомъ, отпадетъ необходимость внимательства или отпирательства.

Сколько тутъ откроется возможности приложить силы, лежавшія до того втунѣ. Одинъ ученикъ моего прежняго

заведенія сдѣлать простыми средствами прекрасный музыкальный шкафъ для оркестрового кружка. Тамъ же многое сдѣлано для кабинета во время добровольныхъ работъ по физикѣ. Съ удовольствіемъ я припоминаю въ добрый часъ о планѣ, возникшемъ среди коллегъ, чтобы по возможности переплести школьной библіотеки изготовлялись только учениками. Не одинъ неприглядный школьный домъ можно было бы украсить цвѣтами, взращенными молодежью.

Въ два дня я получилъ однажды, благодаря школьной организации, прекрасный инвентарь всѣхъ помѣщений учебнаго заведенія. Что ученики умѣютъ сами организовать путешествія, прогулки, празднества и любятъ это дѣло, это, навѣрное, испытали уже многіе изъ насъ.

О благоприятныхъ результатахъ этого можно прочесть въ сочиненіи Вальтера „Воспитаніе учениковъ на самоуправленіи“ (M. f. h. Sch. 1910, стр. 253 и сл.). Все это способствуетъ пробужденію и процвѣтанію того школьнаго и класснаго духа, безъ котораго не можетъ существовать настоящее воспитательное обученіе.

Нѣкоторые защитники самоуправления хотѣли предоставить ученикамъ право наказанія. Тротцендорфъ осуществлялъ его черезъ свой магистратъ, на засѣданіяхъ котораго онъ постоянно присутствовалъ и рѣшенія котораго онъ исполнялъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Ферстеръ неоднократно вступаетъ за эту мысль¹⁾, а Продингеръ пространно перечисляетъ мѣры, принятія имъ для осуществленія ея²⁾. Я по многимъ причинамъ отвергаю эту мысль. Ученики, которые сами еще нуждаются въ воспитаніи, по моему мнѣнію, недостаточно зрѣлы, чтобы за проступки своихъ товарищей подвер-

¹⁾ z. B. Staatsbürgerliche Erziehung S. 45.

²⁾ Prodinger Dr. K. Verfassungsentwurf für eine Schulgemeinde an einer Anstalt mit Schülern verschiedener Nationalitäten Pola 1910 s. 15 ff.

гать ихъ наказаніямъ, предусмотрѣннымъ нашими школьными правилами. Столь цѣнное чувство товарищества подвергается опасности пострадать отъ этого, и самоуправленіе лишится лучшаго воспитательнаго средства — товарищескаго воздѣйствія.

Этимъ товарищескимъ воздѣйствіемъ въ общемъ ограничивается и образцовая школа во Франкфуртѣ, которая дала ему особую форму (Вальтеръ стр. 253). Съ другой стороны, я считаю желательнымъ такихъ товарищей, которые не желаютъ подчиняться ученическому управленію, исключать изъ него и поставить ихъ подъ непосредственный надзоръ учителей. Возражаютъ, что такимъ образомъ ученики получаютъ только новыя обязанности, но не новыя права. Прежде всего послѣднее не совсѣмъ вѣрно. Они получаютъ право высказывать свое мнѣніе и возможность свободно высказывать свои мысли и желанія, принимать участіе въ украшеніи своей классной комнаты, принимать дѣятельное участіе въ увеличеніи и заведываніи коллекціями. Теперь, право, настало время, чтобы преисполниться тѣмъ духомъ, который 100 лѣтъ тому назадъ возстановилъ наше униженное отечество. „Воодушеви родъ человѣчскій сначала къ его обязанностямъ, а потомъ къ его праву“, сказалъ Гнейзенау. О правахъ ребенка теперь говорятъ больше, чѣмъ надо. Мы будемъ ему больше говорить объ его обязанностяхъ и ихъ исполненіи, какъ о вполнѣ естественной вещи, за которую нѣтъ основанія требовать, какъ компенсаціи, права. Школьные правила обязываютъ соблюдать каждый, который вступаетъ въ школьную общину и отвѣчаетъ не только за себя самого, но и за все цѣлое.

Тезисы 7 с и d сами говорятъ за себя. Директоръ Гогенцоллернской гимназіи въ Дюссельдорфѣ совершенно справедливо видитъ въ преждевременной кодификаціи самое вѣрное средство, чтобы глубокія истины Ферстера испортить и сдѣлать ихъ чисто внѣшними. Съ дру-

гой стороны въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ только нѣкоторые учителя съ интересомъ относятся къ самоуправленію, не слѣдуетъ его вводить, наоборотъ, оно можетъ сдѣлаться опаснымъ этому. Примѣры можно было бы привести уже и теперь.

Мое 8-ое положеніе еще разъ хочетъ указать на пользу, которую приноситъ проведеніе мыслей Ферстера для гражданскаго воспитанія. Не то главное, что ученики упражняются въ формѣ выборовъ, но то, что они учатся подчиняться пользѣ цѣлаго, чувствуютъ себя за это отвѣтственными, чтобы въ небольшихъ размѣрахъ дѣлать то, что они потомъ будутъ въ большей степени дѣлать мужами. Какъ разъ въ наше время, когда политикой владѣютъ особы матеріальные интересы, она имѣетъ громадное значеніе. Кромѣ того, самоуправленіе помогаетъ воспитывать ихъ къ руководящей роли, — вопросъ, о которомъ Ферстеръ (Гражд. восп. стр. 25 и 43), въ связи съ воспоминаніями нѣмецкаго офицера, дѣлаетъ важныя замѣчанія. Должностныя лица школьной общины должны пробиться, пріобрѣсти себѣ авторитетъ, съ тактомъ относиться къ младшимъ своимъ товарищамъ и быть предусмотрительными въ своихъ распоряженіяхъ. Кто при этомъ увидѣлъ, что приказывать совсѣмъ не такъ легко, тотъ съ совсѣмъ другой готовностью будетъ повиноваться.

Какъ вѣрно оцѣниваютъ все это ученики во время и послѣ своего пребыванія въ школѣ, показываютъ примѣры въ докладѣ Вальтера (стр. 250, 251, 258 и сл.). Въ особенности пріятно поражаютъ слова одного кандидата богословія, который указываетъ, что самоуправленіе улучшаетъ не только внутреннія отношенія къ школьной жизни, но имѣетъ цѣнность для всей жизни.

Наконецъ, исполненіе идей Ферстера въ личныхъ интересахъ учительскаго сословія; можетъ быть, это поможетъ привлечь на нашу сторону и противниковъ реформы. Вся система надзора, въ такомъ видѣ, въ какомъ

она существуетъ теперь, не можетъ удовлетворить никого изъ заинтересованныхъ — ни преподавателей, ни директоровъ. Какъ уже было указано выше, въ этомъ есть какая-то мелочность, требуется много времени и силъ и не поднимается престижъ сословія въ глазахъ общества. Какъ желательно, чтобы большая часть этой „службы порядка“, забота о домѣ и дворѣ, поддержаніе дисциплины въ перемѣны и внѣ школы были отняты отъ учителей! И офицеръ не несетъ унтеръ-офицерской службы. Какое впечатлѣніе, на примѣръ, получается, если при похоронахъ классы ведутся учениками, а всѣ преподаватели спокойно идутъ сзади. Обыкновенно такъ бываетъ, что мальчишеское баловство легко заставляетъ насъ играть нѣсколько смѣшную роль передъ публикой. И какъ разъ эти небольшія чисто-внѣшнія обстоятельства удерживаютъ не одного сына изъ хорошаго семейства отъ нашей профессіи, хотя онъ, можетъ быть, и имѣетъ къ ней призваніе и склонность. Наше національное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ наши претензіи на соотвѣтствующее уваженіе, безъ сомнѣнія, увеличатся, если мы и въ этихъ областяхъ постараемся сдѣлать изъ довѣренныхъ намъ юношей хорошихъ гражданъ.

Принятія положенія. ¹⁾

1) Ферстеръ настолько углубляетъ современные вопросы школьнаго воспитанія, что самоиспытаніе и возобновленное изслѣдованіе внутренняго отношенія между средней школой и ея учителями является желательнымъ. Отношенія эти страдаютъ, главнымъ образомъ, отъ того, что воспитатели и воспитанники раздѣляются на двѣ рѣзко-противоположныя массы, чѣмъ создается особая школьная мораль.

2) Новое въ предложеніяхъ Ферстера заключается въ томъ, что онъ не смотритъ, какъ всѣ, на школьную дисциплину, какъ на чисто внѣшнее средство, чтобы сдѣлать возможнымъ преподаваніе, какъ важный факторъ при самовоспитаніи.

3) Средняя школа — слишкомъ школа ума; между тѣмъ наши измѣненныя культурныя и соціальныя условія требуютъ, чтобы она не ограничивалась передачей выработаннаго программами и заботой о вызываемомъ правами научномъ матеріалѣ, но больше, чѣмъ раньше занялась образованіемъ характера.

¹⁾ Директорскимъ съѣздомъ въ Рейнской провинціи.

4) Какъ и прежде, главнымъ воспитательнымъ средствомъ средней школы остается серьезная, научная, начиная съ низшихъ классовъ, работа. Но школа должна съ одной стороны яснѣе понять тѣ опасности, которыя содержитъ въ себѣ эта работа для характера иного ученика, а съ другой нравственно образовательные моменты, которые она содержитъ, при чемъ послѣдніе не должны навязчиво проповѣдываться ученикамъ.

5) Хотя введеніе особыхъ уроковъ морали слѣдуетъ отклонить, но все-таки на этику слѣдуетъ обращать больше вниманія, чѣмъ теперь, на урокъ Закона Божія за счетъ догматики, урокахъ философской пропедевтики рядомъ съ логикой и психологіей.

6) Учитель долженъ стараться безъ принудительныхъ мѣръ и тѣлесныхъ наказаній, любовнымъ отношеніемъ къ самобытности ученика и довѣріемъ, основанномъ на сильномъ личномъ авторитетѣ, создать хорошее и честное отношеніе между ученикомъ и школой.

7) Это достигается главнымъ образомъ тогда, если учитель и во внѣурочное время встрѣчается съ учениками и направляетъ ихъ къ самодѣтельности.

8) Справедливому требованію при преподаваніи развивать самодѣтельность соответствуетъ стремленіе привлечь учениковъ и къ работѣ надъ школьной дисциплиной и такимъ образомъ использовать массу неупотребленныхъ силъ.

9) Этому можетъ помочь организація школьной общины, которая при помощи свободнаго обмѣна мыслей, даетъ возможность ознакомиться съ мнѣніями и желаніями молодежи, привлечь къ господству хорошіе элементы и такимъ образомъ предупредить опасности товарищества.

10) Нѣтъ основанія опасаться, что самоуправленіе воздѣйствуетъ въ худомъ смыслѣ, демократизирующимъ образомъ.

11) Введеніе самоуправленія не должно быть официальнымъ, но предоставлено свободному усмотрѣнію отдѣльныхъ учебныхъ заведеній. Самое лучшее, примыкать къ существующимъ школьнымъ кружкамъ, чтобы оттуда постепенно охватить все учебное заведеніе.

12) Хотя въ полномъ объемѣ его можно ввести только въ интересахъ, но оно приноситъ пользу и нашей школѣ, расширяя религиозное и національное воспитаніе въ сторону социальную и гражданскую. Оно отдѣльное лицо заставляетъ сознательно и радостно присоединяться къ цѣлому и чувствовать себя отвѣтственнымъ за цѣлое.

13) Но оно не должно замѣнить формальнаго авторитета учителей автократіей учениковъ, и не вести къ недоувѣрью и доносамъ, но должно быть одушевлено товарищескимъ духомъ.

14) Устройство нашего школьнаго дѣла въ духѣ Ферстеровскихъ идей соответствуетъ и личнымъ интересамъ учителей.

15) Мы никогда не будемъ въ состояніи создать идеальную школу, отвѣчающую всѣмъ требованіямъ, но постоянно должны работать надъ этой задачей, чтобы на практикѣ приблизиться къ идеалу. Центр и теперь лежитъ въ томъ, чтобы учитель былъ человѣкъ съ характеромъ, человѣкъ образованный, но и съ чуткимъ сердцемъ. Учитель долженъ себя чувствовать не только учителемъ, но и воспитателемъ. Надо стараться, чтобы свобода развернуть свою личность не стѣснялась бы безъ нужды.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Школьные правила съ школьнымъ самоуправленіемъ.

I.

Реальное училище и реальная гимназія въ Ахенѣ.

Школьное самоуправленіе.

Если ученики здѣсь впервые привлекаются къ самоуправленію, то это дѣлается съ цѣлью создать довѣріе между учителями и учениками и добровольное подчиненіе избранному ими правленію вмѣсто односторонняго принужденія, пробудить въ нихъ сознаніе цѣлесобразности хорошо организованнаго и защищающаго ихъ интересы школьнаго государства, воспламенить сердца стремящейся ко всему идеальному молодежи къ порядку и закону, къ правдивости, праву и чести, а также къ ихъ собственной работѣ и собственной отвѣтственности и такимъ образомъ сдѣлать изъ воспитанниковъ истинно-нравственныхъ людей. По этой системѣ вмѣстѣ съ тѣмъ должно подготавливаться воспитаніе къ практическимъ задачамъ будущаго гражданина. Главныя черты самоуправленія заключаются въ слѣдующихъ рѣшеніяхъ:

§ 1.

Школьному самоуправленію служатъ классныя и общія собранія.

§ 2.

Классное собраніе имѣется въ каждомъ классѣ, въ 1 классѣ лишь во второй трети года, и къ нему принадлежатъ:

1) Довѣренное лицо. Онъ представитель класса со всѣми друзьями. Классная гигиена (чистота, провѣтриваніе, температура) и соблюдение порядка въ классѣ—его обязанность.

2) Управляющій. Онъ завѣдуетъ всѣмъ инвентаремъ классной комнаты, заботится о мѣлѣ, чернилахъ, губкѣ, чистотѣ доски, приноситъ для уроковъ географіи и естествознанія предметы для нагляднаго обученія, а также физическіе приборы, когда преподаватель этого требуетъ, и послѣ употребленія уносить ихъ обратно.

3) Библіотекаръ. Онъ подѣ главнымъ надзоромъ класснаго наставника заботится о составѣ и порядкѣ школьной бібліотеки и вѣдаетъ въ опредѣленные дни книги для ученической бібліотеки.

4) Завѣдующій класснымъ журналомъ. Онъ отвѣчаетъ за аккуратное веденіе класснаго журнала. На послѣднихъ страницахъ онъ записываетъ результаты выборовъ, а также потерю активнаго и пассивнаго избирательнаго права.

Въ случаѣ необходимости замѣняютъ другъ-друга: довѣренное лицо и управляющій, бібліотекаръ и завѣдующій журналомъ.

§ 3.

Задача класснаго совѣщанія состоитъ въ поддержаніи класснаго порядка и хорошихъ нравовъ среди товарищей и обсужденіе классныхъ дѣлъ. Свои пожеланія совѣщаніе черезъ довѣреннаго передаетъ классному наставнику.

§ 4.

Выборы въ классное совѣщаніе происходятъ въ первый день каждой трети, въ присутствіи класснаго наставника, который разрѣшаетъ выборы. Передъ выборами онъ разъясняетъ ученикамъ значеніе самоуправленія. Выборы тайные, баллотируютъ записками. Принятіе должности дѣло чести, переизбраніе допускается.

§ 5.

Общее совѣщаніе состоитъ изъ довѣренныхъ лицъ классовъ. Оно собирается, когда въ томъ встрѣчается надобность, подъ предсѣдательствомъ избраннаго имъ предсѣдателя. Порядокъ дня долженъ раньше быть сообщенъ директору.

§ 6.

Въ задачу общаго совѣщанія входятъ: защита интересовъ учениковъ, забота о чести учебнаго заведенія и приличномъ поведеніи учениковъ внѣ школы, а также соблюденіе спокойствія, порядка и чистоты въ корридорахъ и на школьномъ дворѣ. Необходимыя дежурства члены совѣщанія распредѣляютъ среди своихъ членовъ. Желанія всѣхъ учениковъ оно передаетъ директору черезъ своего предсѣдателя.

§ 7.

Отъ всѣхъ учениковъ ожидается, чтобы они подчинялись распоряженіямъ избраннаго ими начальства. Учениковъ, которые не подчиняются довѣренному классу, классное совѣщаніе можетъ лишать активнаго и пассивнаго избирательнаго права. Точно также цѣлые классы, которые не подчиняются главному собранію, могутъ распоряженіемъ этого собранія быть лишены своего въ немъ представительства.

§ 8.

Дѣятельность главнаго собранія находится подъ надзоромъ директора и совѣта. Жалобы учениковъ на членовъ собранія направляются къ директору.

§ 9.

Если истинный духъ самоуправленія проникнетъ въ среду учениковъ, наказанія могутъ сильно уменьшиться и сдѣлаться исключеніемъ. Школьные наказанія слѣдующія:

1) Наказанія чести: устный выговоръ, выговоръ въ классномъ журналѣ, сообщеніе родителямъ и лишеніе пассивнаго и активнаго избирательнаго права.

2) Лишеніе свободы: оставленіе послѣ уроковъ и карцеръ до двухъ часовъ.

3) Совѣтъ родителямъ взять ученика изъ заведенія.

4) Удаленіе ученика изъ заведенія.

Условное наказаніе (отложеніе наказанія) допускается въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности при первомъ проступкѣ.

Ахенъ, Май 1909.

Директоръ: ванъ-Гаагъ.

II.

Королевская реальная гимназія въ Эльберфельдѣ.

Проектъ школьныхъ правилъ съ ученическимъ самоуправленіемъ.

§ 1.

Общія правила для средней школы Рейнской провинціи отъ 1-го февраля 1891 остаются безъ измѣненія; къ § 14 д и і дѣлается то-же добавленіе, что и въ § 14 а: „если со стороны учебнаго заведенія не послѣдовало другого разрѣшенія“.

§ 2.

Всѣ классы, начиная съ перваго класса (первый только во второй трети года) записками избираютъ довѣренное лицо. Онъ передаетъ директору и учителямъ желанія класса. Классная гигиена (чистота, провѣтриваніе, температура и т. д.) составляетъ предметъ его заботы. Въ отсутствіи учителя онъ увѣщаніемъ поддерживаетъ спокойствіе и порядокъ. Онъ также довѣренное лицо класснаго наставника.

§ 3.

Довѣренные старшихъ классовъ и ихъ замѣстители составляютъ совѣтъ, задача котораго состоитъ въ поддержаніи тишины, порядка и чистоты въ корридорахъ и на школьномъ дворѣ. Онъ въ согласіи съ директоромъ распредѣляетъ мѣста и игры для своихъ товарищей, черезъ своего выборнаго онъ докладываетъ директору объ общихъ желаніяхъ всѣхъ учениковъ.

§ 4.

Кромѣ того, отъ всѣхъ классовъ выбираются:

1) Хронистъ или письмоводитель. Онъ ведетъ хронику класса. Въ особенности онъ въ ней отмѣчаетъ результатъ выборовъ, отзывы, данные учениками о должностныхъ лицахъ, при исполненіи ими ихъ обязанностей (см. § 7), поступленіе и выходъ изъ школы, особыя заслуги отдѣльныхъ учениковъ, и изъ наказаній—потерю активнаго и пассивнаго избирательнаго права.

2) Управляющій. Подъ его наблюденіемъ находится весь инвентарь классной комнаты, онъ заботится о мѣлѣ, чернилахъ,

губкѣ, чистотѣ доски, приносить карты. Онъ во время уроковъ хранить ключъ отъ класса и во время перемѣнъ отмыкаетъ и замыкаетъ его. Ему также можетъ быть поручена и классная гигиена.

4) Библиотекаръ.

5) Хранитель класснаго журнала.

§ 5.

Одновременно выбираются замѣстители. Выборы происходятъ въ присутствіи класснаго наставника, который вмѣстѣ съ директоромъ утверждаетъ ихъ. Передъ выборами классный наставникъ долженъ объяснить своимъ ученикамъ обязанности каждой должности. При вступленіи въ должность избранные общаются относительно къ своимъ обязанностямъ честно и по совѣсти. Принятіе должности—дѣло чести.

§ 6.

Ни одинъ ученикъ не смѣетъ, обыкновенно, въ томъ же учебномъ году завѣдывать одной и той же должностью больше трети года.

§ 7.

Въ концѣ каждой трети года исполненіе должностей подлежитъ обсужденію класса и учителей. Хронистъ долженъ результаты занести въ хронику. Дѣятельность совѣта довѣренныхъ (см. § 3) обсуждается директоромъ и педагогическимъ совѣтомъ. Жалобы учениковъ на членовъ совѣта направляются къ директору.

§ 8.

При выставленіи четвертныхъ отмѣтокъ за поведеніе и прилежаніе рекомендуется иногда принимать во вниманіе мнѣніе довѣреннаго и другихъ должностныхъ лицъ.

§ 9.

Какъ можно больше простора дается взаимному товарищескому воздѣйствію на нравственное, душевное и тѣлесное развитіе.

§ 10.

Наказанія:

1) Наказанія чести: виновный подвергается: а) устному, в) письменному выговору (въ журналѣ), с) сообщенію родителямъ, d) потерѣ активнаго и пассивнаго избирательнаго права (отмѣтки объ этомъ въ хроникѣ) и отдачѣ подъ непосредственный надзоръ учителя.

2) Лишеніе свободы: арестъ и карцеръ.

3) Тихое удаленіе.

4) Исключеніе изъ учебнаго заведенія.

Условное наказаніе допускается и часто рекомендуется.

§ 11.

Каждый учитель отвѣчаетъ за исполненіе обязанностей лицами, находящимися подъ его надзоромъ. Съ увеличивающейся зрѣлостью классовъ надзоръ учителей ограничивается присмотромъ.

III.

Реальная гимназія въ Эссенѣ.

Цѣль, устройство и задача ученическаго самоуправленія.

I.

Цѣль самоуправленія.

1) Школьное самоуправленіе преслѣдуетъ цѣль, привлекая молодежь къ надзору въ школѣ, приучить ее къ самостоятельности, пробудить и усилить въ ней чувство ответственности будущихъ гражданъ и побудить ихъ этимъ къ самовоспитанію.

2) Принятіе части школьнаго надзора кажется для этого подходящимъ, такъ какъ ученикъ, наблюдая недостатки и ошибки своихъ товарищей, стремится испытать себя и избѣгать того, что онъ долженъ хулить у другихъ.

3) Самоуправленіе не есть установленіе, которое исполняетъ свои задачи параллельно или совершенно независимо отъ воспитательной работы педагогическаго совѣта. Принимая на себя часть обязанностей учителей и облегчая этимъ ихъ работу, оно рассчитываетъ скорѣе на его поддержку и помощь.

4) Разумною совмѣстною работою педагогическаго персонала и самоуправления хотять создать болѣе тщательный надзоръ надъ воспитаніемъ учениковъ, поддерживать порядокъ, дисциплину и нравственность всей школы и всѣмъ этимъ вызвать процвѣтаніе школы и признаніе ея внѣ стѣнъ учебнаго заведенія.

II.

Устройство самоуправленія.

1) Каждый классъ выбираетъ изъ своихъ сочленовъ „наблюдателя за порядкомъ“, подъ руководствомъ класснаго наставника. Наблюдатели классовъ 5—8 кл. составляютъ совмѣстно съ довѣренными выпускныхъ учениковъ совѣтъ, которому поручается завѣдываніе самоуправленіемъ.

Выборы утверждаются класснымъ наставникомъ.

2) Выборы тайные и рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Каждый ученикъ обязанъ принимать участіе въ выборахъ. При равенствѣ голосовъ рѣшаетъ жребій.

3) Каждый выборный исполняетъ свою обязанность третью года. Переизбраніе допускается, а отказъ отъ выборовъ нѣтъ.

4) Совѣтъ выбираетъ изъ своей среды председателя, его замѣстителя и писмоводителя. Ихъ выборы утверждаются директоромъ, съ которымъ вступаетъ въ переговоры председатель.

5) Наблюдатель заботится о порядкѣ и чистотѣ класса. Необходимыя при этомъ работы исполняются учениками, которые ежедневно смѣняются.

6) Къ наблюдателямъ классовъ: 2-го до 5-го кл. прикомандировывается, какъ старшина, ученикъ старшихъ классовъ, который отвѣчаетъ за исполненіе надзора въ этомъ классѣ.

7) Совѣтъ съ согласія директора можетъ отрѣшить отъ долж-

ности доверенного или старшину за плохое исполнение своих обязанностей.

8) Советъ собирается смотря по необходимости, чтобы обсуждать и приводить въ исполненіе дѣла управленія. Письмоводитель хранить протоколъ засѣданія.

9) Советъ изъ своей среды выбираетъ четырехъ учениковъ, которые, подъ предѣлательствомъ предѣлателя совѣта, рѣшаютъ дисциплинарныя дѣла. Обвиняемый можетъ избрать себѣ защитника.

10) Судъ имѣетъ право дѣлать предупрежденіе, простой или строгій выговоръ (отъ всего совѣта) цѣлымъ классамъ и отдѣльнымъ ученикамъ, а также наказывать учениковъ арестомъ съ согласія класснаго наставника. Проступки, по мнѣнію суда заслуживающіе болѣе высокаго наказанія, представляются, вмѣстѣ съ предлагаемымъ наказаніемъ, на усмотрѣніе директора, который, въ случаѣ необходимости, представляетъ ихъ педагогическому совѣту. Наказанія могутъ быть усилены тѣмъ, что они объявляются въ классахъ, съ обозначеніемъ проступка. Судъ не имѣетъ права наказывать приготовительный классъ. Классы, недостойные самоуправленія, могутъ быть исключены изъ него до конца учебнаго года; кромѣ того, отдѣльныхъ учениковъ на нѣкоторое время можно лишать избирательнаго права.

Для дальнѣйшей разработки самоуправленія въ совѣтѣ ведется книга, въ которую вносятся проекты улучшенія и расширенія самоуправления.

III.

Задачи самоуправленія.

1) Советъ имѣетъ надзоръ надъ поведеніемъ всѣхъ учениковъ въ учебномъ заведеніи и внѣ его, въ чемъ ему помогаютъ выпускные ученики и старшины. Эти имѣютъ право и обязанность препятствовать безобразіямъ.

2) Особеннаго такта требуетъ надзоръ внѣ учебнаго заведенія. Онъ долженъ быть дружескимъ и товарищескимъ. Только въ крайнемъ случаѣ слѣдуетъ извѣщать совѣтъ, класснаго наставника и директора.

3) Доверенные заботятся о порядкѣ и чистотѣ на школьномъ дворѣ, во всѣхъ помѣщеніяхъ школьнаго дома, въ особенности же классовъ и гимнастическаго зала.

4) Старшина ежедневно долженъ осматривать свой классъ и посмотреть, въ порядкѣ ли классные шкафы и чистота комнаты и т. д. Онъ другъ, доверенный и совѣтникъ вѣреннаго ему класса.

5) Для молитвы, богослуженій и празднествъ назначаются особые наблюдатели, также и для пособій для нагляднаго обученія (произведенія искусствъ, карты и т. д.), которые находятся въ классахъ и корридорахъ, а также гимнастическихъ аппаратовъ.

6) Предоставлять ли, и если предоставлять, то въ какомъ объемѣ, ученикамъ завѣдываніе кабинетами и коллекціями, предоставляется усмотрѣнію учителя, которому они поручены.

7) Подготовительныя работы къ класснымъ прогулкамъ, посѣщенія техническихъ предпріятій и т. д. предоставляется, по возможности, ученикамъ.

8) Советъ заботится также о билетахъ въ театры, концерты и т. д. и предлагаетъ книги для увеличенія бібліотеки и т. п.

Ученики должны серьезно относиться къ самоуправленію, которое не должно вести къ бюрократизму и доносамъ. Всѣ предписанія должны показываться собственнымъ примѣромъ, и приказанія не должны отдаваться въ повелительномъ тонѣ. Только тогда получатся благоприятные результаты, если старшій ученикъ будетъ относиться къ младшему, какъ другъ и товарищъ, и только тогда самоуправленіе будетъ любимо учениками и заслужитъ всеобщее признаніе.

Директоръ: *Д-ръ Штейнке.*

Ессень, 1 октября 1911.

IV.

Гимназія въ М.-Гладбахѣ.

Проектъ школьныхъ правилъ съ ученическимъ самоуправленіемъ.

§ 1.

Всѣ классы, начиная со второго кл. (второй кл. только во 2-ой трети) и выше выбираютъ записками довереннаго. Онъ передаетъ классному наставнику желанія класса. Классная гигиена (чистота, провѣтриваніе, температура) и поддержаніе порядка—его обязанности.

§ 2.

Доверенные отъ пятого кл. и выше составляютъ советъ, задачей котораго является поддержаніе порядка, спокойствія и чистоты въ корридорахъ и на школьномъ дворѣ. Онъ распределяетъ корридоры и плацы между своими членами, въ случаѣ необходимости привлекая къ этому товарищей, которые выбираются советомъ изъ числа замѣстителей. Избранный имъ старшина передаетъ желанія всѣхъ учениковъ.

§ 3.

Кромѣ того, во всѣхъ классахъ тайнымъ голосованіемъ выбираются:

1) Хронистъ или письмоводитель, который, кромѣ того, завѣдуетъ класснымъ журналомъ. Онъ ведетъ хронику класса, отмѣчаетъ въ ней результаты выборовъ и потерю активнаго и пассивнаго избирательнаго права.

2) Управляющій. Онъ завѣдуетъ всѣмъ инвентаремъ классной комнаты, заботится о мѣлѣ, чернилахъ, губкѣ, чистотѣ доски, приноситъ карты и раздаетъ тетради (Онъ также помогаетъ при завѣдываніи классной бібліотекой).

§ 4.

Одновременно выбираются замѣстители. Выборы происходятъ въ присутствіи класснаго наставника, который ихъ разрѣшаетъ. Передъ выборами классный наставникъ объясняетъ ученикамъ обязанности должностныхъ лицъ и значеніе общественной собственности. Принятіе должности—дѣло чести.

§ 5.

Въ концѣ каждой трети происходятъ новые выборы. Переизбраніе разрѣшается.

§ 6.

Дѣятельность довѣренныхъ и совѣта обсуждаетъ директоръ и педагогическій персоналъ. Жалобы учениковъ на членовъ совѣта направляются къ директору.

§ 7.

Ученики и классы, не исполняющіе приказаній довѣреннаго или совѣта, могутъ съ разрѣшенія класса (совѣта) быть лишены активнаго и пассивнаго избирательнаго права.

Директоръ: *Зибуртъ*.

М. Гладбахъ. Въ мартѣ 1909.

Перевелъ Л. фонъ Беке.

III.

Къ вопросу о самоуправленіи учениковъ.

(Neue Jahrbücher f. d. kl. Altertum XXVII u. XXVIII Bandes, 8 Heft, S. 451—454).

Десятое Рейнское собраніе директоровъ, бывшее въ іюнѣ минувшаго года въ Боннѣ, занималось между прочимъ и защищаемою Ферстеромъ реформою школьнаго духа. При этомъ вспомнили объ одномъ случаѣ, разыгравшемся на Пасхѣ 1910 г. при отпускѣ абитуриентовъ Боннской городской классической и реальной гимназіи. Между представителемъ абитуриентовъ, Бернгардомъ Гудденномъ и директоромъ, д-ромъ Нипманномъ произошло откровенное объясненіе по поводу попытокъ ввести въ данную школу самоуправленіе. Одинъ изъ такихъ опытовъ былъ въ своемъ родѣ довольно оригиналенъ: въ связи съ чтеніемъ произведенія Аристотеля объ афинскомъ государственномъ устройствѣ ученикамъ было сдѣлано съ восторгомъ ими принятое предложеніе выбрать себѣ устройство-управленіе. Это сдѣлано было въ „конституирующемъ“ и въ „законодательномъ собраніи“, при чемъ по аттическому — и американскому — образцу введено было и наказаніе атиміи, т.-е. лишенія чести, но на очень короткое время, не свыше трехъ дней. Уже прежде практиковались небольшія денежные наказанія, отъ 5 до 10 пфенниговъ, которыя поступали въ общество спасанія на водахъ. Если учитель нарушалъ порядки, забывъ свою книгу или что-нибудь подобное, то ради

добраго примѣра онъ дѣлалъ свой взносъ. Теперь все это было занесено въ новую конституцію и даже расширено за неимѣніемъ другихъ наказаній, несмотря на нѣкоторыя возраженія и опасенія. Сказаннаго достаточно для пониманія обѣихъ рѣчей. Нечего и говорить, что конституція была недолговѣчна: дать народу, доселѣ управлявшемуся патріархально, конституцію и въ міровой исторіи рискованное предпріятіе. Закоренѣлые пороки, какъ знаменитую двойную мораль, можно вывести только постепенно, съ низшихъ ступеней. Это несомнѣнно явствуетъ и изъ слѣдующихъ за симъ рѣчей.

Рѣчь представителя воспитанниковъ.

„Требованіе болѣе свободы въ школѣ находило свое осуществленіе, между прочимъ, и въ попыткѣ ввести самоуправленіе; но мы не сумѣли сжиться съ этимъ устройствомъ въ самой школѣ. Основная идея представляется намъ очень симпатичною, но осуществленію ея мѣшаютъ очень серьезныя препятствія. Намъ представляется, что, если дать самоуправленію столько правъ, что дистанція между учителемъ и учениками слишкомъ уменьшится, это поведетъ къ невозможнымъ послѣдствіямъ. Всегда будутъ спорные вопросы между учителями и учениками; учитель долженъ остаться всегда правымъ; но тогда права самоуправленія и оно само дѣлаются призрачными. Если же отъ учителя посредствомъ самоуправленія только отняты будутъ наказанія, напри- мѣръ, за опаздыванія, забывчивость, лѣность, обманы, то мы считаемъ денежныя наказанія въ такихъ случаяхъ совершенно неумѣстными, такъ какъ въ противномъ случаѣ обладатели большихъ карманныхъ денегъ окажутся въ привилегированномъ положеніи. Съ другой стороны, примѣнять въ подобныхъ случаяхъ наказаніе, лишшающее провинившагося чести, намъ представляется

невозможнымъ, такъ какъ въ общемъ въ глазахъ воспитанниковъ допустившіе подобные проступки не совершили чего-либо задѣвающего честь. Остается первою задачею самоуправленія — поддержка внѣшняго порядка. Тутъ мы придерживаемся слѣдующаго мнѣнія: каждый ученикъ, обладающій чувствомъ приличія, станетъ прилично вести себя ради самого порядка и безъ принужденія. Тотъ же, у кого чувства приличія нѣтъ, тотъ еще менѣе склоненъ будетъ повиноваться своему товарищу-ученику, чѣмъ учителю. Мы вообще не думаемъ, чтобы воспитанникъ охотнѣе подчинялся своему товарищу, нежели учителю; развѣ что товарищъ этотъ обладаетъ особымъ авторитетомъ. Тутъ кроется какъ разъ второе затрудненіе — вопросъ о представителѣ. Такой представитель долженъ обладать авторитетомъ и правильно имъ пользоваться. Правда, такимъ авторитетомъ обладаетъ физическая сила, но невѣроятно, чтобы она всегда правильно примѣнялась. И возрастъ, связанный въ иныхъ случаяхъ съ соответствующимъ благоразуміемъ, здѣсь не можетъ играть соответствующей роли: вѣдь кто достаточно разуменъ, тому не приходится сидѣть въ классѣ до тѣхъ поръ, пока онъ дѣлается для него старъ. Наконецъ, хорошіе успѣхи обыкновенно вызываютъ наименьшій авторитетъ. Соединенными въ одномъ лицѣ эти качества встрѣчаются крайне рѣдко, имѣть же двухъ или трехъ представителей класса — это хуже, чѣмъ не имѣть ни одного. Является также и такая опасность: въ случаѣ, когда ученики сами о себѣ пекутся, дурные элементы въ состояніи пріобрѣсти гораздо болѣе вліяніе и быть вреднѣе, чѣмъ подъ надзоромъ преподавателей. — Самоуправленіе главнымъ образомъ должно служить борьбѣ съ двойною моралью въ школѣ; но мы не думаемъ, что избранная дорога правильна, потому что, по мнѣнію учениковъ, не противъ учителя, какъ человѣка, все позволено, а только учитель, какъ начальнигъ и надзиратель, считается вра-

гомъ. Если поэтому ученикъ дѣлается начальникомъ и надзирателемъ и серьезно относится къ своимъ обязанностямъ, то его также обманываютъ и также смотрятъ на него, какъ на врага, противъ котораго всѣ средства позволены, какъ раньше противъ учителя. Конечно, и онъ можетъ съ волками быть, и тогда самоуправленіе явится лишь средствомъ безъ стѣсненія дѣлать и не дѣлать, что заблагоразсудится. Поэтому мы считаемъ безцѣльнымъ начинать такіе опыты лишь съ 7-го класса, когда взгляды двойной морали слишкомъ окрѣпли, чтобы ихъ искоренить. По нашему мнѣнію, съ самаго начала надо больше стараться о томъ, чтобы такіе взгляды не зарождались“.

Отвѣтъ директора.

„Если Вы не приняли предложенныхъ Вамъ свободъ и особенно отрицательно отнеслись къ самоуправленію, то мнѣ и, конечно, моимъ сослуживцамъ было очень цѣнно выслушать причины, которыя Васъ къ этому привели. Я очень радъ и весьма признателенъ Вамъ за то, что Вы высказались по вопросу съ полною открытостью. Прошу васъ съ своей стороны съ такимъ же безпристрастіемъ выслушать мой отвѣтъ.“

Вы говорите, во-первыхъ: весь экспериментъ излишенъ; между учителями и учениками царятъ вполне удовлетворительныя отношенія; учителя не злоупотребляютъ своею властью, ученики—признанной за ними, вполне достаточной свободой. Зачѣмъ же *quieta movere*?

Я охотно соглашаюсь и радуюсь возможности подтвердить, что въ нашей школѣ въ этомъ отношеніи—удовлетворительное, даже зачастую примѣрное положеніе дѣлъ, и царитъ прекрасное взаимное довѣріе между учителями и большинствомъ учениковъ. Но при нынѣшнихъ попыткахъ установить среди учениковъ самоуправленіе

дѣло идетъ не объ отдѣльномъ учебномъ заведеніи, а о принципѣ, примѣнимости или непримѣнимости котораго желательно испытать. Для такого опыта, съ другой стороны, гораздо пригоднѣе школа, въ которой существуютъ хорошія взаимоотношенія между учениками и учителями, нежели школа, гдѣ наблюдается какъ разъ обратное. А такихъ школъ нынче имѣется вѣдь еще достаточное число. Да и у насъ не все такъ, какъ должно бы быть. Прежде всего намъ постоянно приходится жаловаться на ложь и обманъ не только со стороны худыхъ и испорченныхъ элементовъ, которые найдутся въ каждой школѣ, но и со стороны вполне добропорядочныхъ въ другихъ отношеніяхъ и честныхъ учениковъ. Это проклятіе двойной морали, которое отравляетъ доброе отношеніе учениковъ къ учителямъ и постоянно нарушаетъ между ними полное довѣріе.

То, что они по отношенію къ своимъ товарищамъ считаютъ несправедливымъ и даже подлымъ, то очень многіе и изъ нашихъ питомцевъ считаютъ позволненнымъ по отношенію къ своимъ учителямъ. Я не смотрю на это такъ трагически, какъ многіе другіе, и не вижу въ этомъ неисправимаго нравственного дефекта, а скорѣе остатокъ человѣческой первобытности, которая въ каждомъ, указывающемъ ей извѣстныя границы, видитъ своего врага, бороться противъ котораго позволено всякимъ оружіемъ. Но такіе остатки первобытности не подходятъ къ культурной общинѣ; они должны подавляться. Въ патріархально управляемой школѣ это почти невозможно. Но дѣло во всякомъ случаѣ не только въ томъ, что учитель какъ можно больше устраняется, какъ врагъ, съ которымъ надо бороться, и его мѣсто занимаетъ товарищъ-ученикъ, по отношенію къ которому ложь и обманъ и измѣна считаются тѣмъ, чѣмъ они и на самомъ дѣлѣ являются, именно подлостью. Такъ смотрѣли на вещи и ученики реальной нашей гимназій, когда они въ своемъ

протестъ заявляли: „о, намъ нельзя будетъ больше плутовать, если установится этотъ новый порядокъ!“ Конечно, мои молодые друзья, никто изъ Васъ не имѣетъ въ виду этого послѣдняго соображенія, и мнѣ нѣтъ нужды на немъ останавливаться. То, что Вы затѣмъ проводите, сводится къ соображенію, что трудно и даже невозможно правильно установить компетенцію школьной организаціи и ея исполнительныхъ органовъ и найти подходящія силы, чтобы послѣднія соединяли должное пониманіе съ нужнымъ авторитетомъ. Что въ этомъ кроется большое затрудненіе, я охотно признаю и сознаюсь, что мы его еще отнюдь не побѣдили и не нашли еще вѣрнаго пути. Но вѣдь въ одной области ученической жизни, въ ученическихъ кружкахъ, самоуправленіе вполне упрочилось и сыграло полезную роль; объ этомъ только что упомянулъ и Вашъ представитель. Свобода и право самоопредѣленія, царящія тамъ, въ мои школьные годы были бы признаны совершенно невозможными и несовмѣстимыми съ школьною дисциплиною. Кто знаетъ, можетъ быть, то же случится въ школѣ и съ самоуправленіемъ? Быть можетъ, рѣшеніе вопроса въ ученическихъ кружкахъ дастъ намъ указанія, какъ намъ подходить къ рѣшенію проблемы самоуправления въ школѣ.

Одну изъ причинъ, почему, по моему мнѣнію, слѣдовало бы еще продолжать эти опыты — вѣдь только о нихъ пока и идетъ рѣчь — я уже привелъ: это надежда уничтожить двойную мораль и создать взаимное довѣріе между учителями и учениками. Къ этой причинѣ присоединяется вторая, которую Вы, или болѣе сознательные изъ Васъ, вскорѣ сумѣютъ оцѣнить. Изъ-подъ опеки родительскаго дома или школы большая часть изъ Васъ переходитъ въ состояніе безграничной свободы, какаю только и дается человѣку въ дни студенчества. Это такой рѣзкій и непосредственный переходъ, какой рѣдко повторяется въ жизни.

Разумная педагогика не только можетъ, но и должна стремиться къ тому, чтобы сгладить рѣзкость этого перехода. Вы, привыкшіе доселѣ, чтобы Васъ направляли и Вами руководили, вдругъ должны умѣть въ полной мѣрѣ управлять собою и по собственному усмотрѣнію опредѣлять свои поступки. Не секретъ, что многіе многообѣщавшіе юноши терпятъ крушеніе у этого утеса и гибнуть; быть можетъ, этого можно было бы и избѣжать, если бы заблаговременно приучить ихъ часть отвѣтственности за свои поступки принимать на себя. Этимъ я подхожу къ третьему серьезному аргументу, который говоритъ въ пользу этихъ опытовъ съ самоуправленіемъ и который я хотѣлъ бы иллюстрировать Вамъ извѣстнымъ примѣромъ изъ исторіи.

Въ 1806 году патріархальный прусскій режимъ съ своимъ положеніемъ приказывать сверху и повиноваться снизу потерпѣлъ крушеніе, и геніальный государствовѣдъ Штейнъ долженъ былъ на развалинахъ стараго государственнаго устройства соорудить новое зданіе.

Цѣль, къ которой онъ стремился, была та, чтобы одушевить прусскій народъ общественнымъ духомъ и чувствомъ отвѣтственности, и онъ надѣялся достичь этой цѣли, если онъ освободитъ руководимыя и стѣсняемыя свыше силы и привлечетъ ихъ къ государственной работѣ. Успѣхъ показалъ, какъ Вы знаете, что великій этотъ дѣятель былъ правъ, и, если нынѣшнее наше политическое положеніе оставляетъ желать еще многого, то въ концѣ концовъ вина въ томъ, что у многихъ нашихъ соотечественниковъ чувства собственной отвѣтственности не имѣется, что они готовы критиковать и резонерствовать по поводу распоряженій правительства, но уклоняются и остаются въ сторонѣ, когда надо помочь словомъ и дѣломъ. Вы не будете такъ дѣйствовать, мои дорогіе молодые друзья! Помните теперь всегда, что Вы несете отвѣтственность не только за себя самихъ,

но что Вы вмѣстѣ съ тѣмъ ответственны за благо каждой общины, въ которую Вы вступили. Руководствуйтесь впредь категорическимъ императивомъ Канта: „поступай всегда такъ, какъ будто все зависитъ отъ тебя“.—

Какъ мы узнали изъ освѣдомленнаго источника, отношеніе учениковъ къ самоуправленію въ упомянутой выше школѣ осталось такимъ же, какъ его въ свое время очертилъ представитель абитуриентовъ. Такъ какъ было бы неправильнымъ навязывать ученикамъ то, чего они сами не желаютъ,—избранъ другой путь, чтобы выработать въ ученикахъ чувство ответственности. Планомѣрно поддерживается образованіе ученическихъ кружковъ, частью спортивного, частью научнаго характера. Членамъ и представителямъ кружковъ предоставляется полная свобода, но вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ возлагается и полная ответственность. Уже теперь приблизительно треть питомцевъ, конечно, главнымъ образомъ изъ учениковъ старшихъ и среднихъ классовъ, принадлежитъ къ такимъ кружкамъ, имѣетъ, слѣдовательно, возможность проявить себя въ области, ей симпатичной, и привыкать къ чувству собственной ответственности. До сихъ поръ этотъ путь оказался при мѣстныхъ условіяхъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Того же мнѣнія былъ и проф. Ферстеръ, когда начальникъ учебнаго заведенія при случаѣ бесѣдовалъ съ нимъ о вышеописанномъ инцидентѣ и дальнѣйшемъ веденіи дѣла.

Перевелъ Г. Зоренфрей.

Издательство „ОБРАЗОВАНИЕ“, СПБ., Николаевская, 9.—Телефонъ № 75-51.

Въ началѣ мая поступаетъ въ продажу новый учебникъ.

Д. Третьяковъ.

Человѣкъ и животныя.

Учебникъ по курсу естествовѣдѣнія городскихъ по положенію 72-го года училищъ, женскихъ гимназій и кадетскихъ корпусовъ.

Изъ предисловія автора: „...Авторъ не счелъ возможнымъ, какъ это часто рекомендуется, примкнуть къ установившемуся плану курса природовѣдѣнія, въ которомъ описательный матеріалъ зоологіи и анатоміи человѣка помѣщается послѣ физическихъ и химическихъ опытовъ. Но, слѣдуя официальной программѣ имѣвшихся въ виду школъ, особенно же городскихъ училищъ, авторъ рѣшительнымъ образомъ перераспредѣлилъ содержаніе даннаго отдѣла естествовѣдѣнія. Наиболѣе подходящий для младшихъ классовъ описательный матеріалъ сконцентрированъ въ началѣ книги. Введеніемъ къ курсу служить краткій анатомо-физиологическій очеркъ человѣческаго организма... Приложены всѣ старанія, чтобы болѣе иллюстрировать менѣе знакомыя для учениковъ понятія, касающіяся внѣшняго вида и строенія животныхъ. Съ этой цѣлью, кромѣ множества рисунковъ, взятыхъ изъ новѣйшихъ заграничныхъ изданій, книга снабжена цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ рисунковъ, а нѣкоторые рисунки переработаны съ спеціальной цѣлью ихъ лучшаго воспроизведенія. Въ біологическихъ характеристикахъ животныхъ поставлены строгія рамки тому слишкомъ субъективному пониманію цѣлесообразнаго въ природѣ, согласно которому левъ, напримѣръ, живущій въ чащахъ оазисовъ и охотящійся ночью, имѣетъ будто бы предохранительную окраску „цвѣта пустыни“... Третій отдѣлъ составляетъ физиологія человѣка, съ неизбѣжными добавленіями анатомическихъ частностей и гигиеническихъ указаній. Въ этомъ отдѣлѣ предполагается, соотвѣтственно возрасту учениковъ, широкое примѣненіе класснаго опыта“...